

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНИЯХЪ

Н. В. ГОГОЛЯ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИ-
ЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СОВРАЛЪ

В. Зелинскій.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1910.

Оглавленіе.

Критика сороковыхъ годовъ.

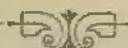
1842 г.

Стр.

„Похожденія Чичикова, или <i>Мертвая Души</i> . Поэма Н. Гоголя“. Статья С. Шевырева. Изъ „Москвитянина“ . . .	1
„Похожденія Чичикова, или <i>Мертвая Души</i> . Поэма Н. Гоголя“. Статья Г. (Н. И. Греча?). Изъ „Сѣверной Пчелы“	33
„Чичиковъ, или <i>Мертвая Души</i> Гоголя“. Статья С. Ш. (Плетнева). Изъ „Современника“	40
„Похожденія Чичикова, или <i>Мертвая Души</i> . Поэма Н. Гоголя“. Статья О. Сенковского. Изъ „Библіотеки для Чтенія“	67
„Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ“. Статья В. Бѣлинскаго. Изъ „Отечественныхъ Записокъ“	99
Нѣсколько словъ о поэмѣ: „ <i>Похожденія Чичикова, или Мертвая Души</i> “. Статья В. Бѣлинскаго. Изъ „Отечественныхъ Записокъ“	119
„Объясненіе“. Статья Константина Аксакова. Изъ <i>Москвитянина</i> “	128
Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „ <i>Мертвая Души</i> “. Статья В. Бѣлинскаго. Изъ „Отечественныхъ Записокъ“	138
„Библіографическое извѣстіе“. Статья В. Бѣлинскаго. Изъ „Отечественныхъ Записокъ“	170

Выдержка о Гоголѣ изъ статьи С. Шевырева: „Взглядъ на современную русскую литературу“. Изъ „Москвитинина“	173
„Ревизоръ. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Соч. Н. Гоголя“. Статья Н. Полевого. Изъ „Русскаго Вѣстника“ . . .	175
Выдержка о „Ревизорѣ“ изъ критической статьи В. Бѣлинскаго, подъ заглавіемъ: „Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Соч. А. С. Грибоедова“. Изъ „Отечественныхъ Записокъ“	177
Алфавитный указатель литературныхъ именъ и предметовъ .	203

КРИТИКА СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

1842 г.

*)—*Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души.* Поэма Н. Гоголя.

Положимъ, говорятъ намъ возражатели, что эта грубая жизнь, какъ и все въ мірѣ, можетъ быть предметомъ наблюденій практическаго философа или государственнаго человека, который ее изучаетъ точно такъ же, какъ естествоиспытатель изучаетъ гадъ и все низкое въ природѣ.

Да какой же интересъ можетъ она предложить Поэту? Какая связь между такою жизнью и искусствомъ?

Сейчасъ, сейчасъ предложимъ отвѣтъ на вашъ вопросъ, который слѣдуетъ въ порядкѣ нашего разсужденія. Но прежде припомнимъ еще одно изъ замѣчаній, напечатлѣвшееся въ нашей памяти по остроумію, съ какимъ было предложено: теперь переходя отъ вопроса о жизни къ вопросу объ искусствѣ и художникѣ, настоящее время отвѣчать на него. Вы спрашивали насъ: „не правда-ли, что странствуя по Россіи, вы согласитесь скорѣе дать 30 верстъ крюку, чѣмъ встрѣтиться съ какимъ-нибудь Собакевичемъ или Ноздревымъ? Какая же охота встрѣчаться съ ними въ поэмѣ, когда и на яву они представляются для насъ страшнымъ кошмаромъ? Можно-ли впустить хотя одно изъ лицъ

*) „Москвитянинъ“ 1842 г., ч. IV, № 8. „Критика“. Статья вторая. С. Шевырева.—Первая статья критики С. Шевырева напечатана въ концѣ первой части „Русской критической литературы о произведеніяхъ Н. В. Гоголя“.

Примѣч. В. Зелинскаго.

этой Поэмы далѣ своей передней?^а—Но позвольте и намъ предложить вопросы въ свою очередь. Смотрите на улицу: вотъ пьяница шатается по тротуару; вотъ извозчикъ навеселѣ мчится на удалой тройкѣ. Вы, конечно, обойдете за нѣсколько шаговъ этого пьяницу, и не впустите извозчика, особенно же съ его тройкой, въ вашу гостиную; но изобрази вамъ пьяницу Теньеръ своею веселою кистию, нарисуй вамъ Орловскій извозчика-лихача, съ удалою тройкою, бессмертнымъ карандашемъ своимъ,—и пьяница Теньеровъ, и тройка Орловскаго будутъ красоваться въ вашей гостиной на самомъ первомъ, почетномъ мѣстѣ, выше какихъ-нибудь другихъ важныхъ картинъ, рисованныхъ кистию не столько искусною. Такова привилегія художества.

Великъ, просторенъ и чудно разнообразенъ міръ Божій: есть мѣсто въ немъ для всего. Живутъ въ немъ и Собакевичи, и Поздравы. Таковъ же точно и міръ искусства, создаваемый художникомъ: и въ немъ должно быть мѣсто всему, и ничѣмъ не пренебрегаетъ многообъемлющая фантазія Поэта, которой подвѣдомъ весь міръ отъ звѣздъ до преисподнихъ земли: все свободно воспріимлетъ онъ въ себя и воспроизводитъ своею чудною властію. Не *что* избралъ художникъ, а *какъ* онъ это возсоздалъ и какъ связалъ міръ дѣйствительный съ міромъ своего изящнаго: вотъ то, что собственно касается искусства.

Первый вопросъ о томъ, *что* изобразилъ художникъ, относящійся къ опредѣленію связи, какая находится между произведеніемъ и жизнію, нами уже рѣшенъ. Перейдемъ же теперь ко второму, *какъ* изобразилъ художникъ жизнь имъ избранную. Одно изъ первыхъ условій всякаго изящнаго произведенія искусства есть водвореніе полной блаженной гармоніи во всемъ внутреннемъ существѣ нашемъ, которая не свойственна обыкновенному состоянію жизни. Но изображеніе предметовъ изъ грубой, низкой, животной природы человѣка производило бы совершенно противное тому дѣйствіе и нарушало бы вовсе первое условіе изящнаго впечатлѣнія—водвореніе гармоніи въ нашемъ духѣ,—если бы не помогало здѣсь усиленіе другой стороны, воз-

вышеніе субъективнаго духа въ самомъ Поэтѣ, возсоздающемъ этотъ міръ. Да, чѣмъ ниже, грубѣе, матеріальнѣе, животнѣе предметный міръ, изображаемый Поэтомъ, тѣмъ выше, свободнѣе, плотнѣе, сосредоточеннѣе въ самомъ себѣ долженъ являться его творящій духъ; другими словами, чѣмъ ниже объективность имъ изображаемая, тѣмъ выше должна быть, отрѣшеннѣе и свободнѣе отъ нея, его субъективная личность.

Сія послѣдняя проявляется въ юморѣ, который есть чудное сліяніе смѣха и слезъ, посредствомъ коего Поэтъ соединяетъ всѣ видѣнія своей фантазіи съ своимъ собственнымъ человѣческимъ существомъ. Неистоимъ комическій юморъ Гоголя; всѣ предметы, какъ будто нарочно, по его волѣ становятся передъ нимъ смѣшною ихъ стороною; даже имена, слова, сравненія подвертываются къ нему такія, что возбуждаютъ смѣхъ; конечно, заразительный хохотъ пронесся вмѣстѣ съ Мертвыми Душами по всѣмъ предѣламъ Россіи, гдѣ только его читали. Но тотъ не далеко слышитъ и видитъ, кто въ яркомъ смѣхѣ Гоголя не замѣчаетъ глубокой затаенной грусти. Въ Мертвыхъ Душахъ особенно часто веселость смѣняется задумчивостью и печалью. Смѣхъ принадлежитъ въ Гоголѣ художнику, который не инымъ чѣмъ какъ смѣхомъ можетъ забирать въ свои владѣнія весь грубый скарбъ низменной природы смертнаго; но грусть принадлежитъ въ немъ человѣку. Какъ будто два существа видѣются намъ изъ его романа: Поэтъ, увлекающій насъ своею ясновидящею и причудливою фантазіею, веселящій неистоимую игрою смѣха, сквозь который онъ видитъ все низкое въ мірѣ, — и человѣкъ, плачущій глубоко и чувствующій иное въ душѣ своей въ то самое время, какъ смѣется художникъ. Такимъ образомъ въ Гоголѣ видимъ мы существо двойное или раздвоившееся; Поэзія его не цѣльная, не единичная, а двойная, распадающаяся. Какъ этотъ разрывъ въ немъ примиряется и доходитъ до полнаго согласія — мы увидимъ ниже.

Яркій смѣхъ Поэта, переливаясь черезъ глубокую думу и печаль, превращается въ немъ такъ часто въ возвышен-

ныя лирическія движенія: тотъ же самый человѣкъ, который теперь только передъ вами такъ беззаботно смѣялся и смѣшилъ васъ, является вдохновеннымъ прорицателемъ, съ торжественною думою на важномъ челѣ своемъ. Эта способность такъ легко переходить отъ хохота ко всѣмъ оттенкамъ чувства, до самыхъ высокихъ лирическихъ восторговъ, показываетъ, что смѣхъ Поэта проистекаетъ въ немъ не отъ холоднаго разсудка, который все отрицаетъ, и потому надъ всѣмъ смѣется, но отъ глубины чувства, которое въ самой природѣ человѣческой дѣлится на веселье и горе. Вотъ чѣмъ юморическій хохотъ Гоголя отличенъ отъ того пустаго пересмѣшничества (*persifflage*), которое часто встрѣчается во Французской литературѣ и ведетъ свое начало отъ Вольтера. Пересмѣшникъ издѣвается разсудкомъ, а не чувствомъ смѣется: хохотъ перваго утомляетъ подъ конецъ своею пустотою, тогда какъ хохотъ втораго часто заставляетъ задумываться.

Подкрѣпимъ наше мнѣніе о характерѣ юмора Гоголева его собственными словами, въ которыхъ онъ такъ вѣрно и сильно высказываетъ на самого себя и открываетъ тайны души своей. Рѣдко случается встрѣтить въ Поэтѣ сознаніе своего характера и искусства: Гоголь принадлежитъ къ числу сихъ немногихъ исключеній. Разборомъ характера Хлестакова въ Ревизорѣ онъ доказалъ, какъ отчетливо понимаетъ свои созданія. Мертвыя Души исполнены также глубокомысленныхъ замѣтъ о состояніи души Поэта и о томъ, какъ онъ самъ смотритъ на свои произведенія. Въ первой статьѣ мы уже привели одно изъ такихъ мѣстъ: теперь снова повторимъ его кстати и прочтемъ еще далѣе.

„Но то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ, и тогда Богъ знаетъ, что взбредетъ въ голову“. — И далѣе: „Зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою вдругъ пронесется иная чудная струя: еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей и уже

другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо“... Въ этихъ словахъ не то же ли самое, что мы выше сказали?

Но вотъ еще мѣсто, въ которомъ гораздо яснѣе высказана та же мысль въ отношеніи къ самому Поэту: „И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властію идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, *озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы!*“ Слова драгоценныя, глубокія, поднятыя съ самаго дна души и сказавшіяся въ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ свѣтлыхъ минутъ, когда поэтъ и человѣкъ бываютъ ясны самому себѣ!

Син-то незримыя, невѣдомыя міру слезы проглядываютъ очень часто въ Поэмѣ Гоголя; для того, кто хочетъ взглядѣться глубже, онѣ очень замѣтны сквозь игривый звонъ комическаго смѣха, и мы нѣсколько разъ испытали на самихъ себѣ переходъ отъ шумнаго веселья къ грустной задумчивости. Подкрѣпимъ это свидѣтельствами изъ самаго произведенія. Главный мотивъ, на которомъ держится все комическое дѣйствіе Поэмы, продажа мертвыхъ душъ, съ перваго раза кажется только забавенъ, и въ самомъ дѣлѣ такъ искусно найденъ комическою фантазіею художника: тутъ нѣтъ ничего никому обиднаго, ни вреднаго—что такое мертвыя души?—такъ ничего, не существуютъ, а между тѣмъ изъ-за нихъ-то поднялась такая тревога. Здѣсь источникъ всѣмъ комическимъ сценамъ между Чичиковымъ и помѣщиками, и кутерьмѣ, какая заварилась во всемъ городѣ. Мотивъ съ виду только-что забавный, —кладъ для комика;—но когда вы прислушаетесь къ сдѣлкамъ Чичикова съ помѣщиками, когда потомъ вмѣстѣ съ нимъ (въ VII главѣ Поэмы), или лучше съ Авторомъ, который здѣсь напрасно уступилъ мѣсто своему герою, вы раздумаетесь надъ участію всѣхъ этихъ неизвѣстныхъ существъ, внезапно оживающихъ передъ вами въ разныхъ типахъ Русскаго мужика,—глубокая пронія выльнется въ мотивъ, и невольною думою осѣнится ваше свѣтлое чело.

Взгляните на разстановку характеровъ: даромъ ли они выведены въ такой перспективѣ? Сначала вы смѣтаетесь надъ

Маниловымъ, смѣтаетъ надъ Коробочкою, нѣсколько серьезнѣе взглянете на Ноздрева и Собакевича, но увидѣвъ Плюшкина, вы уже вовсе задумываетесь: вамъ будетъ грустно при видѣ этой развалины человѣка.

А герой Поэмы? Много смѣшить онъ васъ, отважно двигая впередъ свой странный замыселъ и заводя всю эту кутерьму между помѣщиками и въ городѣ; но когда вы прочли всю исторію его жизни и воспитанія, когда Поэтъ разоблачилъ передъ вами всю внутренность человѣка, — не правда ли что вы глубоко задумались?

Наконецъ, представимъ себѣ весь городъ N. Здѣсь, кажется, ужъ до нельзя разыгрался комическій юморъ Поэта, какъ будто къ концу тома сосредоточивъ всѣ свои силы. Толки жителей о душахъ Чичикова и ихъ нравственности, балъ у Губернатора, появленіе Ноздрева, приѣздъ Коробочки, сцена двухъ дамъ, слухи въ городѣ о мертвыхъ душахъ, о похищеніи губернаторской дочки, вздоръ, тревога, кутерьма, сутолока, вѣсть о новомъ Генераль-Губернаторѣ и сѣздъ у Полицмейстера, на которомъ разсказывается повѣсть о Капитанѣ Копѣйкинѣ!.. Какъ не изумиться тому, съ какою постепенностью растетъ комическое дѣйствіе и какъ непрерывно прибываютъ новыя волны въ смѣшливомъ юморѣ Автора, которому здѣсь просторное раздолье. Какъ будто самъ демонъ путаницы и глупости носится надъ всѣмъ городомъ и всѣхъ сливаетъ въ одно: здѣсь, говоря словами Жанъ-Поля, не одинъ какой-нибудь дуракъ, не одна кака-нибудь отдѣльная глупость, но цѣлый міръ безсмыслицы, воплощенной въ полную городскую массу. Въ другой разъ Гоголь выводитъ намъ такой фантастическій Русскій городъ: онъ уже сдѣлалъ это въ Ревизорѣ; здѣсь также мы почти не видимъ отдѣльно ни Городничаго, ни Почмейстера, ни Попечителя Богоугодныхъ заведеній, ни Бобчинскаго, ни Добчинскаго; здѣсь также цѣлый городъ слить въ одно лицо, котораго всѣ эти господа только разные члены: одна и та же уѣздная безсмыслица, вызванная комическою фантазіею, одушевляетъ всѣхъ, носится надъ ними и внушаетъ имъ поступки и слова, одно смѣшнѣе другого. Такая же

безсмыслица, возведенная только на степень губернской, олицетворяется и дѣйствуетъ въ городѣ N. Нельзя не удивиться разнообразію въ талантѣ Гоголя, который въ другой разъ вывести ту же идею: но не повторился въ формахъ и ни одною чертою не напомнилъ о городѣ своего Ревизора! При этомъ способѣ изображать комически официальную жизнь внутренней Россіи, надобно замѣтить художественныя инстинкты Поэта: все злоупотребленія, все странные обычаи, все предрассудки облекаетъ онъ одною сѣтью легкой смѣшливой ироніи. Такъ и должно быть—Поэзія не доносъ, не грозное обвиненіе. У нея возможны одни только краски на это: краски смѣшного.

Но и тутъ даже, гдѣ смѣшное достигло своихъ краинныхъ предѣловъ, гдѣ Авторъ, увлеченный своимъ юморомъ, отрывшись мѣстами фантазію отъ существенной жизни и нарушить тѣмъ, какъ мы скажемъ постѣ, ея характеръ,—и здѣсь смѣхъ при концѣ смѣняется задумчивостью, когда, среди этой праздно суматохи, внезапно умираетъ Прокуроръ, и всю тревогу заключаютъ похороны. Невольно опять припоминаются слова Автора о томъ, какъ въ жизни веселое мигомъ обращается въ печальное...

Вся поэма усеяна множествомъ краткихъ эпизодовъ, яркихъ замѣтъ, глубокихъ взглядовъ въ существенную сторону жизни, изъ которыхъ видна внутренняя наклонность къ сердечной задумчивости и къ важному созерцанію жизни человѣческой вообще и Русской въ особенности.

Чтобы завершить этотъ рядъ сильныхъ примѣровъ, служащихъ подтвержденіемъ нашему воззрѣнію на юморъ Гоголя, мы выйдемъ изъ его Поэмы одну страницу, въ которой съ удивительною полнотою высказывается все теченіе чувства въ самомъ Поэтѣ и какъ будто въ миниатюрѣ отражается характеръ всей его Поэмы не только тою половиною, которую мы теперь читаемъ, но будущею, которую Авторъ намъ обѣщаетъ. Это описаніе Русской дороги:

„...И опять по обѣимъ сторонамъ столбового пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колонны, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бонками.

богатымъ хозяйномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ, плывущимъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущимся за 800 верстъ, городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавочками, мучными бочками, лантями, казачами и прочей мелюзгой, рябиде шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя, и по ту сторону и по другую, помѣстичьи рываны, солдаты верхомъ на лошади, везущи зеленые ящики съ свинцовымъ горохомъ и подпальсю: такою-то артиллерійскою батареею, зеленыя, желтыя и свѣже-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянута вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающіи далече колокольными звонъ, вороны какъ мухи и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чужаго, прекраснаго далека тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселить, не искушаютъ взоровъ дерзкія сѣлища, вѣчанныя дерзкими ливами искусства, города съ многобашенными, высокими дворцами, выросшими въ ущесы, картинныя деревья и павильоны, выросшіе въ дома, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водонадоевъ; не опрокинетъ назадъ голова посмотрѣть на громаздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменные глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенные одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, павильонами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто — пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же неистощимая, таинная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоихъ тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватается за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! что же ты хочешь отъ меня? какая неистощимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія

очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу освѣсило грозное облако, тяжелое градущими дождями, и оцѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчить сей необъятный просторъ? здѣсь ли, въ тебѣ ли не родится безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и противъ ему? и грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь въ глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..

Прослѣдите внимательною мыслью эти двѣ страницы, въ которыхъ съ такою полнотою вылилось чувство Автора: вы замѣтите, что сначала комическій юморъ показывалъ ему только низкіе предметы русской дороги, версты, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабъ, бородачей, городишки съ лавчонками, лаптями и калачами... Фантазія его, увлеченная въ одну сторону, не замѣтила ни раздолья нашихъ нивъ, несущихъ гибкія волны безконечной и разнообразной жатвы; ни пустыхъ мѣстъ, брошенныхъ пахаремъ отъ избытка земли; ни особенностей нашей природы: роскошной земли, беземѣнно покрывающей дуга все круглое лѣто, болотъ и полей, расписанныхъ сплошь то лиловымъ, то синимъ, то желтымъ цвѣтомъ; плотнаго дуба, рябины, убранныхъ коралловыми кудрями; ни нашихъ рѣкъ, которыя внезапно застилаютъ скачущему широкую дорогу; ни фзіономіи Русскаго мужика, ни его яркой красной рубашки, ни бѣлокурыхъ мальчишекъ, прыгающихъ по улицамъ, ни древнихъ городовъ, высокоподнимающихся надъ крутыми берегами полноводныхъ рѣкъ своихъ; ни вереницы молельниковъ, которые Богъ знаетъ изъ какихъ странъ плетутся многія тысячи верстъ по нескончаемой Руси, ищутъ молитвою и подавнѣмъ; ни Божіихъ храмовъ, которые съ разныхъ точекъ небосклона какъ будто молитвеннымъ хоромъ обнимаютъ васъ, подъемаясь въ небеса, и одни только ярко расписанные и вѣнчанные золотыми крестами, величались и красуются надъ низменными жилищами, гдѣ влачить незамѣтную жизнь свою въ потѣ лица спѣдающій хлѣбъ

свои и кормящи имъ всю Россію Русскій крестьянинъ... Комическій юморъ не могъ замѣтить этого... Къ тому же пышная Италія дивами своего искусства и природы затмила все, что и могло бы на однообразной дорогѣ Русской сказаться сердцу Поэта... Но при имени Русь, сильно издали зазвучала ему родная пѣсня... И крѣпко забилося сердце, и мигомъ смѣхъ сбѣжалъ съ лица, и изъ очей выступили слезы, и какимъ-то непопатымъ желаніемъ вся душа повлеклась въ родимую даль, а затѣмъ высокія лирическія движенія стѣснили грудь, и вылились изъ нея полнозвучными, восторженными словами!

То, что видимъ въ этомъ отрывкѣ, что замѣтили мы прежде въ главномъ мотивѣ Поэмы, въ разстановкѣ характеровъ, въ героѣ, въ изображеніи города, то самое не будетъ ли видно и во всемъ произведеніи?... Да, да, такъ какъ должно быть, суи по духу самого Поэта, такъ ярко воплотившемуся въ его сознаніи... Такъ говорить и предсказываетъ онъ самъ въ разныхъ мѣстахъ Поэмы, особенно же въ ея заключеніи: „Можетъ быть, въ ея же самоизвѣсти почувются иныя, еще доселѣ небранныя, струны, претстанетъ несмѣтное богатство Русскаго духа, пройдетъ муть, одаренныя божественными доблестями, или чужая Русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всею живною красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся переть ими все добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертвая книга передъ живымъ словомъ! Подымутся Русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ Славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ"... Или далѣе: „въздѣ въ какомъ бы ни было городѣ, хоть даже въ столицу, вестга какъ-то блѣдень; сначала все сѣро и однообразно: тинутся безконечныя заводы и фабрики, законченные дымомъ, а потомъ уже выглянутъ углы шестиэтажныхъ домовъ, магазины, вывески, громатныя перспективы улицъ, все въ колокольныхъ, колоннахъ, статуяхъ, башняхъ, съ городскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ и всемъ, что на-ивно произвела рука и мысль человека. Какъ

произвелъсь первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ поцѣтъ дѣло даѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальныя образы, какъ двинутся сокровенныя рычаги широкой повѣсти, раздвѣстся дальше ея горизонтъ, и *вся она приметъ величавое лирическое теченіе*, то увидимъ потомъ“.

Если бы даже Авторъ этими ясными словами самъ не отворилъ намъ дверей въ будущее своей повѣсти, то мы, по требованіямъ изящнаго, по силѣ и полнотѣ его дарованія, объемлющаго все стороны жизни, и по характеру его юмора, могли бы заранѣе отгадать то, что намъ впредѣ обѣщано. Много, много смѣялись въ первомъ томѣ: трудно загадывать въ такомъ дѣлѣ, но должно быть, что *веселое обратится въ печальное*, и что будемъ мы плакать въ послѣдующихъ. Такъ чувство наше раздвоится на двѣ половины, которыя дополнять другъ друга и примирятся, можетъ быть, подъ конецъ въ свѣтлой, успокоительной, возвышенной, всевосприимлющей фантазіи Поэта.

Когда говоришь о Гоголѣ, и находишься подъ непрерывнымъ вліяніемъ его произведенія—невольно приходятъ на мысль поэтическіе образы—и холодный языкъ критика превращается въ языкъ поэта. Потому, да не покажется читателямъ страннымъ, если мы употребимъ сравненіе для того, чтобы яснѣе изобразить развитіе внутренняго чувства и фантазіи во всей его Поэмѣ. Взгляните на вихрь передъ началомъ бури: легко и низко проносится онъ сперва: взметаешь пыль и всякую дрянь съ земли: перья, листья, доскутки летятъ вверхъ и выются:—и скоро весь воздухъ паподняется его собственнымъ круженіемъ... Легокъ и незначителенъ кажется онъ сначала, но въ этомъ вихрѣ скрываются слезы природы и страшная буря. Таковъ точно и комическій юморъ Гоголя... Но вотъ налетѣли тучи... Сверкнула молнія... Громъ раскатился по небу... Дождь хлынулъ потоками. Земля и небо смѣшались вмѣстѣ... Не такова ли будетъ вторая часть его Поэмы, въ которой обѣщаетъ онъ

намъ *турецкого мечеа*, горизонтъ *радищійся* и величавый *громъ другихъ рѣчей?*

Но мы знаемъ, что надъ этимъ вихремъ, надъ этими молніями, громами и тучами, въ которыхъ небо борется съ землею и очищаетъ ее, — высоко, высоко распростерто ясное, невозмущаемое, лазурное небо съ своимъ неизмѣннымъ солнцемъ: не такъ ли надъ юмеромъ Поэта, въ которомъ свободный духъ его раздѣляется съ существованіемъ дѣйствительной жизни, носится міръ его свѣтлой фантазіи, гдѣ примиряются его чувства, волнующія жизнь въ двѣ противныя стороны, и гдѣ человѣкъ съ своимъ смѣхомъ и слезами успокоивается и преобразуется въ одного цѣльнаго художника?

Объяснивъ сначала значеніе дѣйствительной жизни въ первой части Поэмы Гоголя, и показавъ, какимъ образомъ онъ связуется съ міромъ искусства, мы перейдемъ теперь въ чистый элементъ художественный, въ область его фантазіи, и предложимъ ей характеристику. Талантъ Гоголя былъ бы весьма одностороннею, если бы ограничивался однимъ комическимъ юморомъ, если бы обнималъ только одну низкую сферу дѣйствительной жизни, если бы личное (субъективное) чувство его не переливалось изъ яркаго холода въ высокую бурю восторженной страсти, и если бы потомъ обѣ половины чувства не мирились въ его свѣтлой, творящей, многообъемлющей фантазіи. Вспомнимъ, что одно и то же перо изобразило намъ ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, Старосвѣтскихъ помещиковъ и Тараса Бульбу. Художественный талантъ Гоголя совершилъ такіе замѣчательные переходы, когда жилъ и дѣйствовалъ въ сферѣ своей родной Малороссіи. Но вѣтъ таиннымъ и по вѣтъ въроятностямъ должно предполагать, что тѣ же самые переходы совершилъ онъ и въ новой огромной сферѣ своей дѣятельности, въ жизни Русской, куда теперь, какъ зину, переселилась его фантазія. Если Ревизоръ и первая часть Мертвыхъ Душъ соответствуетъ Шонькѣ и знаменитой ссорѣ двухъ Малороссовъ, то мы въ правѣ ожидать

еще высокихъ созданій, въ родѣ Тараса Бульбы, взятыхъ уже изъ Русскаго міра.

Но и теперь, когда все возсоздаваемое Гоголемъ изъ этого міра носить на себѣ рѣзкую печать его комическаго юмора, и теперь замѣчаемъ мы въ немъ присутствіе свѣтлой творческой фантазіи, которая предводитъ согласнымъ хоромъ его способностей, возвышается надъ всѣми субъективными чувствами, и готова бы была совершенно перенестись въ чистый идеальный міръ искусства, если бы слишкомъ низкіе предметы земной жизни не сковали ея могучихъ крыльевъ и если бы комическій юморъ не препятствовалъ ей свободному, полному и спокойному созерцанію жизни. Постараемся теперь обозначить черты ея и короче ознакомиться съ фізіономіею Поэта, ярко отразившейся въ его новомъ произведеніи.

Первая черта фантазіи Гоголя есть живое *ясновидѣніе* міра, имъ переносимаго изъ бытія существеннаго въ бытіе идеальное искусства. По всѣмъ правамъ и въ высшемъ смыслѣ фантазія Гоголя можетъ быть названа *ясновидящею*, потому что въ каждомъ предметѣ, ею воспроизводимомъ, она видитъ ясно и внѣшнюю и внутреннюю его сторону, и взаимное ихъ между собой отношеніе. Безъ особеннаго призванія, безъ дара Божія, Гоголь не могъ бы развить въ себѣ этой способности, которая не пріобрѣтается никакимъ навыкомъ; но нельзя не замѣтить, что два славные учителя воспитали ее: Италія своею поэзіею, живописью и природою раскрыла въ фантазіи Гоголя всю внѣшнюю ея сторону; Шекспиръ и В. Скоттъ раскрыли внутреннюю и довершили развитіе.

Какой читатель могъ не замѣтить въ Мертвыхъ Душахъ всей богатой живописи внѣшняго міра, — въ теплыхъ картинахъ Русской природы, въ изображеніяхъ всѣхъ мелочей городского и сельскаго быта, въ наружной фізіономіи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ каждое со всѣми его движеніями видишь передъ собою, и наконецъ въ этихъ сравненіяхъ яркихъ, пластическихъ, всегда окруженныхъ и съ художественною заботливостію доведенныхъ до конца?

Много бы надо было выписывать изъ Поэмы, если бы мы захотѣли знакомить съ нею читателей въ этомъ отношеніи; но предполагаемъ, что многіе изъ нихъ уже почти вѣзвѣстны съ нею знакомы, и что въ ихъ воображеніи живо нанечатаны картины, начертанныя кистію Гоголя. Все, къ чему во внѣшнемъ мірѣ не прикасается его волшебная фантазія, все то чудно, свѣтится своею краскою и сквозитъ въ его яркомъ, вѣрномъ, полномъ и широкомъ словѣ.

Мы видѣли эту сторону фантазіи Гоголя еще въ Вечерахъ Диканьки, въ Старосвѣтскихъ помѣщикахъ и въ Тарасѣ Бульбѣ. Кто не помнитъ Малороссійской степи и плодovitаго сада? Но особенно сказать, что въ Мертвыхъ Душахъ эта сторона выступаетъ еще ярче. Здѣсь только близорукіи не замѣтятъ, что небо Италіи, прозрачныи ея воздухъ, ясность каждаго очерка въ предметъ, картинныя галлерей, мастерскія художниковъ, частое обращеніе съ ними, наконецъ. Поэзія Италіи—всеситали въ Гоголѣ фантазію той стороны, которою обращена она ко всему внѣшнему міру, и дали ей такое живописное направленіе, такую полноту и окончанность.

Говоря объ этомъ, нельзя не обратить вниманія на симпатію Гоголя къ Италіи, на душевное влеченіе его къ странѣ изящнаго. Откуда объяснить это? Изъ того только, что онъ истинный художникъ, что искусство — его призваніе. Въ самомъ дѣлѣ, Гоголь у насъ единственный писатель, который остается вѣрнъ своему назначенію, не отвлекается ничѣмъ постороннимъ, твердо и постоянно служить искусству и живетъ только для него. Благородное, прекрасное, достойное служеніе! Слава ему, что онъ не промѣнялъ его ни на какое иное! Если такъ, то какая же другая сфера могла удовлетворить ему, кромѣ Италіи, гдѣ все дышитъ міромъ близкимъ душѣ его, и въ самой Италіи какой городъ могъ онъ избрать, если не Римъ, гдѣ минувшее величіе, природа и искусство сочетались въ одно и образовали для всякаго современнаго художника чудныи пріютъ, волшебное окруженіе? Здѣсь, *изъ своего прекраснаго сада*, благодаря прозрачному небу полудня, ясно и

полнѣе созерцаетъ онъ Россію, и въ то время какъ въ снахъ фантазіи являются ему конимары съ фигурами Собакевичей и Поздрыхъ; необходимо, чтобы взоры его отыскали на странныхъ очертаніяхъ Колоссея и храма Петра, на картинахъ Перуджино и Рафаэля, на воздушныхъ горныхъ линіяхъ и на чудной лазури небесъ Италіянскихъ! Таковъ художникъ истинный. Да будетъ же свѣтло его пребываніе тамъ, и чаще, какъ можно чаще, да сходать на него минуты вдохновенія!

Иркін отпечатокъ природы, живописи и Поэзіи изъяснаго полудня Европы лежитъ на колоритѣ Мертвыхъ Душъ и на всемъ, что составляетъ внѣшнюю сторону изображаемаго въ нихъ міра. При этомъ замѣчаніи прошу читателей не смѣшать содержанія съ искусствомъ: содержаніе разумеется дано Россією, и Поэтъ всегда ему вѣренъ, но яснотѣ и сила фантазіи, съ какими возсоздаетъ онъ чуждѣйшій міръ отчизны, воспитаны въ Гоголѣ Италіянскимъ окруженіемъ. Въ одномъ мѣстѣ видно даже, что Италія невольно бросила нѣсколько жаркихъ красокъ на самое содержаніе картины, а именно — въ описаніи сада Плюшкина, гдѣ зеленныя облака и трепетнолистые куполы деревьевъ, лежащихъ на небесномъ горизонтѣ, напоминаютъ ландшафты Юга.

Говоря объ этой полуденной стихіи въ Поэмѣ Гоголя, какъ забываешь чудныя сравненія, встрѣчающіяся перѣдко въ Мертвыхъ Душахъ! Ихъ полную художественную красоту можетъ постигнуть только тотъ, кто изучалъ сравненія Гомера и Италіянскихъ Эпиковъ, Аріоста и особенно Данта, которые, одинъ изъ Полтовъ новаго міра, постигъ всю простоту сравненія гомерическаго и возвратилъ ему круглую полноту и окончанность, въ какихъ оно являлось въ Эпосѣ Греческомъ. Гоголь въ этомъ отношеніи пошелъ по слѣдамъ своихъ великихъ учителей. Сравненіе образуетъ у него по большей части отдѣльную полную картинку, которою онъ увлекается, какъ Эпикъ, и которую искусно вставляетъ въ цѣлое Поэмы, не нарушая нисколько единства, и не прерывая нити разсказа. Много такихъ срав-

нений у Гоголя, но мы особенно приведем одно, которое полнотою и простотою образа напоминаетъ сравненія Гомеровы.

„Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на блѣдомъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго Польскаго дѣта, когда старая ключница рубить и дѣлать его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ; дѣти все глядятъ собравшись вкругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ *) рукъ ея, поднимающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, попятыя легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и пользуясь поделѣноватостію старухи и солнцемъ, безнужнымъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ вразбитую, гдѣ густыми кучами. Насыщенные богатымъ дѣломъ, и безъ того на всякомъ шагѣ разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одна о другую заднія или переднія ножки, или почесать ими у себя подъ крылышками, или протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя подъ головою, повернуться и опять улетѣть и опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами“.

Всмотритесь въ этихъ мухъ: какъ онѣ граціозны и какъ тонко замѣтилъ Поэтъ все ихъ маленькія движенія! Приведемъ нѣсколько подобныхъ сравненій изъ Гомера:

*) При этомъ словѣ нельзя не вспомнить безъ изумленія *проблему* одного Петербургскаго журнала, который искажаетъ текстъ Гоголевъ-й Поэмы и сравнивъ потомъ свое же искаженіе. Прочтите въ литературной Лѣтательной Библіотекѣ для числа 29 страницу. Издатель напечаталъ: а движеніями женскихъ рукъ ея (ключницы), вмѣсто жесткихъ, и прилагаетъ въ скобкахъ: то-есть, старой ключницы, у которой, вѣроятно, другихъ рукъ и не было кромѣ женскихъ. Право не вѣршишь глазамъ своимъ, до какой степени можетъ дойти недобросовѣстность кририка, вѣтшаго какою-то страшною злобою на талантъ.. Давно ужъ ни одна статья не возбуждала въ насъ такого жалкаго отвращенія, какъ этаго разборъ Мертвыхъ Душъ, гдѣ все произведение Гоголя умышленно искажено въ текстѣ и содержаніи. Мы это докажемъ и считаемъ обязанностью выставить на глаза публики все несправедливое такое дѣяніе.

С. Ш.

„... Сбыднися народы: такъ точно племени пчелъ густыми роями вылетаютъ все болѣе и болѣе изъ скалы глубокой, и въ видѣ грозилъ несутся на весенніе цвѣты, одиѣ летять въ одну, другія въ другую сторону... Такъ высыпають народъ изъ кораблей и шатровъ... (Пѣнь 1, ст. 86—91)“. — „Какъ оселъ забравшійся въ ниву, спорить съ пѣтьми упрямыи: много палокъ объ него изломали, а онъ забрался и жретъ себѣ глубокую пашню; мальчишки бьютъ его палками, но глупа еще ихъ сила,—и тогда только съ трудомъ выгоняютъ его, когда онъ насытился нивой: такъ Аякса великаго изгоняли Трояне“ (п. XVI, ст. 257—266). — „Они толпились около мертвато, какъ мухи въ хлѣву жужжать вокругъ подвинниковъ, переполненныхъ молокомъ, въ весеннюю пору, когда оно льется черезъ край въ сосуды“... (п. XVI, ст. 641—643).

Вотъ сравненіе изъ Данта: „Какъ овечки выходятъ изъ затвора по одной, по двѣ, по три, а другія стоятъ робкенькія (*timidette*), опустивъ къ землѣ глаза и рыльце, и что дѣлаетъ первая, за нею дѣлаютъ и другія, приклоняясь къ ней сзади, если она остановится, цросты и тихи, а почему такъ дѣлаютъ, не знаютъ... Такъ двигались души“... (Чист., п. 3). — „Подобно тому, какъ слетаются на ниву голуби и клюютъ ячмень или просо, тихіе безъ обычнаго своего воркованія, а если что-нибудь вдругъ ихъ испугаетъ, внезапно покидаютъ они свою приправу, потому что постигла ихъ важнѣйшая забота: такъ и эта свѣжая толпа оставляла берегъ“...

Пріемы славныхъ учителей видны очень въ сравненіяхъ Гоголя. Мы припомнимъ лучшія: сравненіе Манилова съ котомъ, у котораго подчекотали за ушами пальцемъ, овалънаго лица съ прозрачнымъ яичкомъ, радостнаго чувства среди печалей — съ блестящимъ экипажемъ, который пропосится по бѣлой деревушкѣ, глазъ Плюшкина съ мышами, вниманія нетерпѣливой дамы съ Русскимъ бариномъ-охотникомъ, ожидающимъ заппа, городскихъ дамъ съ ученымъ, пускающимъ въ свѣтъ смѣлую гипотезу, жителей города со школьникомъ, которому товарищи засунули въ постъ

гусара. Нельзя не привести однако цѣликомъ чудной картины лающихъ собакъ и сравненія ихъ съ хоромъ пѣвчихъ:

„Между тѣмъ немъ заливались всеми возможными головами: одинъ забросивши въ верхъ голову, выводить такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получалъ Богъ знаніе какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро, промежъ ихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неутомимый динкантъ, вѣроятно, молодого щенка, и все это наконецъ повернись басъ, можетъ быть, старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипѣтъ пѣвческій контробасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ, тенора подымаются на цпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все что ни есть порывается къ верху, закиньшая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстухъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжать стекла“.

Мы не приводимъ множества другихъ маленькихъ сравненій, каими усѣбно произведеніе: вспомнимъ эти дороги, которыя расползаются во все стороны, какъ раки, выброшенные изъ кулъка, — или у Плюшкина въ домѣ, люстру, которая въ мѣлкіе своемъ похожа на червяка, заключеннаго въ коконъ. Все, къ чему ни прикасается волшебная кисть Гоголя, все живетъ въ его яркомъ словѣ, и каждый предметъ сквозить изъ него и выдѣется своимъ видомъ и цвѣтомъ. И это свойство своей фантазіи Русскій Поэтъ могъ возвести на такую степень искусства только тамъ, гдѣ творилъ Дантъ, гдѣ Аріостъ дружилъ съ Рафаэлемъ и въ его мастерской, созерцаая безсмертную кисть, переносилъ живыя ея краски въ Итальянское жаркое слово. Кто не понимаетъ сочувствія Гоголя къ Италіи, тотъ не пойметъ и всей красоты въ пластическомъ виѣшенемъ элементѣ его фантазій.

Но предметы виѣшеней природы получаютъ у Гоголя еще другую, особенную жизнь, потому что тѣсно сопрягаются съ человѣкомъ, приводится не только для самихъ себя, не

для эническаго описанія, а чаще для того, чтобы рисовать намъ насъ же самихъ, служить символомъ отцѣльнаго характера, лица или цѣлаго народа, чтобы выражать собою внутреннюю жизнь и дѣйствія человека. Припомните всѣ деревни помѣщиковъ, курятникъ Коробочки, мебель и обѣды Собакевича, домъ или лучше кладовую Плюшкина, псарню Поздрева, лошадей Селифана... Здѣсь во всякомъ мерзкомъ, бездушномъ предметѣ живетъ самъ человекъ, отражается его личное свойство и характеръ. Поэтъ рассказываетъ намъ, какъ еще съ дѣтства раскрылось въ немъ это покорное наблюденіе предметовъ, какъ въ горютахъ и деревняхъ *ничто не ускользнуло отъ его свѣдѣлаго тонкаго вниманія*; какъ слѣдить онъ движенія, высматривалъ ожегу и всю наружность людей, проходившихъ мимо его, *и уносился мысленно за ними въ общую жизнь ихъ*; какъ смотря на дома и сады помѣщиковъ, старался угадать, кто таковъ самъ помѣщикъ... Всѣ записки этихъ впечатлѣній отцѣльнаго дѣтства пошли въ прокъ, какъ вино, и послужили матеріаломъ для его поэзіи.

Мы объяснили вѣншую сторону ясновидящей фантазии Поэта, показали ея воспитаніе и отношеніе къ сторонамъ внутренней: перейдемъ теперь къ сей послѣдней. Поэтъ именемъ ея мы разумѣмъ ясное созерцаніе всего внутреннего человека въ различныхъ его видахъ. Въ этомъ отношеніи Гоголь является достойнымъ ученикомъ поэзіи сѣвера, и особенно Шекспира и В. Скотта. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ сознаніе характеровъ цѣльныхъ. Гоголь способенъ видѣть ясно каждое лицо, имъ создаваемое, и прослѣдить его во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ жизни, во всѣхъ изгибахъ и движеніяхъ какъ души такъ и тѣла. Здѣсь-то особенно проявляется сила творческая въ Поэтѣ.

Въ характерахъ, создаваемыхъ Гоголемъ, только замѣтить, что это ни какіе-нибудь частные случаи, не отдѣльныя явленія, подмѣченныя умомъ наблюдательнымъ.—нѣтъ, художникъ возводитъ каждыя изъ нихъ на степень общаго типа и самъ на то намекаетъ. Припомнимъ то, что говорить о Поздревѣ и Собакевичѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сказавъ

пущая въ самомъ себѣ крѣпкую натуру Собакевича, этого чепуха-кулака, найдете вы во многихъ людяхъ по частимъ и въ разныхъ слояхъ общества, восходя до самыхъ высшихъ. Нѣкоторые брезгивали этимъ лицомъ, особенно видя его за панией и после обѣда: странно!—брезгаютъ въ Поэмѣ, а какъ будто не непрерывно видятъ около себя, какъ будто не часто обѣдаютъ съ Собакевичами, которые обѣдаются не паний, не нищюка, не вотрушекъ, а громадныхъ котлетъ съ грифелями, чванятся образованіемъ, потому что говорить по французски, а нравственно еще гаже Собакевича. Знаете ли, что Собакевичи есть даже и въ литературѣ? вотъ, напримѣръ, всѣ тѣ писатели, которые смотрятъ на словесность какъ на легчайшее средство къ добыванію денегъ, всѣ литераторы-кулаки, которые обо всемъ даровитомъ въ литературѣ выражаются точно также, какъ Собакевичъ о губернаторѣ и прочихъ чиновникахъ, а въ своей критикѣ непрерывно разыгрываютъ въ дѣйствиіи известную басню Крылова—всѣ эти молодцы развѣ не тѣ же Собакевичи, взятые номеромъ съ виду повыше? А потрудитесь, сравните-ка съ подлинникомъ текстъ изъ книги, приводимыи ими со вносными знаками, какъ будто они ни въ чемъ не виноваты,—вы нападете не на одного Емелавету Воробья, котораго умѣютъ они ввертывать искусно для своихъ собственныхъ скрытыхъ цѣлей! А Маниловъ? О, Маниловыхъ много и въ столицахъ: этого народу досужихъ мечтателей не оберешься у насъ въ Россіи, къ сожалѣнію; льсти съ виду пустые, а если приглядѣться пристальнѣе, такъ очень вредные своимъ бездѣйствіемъ. А Коробочка? Коробочекъ пронасть во всей Москвѣ, во всѣхъ закоулкахъ нашей необозримой столицы; онѣ ходятъ толпами по рынкамъ, только болѣе покупають, чѣмъ продають. А Подревъ? отъ избалованныхъ Подревыхъ также у насъ тѣсно. И они, вмѣстѣ съ Собакевичами, втерлись въ литературу. Этотъ писака, который вчера посылалъ къ вамъ учтивыя, калѣбнопредкюшенныя письма, почтено хвалить васъ, а теперь почтено же ругать безъ причины; или выбѣжавъ изъ-подъ своего поворотни, лаетъ безъ умолку на всѣхъ

проходящихъ, какъ будто получаютъ за это Богъ знаетъ какое жалованье; или вдругъ разругаетъ всевозможныя славы міра, славы Италіи, Франціи и Россіи, и преклонится переть къ-мъ-нибудь, не просиявшимъ похвалъ его, и закричитъ ему во все горло: да ты выше Шекспира! — въ родъ того, какъ Поздrevъ увѣряетъ Чичикова, что онъ для него лучше отца родного; — или, наконецъ, наглое самохвальство и хвастовство свое доводитъ до какого-то усовершенствованнаго ремесла: скажите, такой нисака-дрянь не тотъ же ли Поздrevъ, принявшійся за перо и словесность, Богъ знаетъ какимъ случаемъ? Онъ едва ли не хуже его, потому что Поздrevъ ругаетъ и хвалитъ, лаетъ и лжеть, лжеть и хвастаетъ по одному истиннѣту, а нисака-дрянь то же тлаетъ при совершенномъ сознаніи своихъ дѣяній. — Да ужъ полно, нѣтъ ли и Чичиковскаго подвига въ нашей литературѣ? Вотъ, напримѣръ, собрать подписку на книгу, которая существовала только въ воображеніи сочинителя, точно также какъ мертвыя души, купленныя Чичиковымъ... развѣ не то же?... Ну да, впрочемъ, довольно и этого...

Великъ талантъ Гоголя въ сознаніи характеровъ, но мы искренно выскажемъ и тотъ недостатокъ, который замѣчаемъ въ отношеніи къ полнотѣ ихъ изображенія или произведенія въ дѣяніе. Комическій юморъ, поэтъ условіемъ коего Поэтъ созерцаетъ все эти лица, и комизмъ самаго событія, куда они замѣшаны, пренятствуетъ тому, чтобы они представляли всѣми своими сторонами и раскрыли всю полноту жизни въ своихъ дѣяніяхъ. Мы догадываемся, что кромѣ свойствъ, въ нихъ теперь видимыхъ, должны быть еще другія добрыя черты, которыя раскрылись бы при иныхъ обстоятельствахъ: такъ, напримѣръ, Маниловъ, при всей своей пустой мечтательности, долженъ быть весьма добрымъ человекомъ, милостивымъ и кроткимъ господиномъ съ своими людьми и честнымъ въ житейскомъ отношеніи; Коробочка съ виду только крохоборка и погружена въ одни матеріальныя интересы своего хозяйства, но она непременно будетъ набожна и милостива къ нищимъ; въ Поздrevъ и Собакевичѣ труднѣе пріискать что-нибудь доброе, но все-таки

отаны же быть и въ нихъ какія-нибудь движенія болѣе человѣческія. Въ Плюшкинѣ, особенно прежнемъ, раскрыта глубже и полнѣе эта общая человѣческая сторона: потому что Поэтъ взглянулъ на этотъ характеръ гораздо важнѣе и строже. Здѣсь на-время какъ будто покинулъ его комическій демонъ и пропія, и фантазія получила болѣе простора и свободы, чтобъ осмотрѣть лицо со всѣхъ сторонъ. Также поступилъ онъ и съ Чичиковымъ, когда раскрыть его воспитаніе и всю біографію.

Комическій демонъ шутки иногда увлекаетъ ю того фантазію Поэта, что характеры выходятъ изъ границъ своей истинны: правда, что это бываетъ очень рѣдко. Такъ, напримеръ, неестественно намъ кажется, чтобы Собакевичъ, человѣкъ положительный и солидный, сталъ выхвалявать свои мертвыя души и пустился въ такую фантазію. Скорѣе могъ бы его увлечься Пондревъ, если бы съ нимъ случилось такое дѣло. Оно чрезвычайно смѣшно, если хотите, и мы отъ души хохотали всему орагодскому паоосу Собакевича, но въ отношеніи къ истинѣ и отчетливости фантазіи намъ кажется это не вѣрно. Даже самое краснорѣчіе, этотъ даръ слова, который онъ внезапно по какому-то особенному паптію обнаружилъ въ своемъ панетирикѣ каретнику Михееву, плотнику Пробкѣ и другимъ мертвымъ душамъ, кажутся противны его обыкновенному слову, которое кратко и все рубитъ топоромъ, какъ его самого обрубила природа. Нарушеніе одной стороны повлечло за собою нарушеніе и другой. Авторъ самъ это чувствовалъ и оговорился словами: „откуда взялись ресь и паръ слова въ „Собакевичѣ““. То же самое можно замѣтить и объ Чичиковѣ: въ главѣ VII прекрасны его думы обо всѣхъ мертвыхъ душахъ, имъ купленныхъ, но наирасно приписаны онѣ самому Чичикову, которому, какъ человѣку положительному, едва ли могли бы придти въ голову такія чутныя поэтическія бѣдны о Степанѣ Пробкѣ, о Максимѣ Телятниковѣ сапожникѣ, и особенно о грамотѣ Поповѣ безмашпортномъ, да объ Ондѣ въ Абакумѣ, гуляющемъ съ бурлаками... Мы не понимаемъ, почему всѣ эти размышленія Поэтъ не предло-

жить отъ себя. Неестественно намъ также показалось, чтобы Чичиковъ ужъ до того напился пьянъ, что Селифану велѣлъ сдѣлать всѣмъ мертвымъ душамъ лично поголовную перекличку. Чичиковъ—человѣкъ солидный и едва ли напнется до того, чтобы впасть въ подобное мечтаніе.

То, что сказали мы о характерахъ, должно повторить и о волшебствѣ всей Русской жизни въ Поэмѣ Гоголя. Его фантазія съ чудной ясностію созерцаетъ всю невинную для простаго ока ткань ея, со всѣми запутанными нитями и узлами. Чѣмъ болѣе вглядываемся въ подробности изображенія, тѣмъ болѣе удивляемся тому, какъ онѣ мастерски прилажены къ цѣлому и между собою, и убѣждаемся, что достигнуть этого можно только цѣльнымъ творческимъ ясновидѣніемъ жизни, а не искусственною какою-нибудь механикою, которая какъ бы ни слаживала, ужъ не сладитъ такъ, не подѣляется подъ жизнь, какъ сама фантазія, самовластно управляющая всѣми способностями Поэта, приносящими ей дары свои, плоды опытовъ, наблюденій, и всѣ орудія на готовое служеніе. Въ изложеніи содержанія мы ужъ на то намекали: здѣсь приведемъ нѣкоторыя мелкія подробности, служащія однако тѣсными нитями въ ткань всего дѣйствія повѣсти.

Какъ вѣрно то, что кучеръ Селифанъ напился пьянъ въ гостяхъ у двора Манилова! Отъ Коробочки выѣзжаетъ онъ совершенно другимъ кучеромъ: тутъ ужъ замѣтны въ немъ порядокъ и стараніе. Отъ Поздрева выѣхалъ онъ въ дурномъ расположеніи духа и такимъ же вибалмошнымъ, какъ и самъ хозяинъ, у котораго они съ бариницею гостили: вотъ почему въ первый разъ съѣхавъ онъ съ дороги и опрокинулъ бричку; во второй — ѣхалъ очень порядочно; въ третій — безъ толку наскочилъ на экипажъ, совершенно по Поздревски. Все это кажется мелочами съ перваго раза, а оно чрезвычайно важно въ общей ткани событій, изъ которыхъ складается канва дѣйствія. Прослѣдите всѣ выходы Поздрева; онѣ вытекутъ изъ его характера. Съ нимъ нельзя было никакъ сладить дѣла, онъ одинъ могъ всполошить городъ на балъ у Губернатора и разорить все предпріятіе

Чичикова, силъ же потомъ своимъ визитомъ и откровенностью могъ надоумить его на скорый отъездъ. А Коробочка не такъ ли вездѣ вѣрна самой себѣ? — кто же другой могъ бы такъ поспѣшно прискакать въ городъ и ударить тревогу? — не изъ тучи громъ, а всегда такъ на свѣтъ бываетъ. Коробочки очень важны и значительны въ подобныхъ предпріятіяхъ.

Но и здѣсь будетъ та же самая оговорка со стороны нашей, что комическій юморъ Автора мѣшаетъ иногда ему обхватывать жизнь во всей ея полнотѣ и широкомъ объемѣ. Это особенно ясно въ тѣхъ яркихъ замѣткахъ о Русскомъ человѣкѣ, которыми усѣяна Поэма. По большей части мы видимъ въ нихъ одну отрицательную, смѣшную сторону, полюбохвата, а не весь обхватъ Русскаго міра. Всякая глупость и безсмыслица ложится ярко подъ жѣлкую кисть Поэта-юмориста. Кучеръ Селифанъ похвалился, что не опрокипегъ, и тотчасъ же опрокинулъ. Дѣвочка умѣетъ показать дорогу, а не знаетъ, что право и что лѣво. Дяди Мишинъ и тятя Митяи хлопотали, хлопотали около брички и коляски, и безтолковыя, ровно ничего не сдѣлали, но только что лошадей измучили. Здѣсь, съ одной стороны, вина добрая черта Русскаго народа его радущіе, безкорыстная готовность помочь ближнему въ бѣдѣ, что не всегда найдетъ вы въ образованномъ западѣ: — но съ другой стороны жаль, что все это радущіе примыкаетъ къ безтолковничью, которая очень смѣшна, но не полна: ибо вообще-то говоря, ужь конечно не безтолковъ Русскій мужикъ, и въ дѣлѣ требующемъ здраваго смысла, за поясъ заткнетъ любого ученаго иностранца. Правда, живетъ и на него бѣда, какъ на Селифана, прихвастнетъ и опрокинетъ спьяну, но часто бываетъ и такъ, что проскачетъ чортъ знаетъ гдѣ, вылетѣть просто на авосѣ по соловенному мосту, и ужь пока держитъ вожжи въ рукахъ, конечно не усумнится какъ иной Нѣмецъ въ томъ, что справить лошадей, не дастъ выпрыгнуть изъ коляски своему барину. Вотъ еще и такого кучера представьте намъ. Бываютъ и такія бѣды съ мужичками Русскими, какъ было съ дядею Митиемъ и Ми-

пріемъ, что работаютъ, работаютъ, и прогонять ихъ прочь, не сказавши имъ добраго слова: но вѣдь коль въ суммѣ-то взять, такъ въ дорогѣ случись бѣда, кто же лучше поможетъ противъ нашего мужика, кто смысленѣе его и расторопнѣе?—И какъ ему въ томъ и не смыслену бытъ, когда, кромѣ природы, которая надѣлила его здравымъ смысломъ, немогла ему сама дорога своимъ горькимъ опытомъ, своими ухабами, канавами, рывинами, грязью колю по брюхо, театральными мостами и пріятностями, отъ которыхъ такъ горько бываетъ образованному путешественнику внутри Россіи и еще было бы горше, когда бы не Русскій мужикъ съ своимъ терпѣніемъ, безкорыстнымъ радушіемъ и смысленостью!

Да не подумаютъ читатели, чтобъ мы въ чемъ-нибудь обвиняли Гоголя! Избави насъ Боже отъ такой мысли, или лучше такого чувства! Гоголь любить Русь; знаетъ и отгадываетъ ее творческимъ чувствомъ лучше многихъ: на всякомъ шагу мы это видимъ. Изображеніе самыхъ недостатковъ народа, если взять это даже въ нравственномъ и практическомъ отношеніяхъ, наводитъ у него на глубокія размышленія о натурѣ Русскаго человѣка, о его способностяхъ и особенно воспитаніи, отъ котораго зависятъ все его счастье и могущество. Прочтите размышленія Чичикова о бѣглыхъ душахъ (на стр. 261—264): насмѣявшись, вы глубоко раздумаетесь о томъ, какъ растетъ, развивается, воспитывается и живетъ на бѣломъ свѣтѣ Русскій человѣкъ, стоящій на самой низшей ступени жизни общественной.

Да не подумаютъ также читатели, чтобъ мы признавали талантъ Гоголя одностороннимъ, способнымъ созерцать только отрицательную половину человѣческой и Русской жизни: о! конечно мы такъ не думаемъ, и все, что говорено прежде, противорѣчло бы такому утвержденію. Если въ этомъ первомъ томѣ его Поэмы комическій юморъ возобладать, и мы видимъ Русскую жизнь и Русскаго человѣка *по большей части* отрицательною ихъ стороною, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы фантазія Гоголя не могла вознестись до полного объема всѣхъ сторонъ Русской жизни. Онъ самъ

обычаесть намъ далѣе представить все *несмысленное богатство Русскаго духа*, и мы увѣрены заранее, что онъ славно сдержитъ свое слово. Къ тому же и въ этой части, гдѣ самое содержаніе, герои и предметъ дѣйствія увлекли его въ хохотъ и иронію, онъ чувствовалъ необходимость восполнить недостатокъ другой половины жизни, и потому въ частыхъ отступленіяхъ, въ яркихъ замѣтахъ, брошенныхъ эпизодически, далъ намъ предчувствовать и другую сторону Русской жизни, которую со временемъ раскроетъ во всей полнотѣ ея. Кто же не помнитъ эпизодовъ о мѣткѣ словѣ Русскаго человека и прозвищъ, какое даетъ онъ, о безконечной Русской плесни, несущейся отъ моря до моря по широкому раздѣлю нашей земли, и наконецъ объ ухарской тройкѣ, объ этой птицѣ-троенкѣ, которую могъ выдумать только Русскій человекъ и которая внушила Гоголю жаркую страницу и чудный образъ для быстраго полета нашей славной Руси? Всѣ эти лирическіе эпизоды, особенно послѣдній, представляютъ намъ какъ будто взгляды, брошенные впередъ, или предчувствія будущаго, которое должно огромно развиться въ произведеніи и изобразить намъ всю полноту нашего духа и нашей жизни.

Мы не можемъ не выписать чуднаго эпизода о Русскомъ прозвищѣ и словѣ:

„Выражается сильно Россійскій народъ! и если наградитъ кого словомъ, то понесетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужъ потѣмъ ни хитри и не облагоураживаетъ свое поприще, ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя прозвище во все воронье горло, и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное мѣтко, все равно что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куда бываетъ мѣтко все то, что вышло изъ глубины Руси, гдѣ ильгъ ни Нѣмецкихъ, ни Чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все самъ,—самородокъ, живши и божій Русскій умъ, что не дѣзетъ за словомъ въ карманъ, не выеживается его, какъ наѣдка цыплятъ, а влиливается сразу, какъ паспортъ на вѣчную поску, и

нечего прибавлять уже потомъ, какъ у тебя носъ, или губы—одной чертой обрисованы ты съ ногъ до головы!

„Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей съ куполами, главами, крестами, разсыпано на Святой благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣний, народовъ толпятся, нестрѣбеть и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силы, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенностью и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился какою ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженіи его часть собственнаго своего характера. Сердцевѣднѣе и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово Британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово Француза; затѣливо придумаетъ свое, не всякому доступное, умнохудожавшее слово Нѣмецъ; но пѣть слова, которое было бы такъ замашисто, сонно, такъ вырвалось бы изъ подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и живо трепетало, какъ мѣтко сказанное Русское слово“.

Замѣчательно, что Поэтъ въ числѣ языковъ не отмѣтилъ рѣзкимъ карандашомъ своимъ Италіянскаго слога, хотя конечно имѣлъ въ дѣлѣ передъ собою, для того чтобы судить объ немъ: это не потому ли, что Русскій народъ въ мѣткости и живучести слова сходится съ художникомъ Италіянцемъ, такъ какъ и во многомъ другомъ, несмотря на то, что жаръ и морозъ раздѣлили оба народа?

Заключимъ же: учителя юга и сѣвера, Италія и Шекспиръ, положили печать свою на вѣншней и внутренней сторонѣ фантазіи Поэта въ отношеніи къ ясновѣдѣнію жизни. Такое сочетаніе двухъ элементовъ, замѣтное у насъ и въ другихъ Поэтахъ, особенно же въ Пушкинѣ, обѣщаетъ въ будущемъ для Русской фантазіи и для Русскаго искусства разнѣе многостороннее и совершенно полное. О если бы могли совместить въ себѣ вѣншній ютъ съ внутреннимъ сѣверомъ, изящную пластику и форму перваго и глубокую идею втораго—мы достигли бы идеала въ искусствѣ! Пріятно мечтать о томъ и еще пріятнѣе видѣть, что наша

мечта начала осуществляться въ избранныхъ представителяхъ Русскаго искусства, и видимое на дѣлѣ предсказывать многое въ грядущемъ, особенно если мы не захотимъ ограничиваться какимъ-нибудь одностороннимъ направленіемъ и не будемъ искажать просторныхъ Русскихъ дарованій исключительнымъ чужимъ вліяніемъ, Французскимъ какъ то было прежде, Нѣмецкимъ какъ бываетъ иногда теперь. — Комический юморъ, увлекаая фантазію Поэта и представляя ей одну только половину жизни, препятствуетъ полнотѣ внѣшняго и внутренняго ясновидѣнія. Мы никакъ не скажемъ, чтобы это было недостаткомъ въ фантазіи Гоголя: это ея свойство, но думаемъ также, что Поэтъ способенъ изъ ея полетѣ самыи свободный и обширный, котораго достало бы на обхватъ всей жизни, и предполагаемъ, что развиваясь далѣе и далѣе, его фантазія будетъ богать полнотою и обниметъ жизнь не только Руси, но и другихъ народовъ, возможность къ чему мы уже видѣли ясно въ Римѣ Гоголя.

Отношеніе юмора къ фантазіи есть дѣло первой важности въ поэтическомъ его талантѣ. — Оба въ немъ — дары Божіи и необходимы: поставить ихъ въ надлежащее равновѣсное отношеніе другъ ко другу — великая задача во всемъ развитіи Поэта!

Это отношеніе само собою прекрасно опредѣляется второю чертою фантазіи Гоголя, которая состоитъ въ тѣсномъ ея согласіи съ существенностію жизни, имъ возсоздаваемой. Какъ въ этомъ произведеніи, такъ и въ прежнихъ лучшихъ его созданіяхъ, фантазіи не исчезаетъ въ мечтаніи произвольномъ, а упирается всеѣмъ содержаніемъ поэзіи въ глубокія основы жизни человѣческой и природы, ея одушевленной. Его поэзія не облака, безъ образа и значенія носящіяся надъ землею, но Фата Мортана, идеально отражающая въ небѣ все то, что на землѣ дѣйствительно происходитъ. Какова фантазія Гоголя, таковъ его и юморъ, крѣпкою силою привязанный къ корню самой жизни.

Эта черта въ фантазіи и юморѣ Гоголя есть черта собственно Русская. Поэзія наша, какъ и философія, не спо-

собна отрѣшиться отъ жизни и перенн въ какое-то бытіе отвлеченное, произвольное, чуждое значенія. Гофманъ былъ бы у насъ невозможенъ. Вся отвлеченная сторона поэміи Гете, вся ея неопредѣленность, также не въ нашемъ характерѣ и принята къ намъ быть не можетъ. Великъ юморъ Жанъ-Поля, но онъ тѣмъ отличается отъ Гоголевскаго, что слишкомъ празденъ и отрѣшенъ отъ существеннаго въ жизни.

Гоголь самъ это чувствовалъ въ новомъ своемъ произведеніи и на послѣднихъ страницахъ его (467, 468) самъ указываетъ на глубокую связь между Поэмою его и жизнью.

Самыя неудачныя созданія Гоголя изъ прежнихъ были Вій и тѣ повѣсти въ Арабескахъ, въ которыхъ онъ подчинился Пѣменскому влиянію. Сюда же мы отнесемъ и Поесъ, напечатанный въ Современникѣ.

Фантазія и юморъ Гоголя чѣмъ глубже проникаютъ въ существенную жизнь, тѣмъ больше крѣпнутъ, тѣмъ выше восходятъ; тѣмъ богаче становится содержаніемъ и поэзія, ими создаваемая. Каждый поэтъ, какъ титанъ Антея, долженъ касаться земли: чѣмъ глубже забираетъ онъ ее, тѣмъ могучѣе становится и тѣмъ свободнѣе возносится къ небу: отрѣшаясь отъ земли совершенно, онъ теряетъ силу. Таковъ поэтъ вообще, таковъ долженъ быть еще болѣе поэтъ Русскій, судя по характеру народа; и таковъ нашъ Гоголь.

Повторимъ опять: ошибаются тѣ, которые не обращаютъ вниманія на содержаніе поэзіи Гоголя и видятъ въ ней одну лишь отвлеченную художественную сторону. Это совсѣмъ не похвала ему, а кромѣ того и незнаніе характера Русской поэзіи.

Поэтому-то скажемъ искренно Поэту: его фантазія и юморъ должны непременно всегда касаться существенной жизни, хотя и не ровне жить въ ней, ибо искусство свободно; но чѣмъ глубже будутъ проникать въ дѣйствительность, тѣмъ сильнѣе будетъ ихъ дѣйствіе и тѣмъ правильнѣе опредѣлится ихъ взаимное между собой отношеніе, отъ котораго много зависитъ въ грядущемъ развитіе нашего Поэта. Вся сила и всѣ красоты его новаго произведенія отсюда берутъ

свое начало, и всё недостатки его, всё слабыя стороны протекать изъ противнаго, являются тамъ, гдѣ Поэтъ измѣняетъ своему коренному характеру. Когда онъ слишкомъ отрѣшится отъ дѣйствительнаго жизни, — юморъ его пустуетъ, лишенный содержанія, пускаетъ мыльные пузыри, и смѣхъ безъ глубокаго своего значенія теряется празднымъ пустозвонкомъ. Это бываетъ рѣдко, но бываетъ вездѣ тамъ, гдѣ Поэтъ увлекся своимъ комическимъ демономъ, *замкнулся* и слишкомъ отрѣшился отъ дѣйствительнаго жизни. Чаше же всего случается это въ городѣ, и здѣсь особенно на балѣ у Губернатора и въ обществѣ дамскомъ, когда онъ неистовствуетъ около Чичикова. Намъ кажется, что тутъ матеріалы измѣнили Поэту, и онъ по неволѣ отрѣшился отъ жизни и преданъ произволу своего комическаго юмора, который увлекъ его и нарушилъ характеръ его истиннолюбивой фантазіи.

Мы назвали фантазію Гоголя *ясновидящею, истиннолюбивою*, но есть еще третья черта въ художественномъ ея характерѣ, черта равно Русская, какъ и вторая: мы назвали бы ее *глубокою*. Да, въ фантазіи нашего Поэта есть Русская щедрость или чивость, доходящая до расточительности, свойство, выражаемое у насъ старинною поговоркой: все что ни есть въ нечи, то на столѣ мочи. Объяснимся. Читая Мертвыя Души, вы могли замѣтить, сколько чудныхъ полныхъ картинокъ, яркихъ сравненій, замѣтъ, эпизодовъ, а иногда и характеровъ, легко, но мѣтко очерченныхъ, дарить вамъ Гоголь, такъ, просто, даромъ въ придачу ко всей Поэмѣ, сверхъ того, что необходимо входитъ въ ея содержаніе. У Собакевича помните компаніонку за столомъ, а при Пондревѣ его блокураго зятя, который снаружи кажется упрямъ, а внутри мягокъ: онъ пошелъ за-даромъ и даже безъ имени, въ придачу къ характеру Пондрева. Заговорилъ Польшъ о тыквахъ-горляникахъ, и пришли ему въ голову баталайки и двадцатилѣтній паренъ, мягачъ и щеголь, посвятившій на блѣдокрыхъ тѣвицѣ (стр. 178). Забрелъ онъ воображеніемъ на рабочій дворъ Плюшкина — и ярко представилась ему картина щеп-

наго двора въ Москвѣ (стр. 224). Плюшкинъ контрастомъ напомнилъ чиваго помѣщика, кутящаго во всю ширину Русской удали и барства, и тутъ явилась иллюминація сада и вѣтви, чудно озаренныя снизу, и вверху темное, грозное небо, и сумрачныя вершины деревь. Все уснуло въ трактирѣ, гдѣ остановился Чичиковъ, лишь въ одномъ окошечкѣ видѣнъ свѣтъ, и вотъ вамъ въ придачу шуточка на поручика, прѣхавшаго изъ Рязани, большого охотника до сапоговъ, который призмѣриваетъ пятую цару и никакъ не наляцется на нее.—Гоголя можно сравнить съ богатымъ Русскимъ хлѣбосоломъ, который за роскошнымъ столомъ своимъ, кромѣ двухъ-аршинной стерляди, Архангельской телятины и прочихъ солидныхъ блюдъ, предлагаетъ вамъ множество закусокъ, прикусокъ, подливокъ и дорогихъ соусовъ, которые всѣ идутъ въ придачу къ непостижимому шире и непременно съѣдаются, застопенные главными сокровищами щедраго Русскаго хлѣбосольства. Эти придачи фантазіи Гоголя имѣютъ иногда характеръ высокихъ, иногда же напротивъ переходятъ въ шуточку: такъ бываетъ и въ Русской пѣсни, и сказкѣ, которая дарятъ васъ также при-словами то высокими, въ родѣ слѣдующаго:

Высота-ли, высота поднебесная,
Глубота-ли глубота—Окіанъ море,
Широта раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

то шутливими, какъ пзвѣстими прибаутки нашихъ сказокъ.

Главныя свойства фантазіи Гоголя отражаются и въ его словѣ. Мы намѣрены посвятить особенную статью языку и слогу Мерквыхъ Душъ, и теперь обозначимъ только нѣкоторыя черты, связанныя съ прецѣдущимъ. Ясновидніе фантазіи его отражается и въ слогѣ необыкновенною очевидностью. Внѣшняя ея сторона придастъ ему живопись: слогъ Гоголя яркая кисть со всеми оттѣнками колорита, мы имѣли уже случаи говорить объ этомъ. Внутренняя сторона выражается чуднымъ разнообразіемъ въ разговорѣ выводимыхъ лицъ, всегда изображающемъ живо особенныя

характеръ каждаго. — Согласіе фантазіи съ существенностью жизни отразилось и въ словѣ чѣмъ-то *истиннымъ*, безъискусственнымъ: намъ только замѣтны отступленія, гдѣ Поэтъ измѣняетъ главному характеру своей фантазіи. Наконецъ, третья черта сей послѣдней — Русское алѣбосольство, дасть печать свою и слогу: слово Гоголя — слово широкое, полное, разземистое, плотовитое. Речь его разсыпчата, какъ сдобное тѣсто, на которое не пожалѣли масла: она льется черезъ край, какъ переполненный стаканъ, налитый рукою чиваго хозяина, у котораго вино и скатерть ни по чѣмъ: съ того-то и періодъ его бываетъ слишкомъ грузно начиненъ, какъ широкъ у затѣпываго гастронома, который купитъ безъ расчета принасовъ и не пачитъ никакой начинки. Словомъ, полная рука расточительнаго богача вина вездѣ: всего вволю; приходитъ перѣико на умъ хорошо бы поумѣреннѣе и поразборчивѣе, да боишься оскорбить благородную щедрость хозяина и пинить себя многихъ чудныхъ лакомствъ, которыя онъ даромъ сыплетъ на своей трапезѣ.

Въ заключеніе эстетическаго разбора Мертвыхъ Душъ, потребовать можетъ быть отъ насъ объясненія слову: Поэма? Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать только тогда, когда будетъ окончено все произведеніе. Теперь же значеніе слова: Поэма — кажется намъ двойнымъ: если взглянуть на произведение со стороны фантазіи, которая въ немъ участвуетъ, то можно принять его въ настоящемъ поэтическомъ, даже высшемъ смыслѣ, но если взглянуть на комическій юморъ, преобладающій въ содержаніи первой части, то дѣйствительно въ-за слова: Поэма выйдетъ глубокое, значительная иронія, и скажемъ внутренню: „непрійятель ли умъ къ заглавію: Поэма нашего времени?“

С. Шевыревъ.

*)—**Похожденія Чичикова**, или *Мертвые души*. Поэма Н. Гоголя. Москва, 1842 г.

Parturiunt montes.

Нѣсколько лѣтъ толковали намъ, что Г. Гоголь написал романъ: *Мертвые души*, который превзойдетъ все прочія его сочиненія, въ которомъ раскроется весь необыкновенный талантъ его. Наконецъ, въ пятой книжкѣ *Москвитянина*, объявили, что романъ отпечатанъ. Мы бросились въ книжную лавку, и имѣли счастье купить одинъ изъ первыхъ экземпляровъ, полученныхъ въ С.-Петербургѣ, книжку довольно толстую, напечатанную четко, на хорошихъ бумагахъ, въ желтой оберткѣ съ странными и уродливыми арабесками. Прочитали ее разъ, прочитали другой, и сообщаемъ читателямъ нашимъ чистосердечное выраженіе нашего о немъ мнѣнія, съ которымъ, вѣроятно, согласится все безпристрастные и благонамѣренные читатели талантовъ г. Гоголя.

Содержаніе этого романа, вкратцѣ, слѣдующее. Одинъ чиновникъ, выгнанный изъ службы за воровство и злоупотребленія, вздумалъ поправить свое состояніе тѣмъ, что сталъ скушать у помѣщиковъ души крестьянъ ихъ, умершихъ послѣ ревизіи, съ тѣмъ, вѣроятно, чтобъ заложить сіи существующія только на бумагѣ души, въ Кредитныхъ Установленіяхъ. Онъ пріѣхалъ съ этою цѣлю въ какой-то губернской городъ, познакомился тамъ съ чиновниками и помѣщиками, и закупилъ искомаго товару порядочное количество, но не разбирая людей, къ которымъ обращался, вскорѣ увидѣлъ, что его плутни обнаружены, и поспѣшилъ выбраться изъ города, встревоженный сначала о минимомъ его богатствѣ, а потомъ о вредности и небывалыхъ его замыслахъ. Вотъ и все. Читатель жесѣе смахиваетъ на Хлестакова въ Ревизорѣ: тамъ вздорный мальчишка исполнилъ всехъ дураковъ и погубилъ въ го-

*) „Сѣверная Пчела“ 1842 г. № 137. „Русская Литература“. Статья подписана буквой Г. (П. П. Гречъ?).

родѣ, зѣсь отъявленными негодияи приволь въ недоумѣніе цѣлую губернію. Тотъ безъ разбору занимаетъ у всѣхъ деньги; эготъ у всякаго спрашиваетъ, не имѣеть-ли на продажу мертвыхъ душъ. Оба они во время уѣзжаютъ съ поприща своихъ подвиговъ, и освобождаютъ автора отъ необходимости распутывать узелъ, впрочемъ, очень искусно завязанный.

Чѣмъ же наполнены четыреста семьдесятъ пять большихъ страницъ этого толстаго содержаніемъ романа? Описаніемъ мѣстности разныхъ сценъ его, изображеніемъ наружности дѣствующихъ лицъ и ихъ разговорами, разными эпизодами, вставками, шуточками и прибауточками. Тутъ очень много забавнаго, смѣшнаго, зорко подмѣченнаго и счастливо переданнаго, много характернаго изъ вышнихъ словъ нашей публики; много острыхъ словъ и мѣлкихъ выстрѣловъ въ невѣжество, глупость и пороки. Понакажется умныя сужденія, вѣрныя и разительныя замѣчанія, но все это утопаетъ въ какой-то странной смѣси вздору, пошлости и цусиковъ. Всѣ лица, введенныя авторомъ на сцену, болѣе или менѣе карикатуры; всѣ, какъ говорить Простакова въ Недорослѣ, дураки или воры. Нѣтъ ни одного порядочнаго, не говоря уже честнаго и благогоушнаго человека. Это какой-то особый міръ негодяевъ, который никогда не существовать и не могъ существовать.

Въ оправданіе автору можно сказать, что онъ и не хотѣлъ представлять дѣйствительнаго міра, въ которомъ смѣшано доброе и злое, истинное и ложное, умное и глупое; онъ хотѣлъ написать карикатуру и внести въ нее все смѣшное, что только успѣлъ замѣтить въ свѣтѣ. Но не все то, что случается и говорится, годно для романа, для поэзіи, не все то можетъ интересовать и быть пріятнымъ въ книгѣ, что заставляетъ насъ улыбнуться на улицѣ или на извозничьемъ дворѣ.

Увидѣмъ безвкусію и дурному тону, господствующимъ въ этомъ романѣ. Выраженія: *подлецъ, свинья, слитиусъ, боснлъ, подонки* (стр. 196: „въ театрѣ одна актриса ка-

палья, такъ пѣла какъ канарейка“), *ракалья*, *Оетюль* *) *складырникъ*, *мошесаникъ байъика*, *чертовъ кулакъ*, *напакостникъ*, *скотина*, *подстига*, *Винная Снесь* (названіе селенія) составляютъ еще не самую темную часть книги. Многія картины въ ней просто отвратительны; таковы, напримѣръ, изображеніе лакея (стр. 33, который „снать не раѣбъясь, такъ какъ есть, въ томъ же самомъ сюртукѣ, и носить всегда съ собою свой особенный воздухъ, своего собственного запаха!“), утираніе мальчику носа за столомъ, стр. 33 (иначе бы, говоритъ авторъ, капнула въ супъ препорядочная посторонняя капля); рассказъ о поручикѣ (стр. 56), (который не выпускалъ изо рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ); описаніе подвиговъ Поручика Кувшинникова (стр. 125). исторія блохъ (стр. 156 и 157) пресотвратительная; выраженія на верху 165 страницы, еще на стр. 189 вверху и внизу; на стр. 219: („Идите въ комнаты!—сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спинну, запачканную мукою, съ большою прорѣхою пониже“); портреты Плюшкина, (стр. 235); бесѣда на улицѣ (стр. 250); одно мѣсто на стр. 260; еще на стр. 303; описаніе замысловъ при дамскомъ нарядѣ (стр. 314); на стр. 333, внизу; и проч. и проч. Не понимаемъ, для кого авторъ малевалъ эти картинки! Похвалы людям, которымъ онѣ могутъ нравиться, его не утѣшаютъ!

Языкъ и слогъ самые неправильные и варварскіе. Не говоримъ о вводныхъ рѣчахъ героевъ и героинь автора: они говорятъ какъ должно, или какъ не должно. Но въ собственныхъ его рѣчахъ, господствуетъ самое дерзновенное возстаніе противъ правилъ грамматики и логики. Напримѣръ: (стр. 8). „Молодой человекъ *оборотился* назадъ“; (стр. 14). „Скромно *темнѣла* (вм. темнѣлась) сѣрая краска“, (стр. 16). „Отправился домой прямо въ свои *номеръ*, *поддерживаемый* слетка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою“,

*) Авторъ замѣчаетъ въ выноскѣ, (стр. 145) объ этомъ словѣ: „четюль слово обидное для мужчины, происходятъ отъ буквы Ч, буквы почтительной нѣкоторыми неприличною буквою“. Это что?

(стр. 23). „Собакевичъ съ перваго раза ему наступить на ногу, сказавши: прошу прощенія“. *Нѣтъ! наступивши на ногу, сказалъ:* и проч. (стр. 35). „Не безъ радости былъ вдали *узрѣтъ* полосатыя шлагбаумъ“. *Узрѣтъ!* (стр. 41). „Если коснешься *за тиражъ* его предмета“. Мы очень любимъ употребленіе причастій, и отнюдь не согласны съ тѣми, которые хотятъ замѣнять ихъ безпрерывнымъ *конторый*, но есть случаи, въ которыхъ причастіе неумѣстно, напримѣръ, и въ слѣдующемъ (стр. 230): „помѣщикъ, *куртящій* во всю ширину Русской удали и барства“. (Стр. 51). „При (?) нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою“. *Нѣтъ!* Стоящій при нихъ учитель поклонился, и проч. На стр. 62 и 87 авторъ употребляетъ выраженія *посовья ноздри*. Любопытно знать, есть ли въ свѣтѣ какія-нибудь не посовья ноздри. (Стр. 69). „М. должно стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удалившуюся бричку, и когда она уже совершенно *стала невидна*“. Это не по-Русски. Должно сказать: пропала изъ виду, скрылась, и т. п. (Стр. 79). „Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно были очень пріятны, ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольнои усмѣшки“. Не постигаемъ! (Стр. 80). „Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ окошкѣ и достигнулъ туманною струею до забора, *указавши* нашимъ дорожнымъ ворота“. Прежняя ошибка! (Стр. 85). „У тебя вся спина и бокъ въ грязи! Гдѣ такъ изволить *засалиться*? — Еще слава Богу, — отвѣчаетъ онъ, что только *засалился*“. *Нѣтъ*, не засалился, а выначкался. Засалиться не значитъ просто *se salir*, а замачкаться сальмомъ. (Стр. 98). „Вы ихъ не *смищива* на улицѣ“. *Нѣтъ*, не *смищива*. (Стр. 99). „*Открыла* ротъ“. *Нѣтъ*, разинула ротъ. (Стр. 102). „*Должренное* письмо“. *Нѣтъ*, вѣрующее письмо. (Тамъ же). Перипы вынесены вонъ“. А мы думаемъ, что просто вынесены. (Стр. 111). „Колеса брички, захватывая ее (грязь), сдѣлались скоро покрытыми ею, какъ *вѣлокомъ*“. По-Русски, просто говорятъ *покрылись ею*“. (Стр. 117). Занидливъшій самоваръ“. Удивительно: самоваръ, покрытый *пшесемъ*! (Стр. 163). „Ч. *сталъ блѣднѣть*“.

какъ плотно. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но *чувствовалъ*, что губы его шевелились безъ звука. Стать блѣднѣе вмѣсто поблѣднѣе. Слово *чувствовалъ* лишнее. (Стр. 173). „Лошади попятнулись *назадъ*“. А почему не впередъ? (Стр. 173). Мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами. (Стр. 297). „Кто-то вбѣжалъ въ *поныгалахъ*“. Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: запыхавшись. Въ *поныгалахъ* значить совѣтъ иное: надмень въ счастіи. (См. Словарь Россійской Академіи. (Стр. 228). „Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе“. (Стр. 252). Потребовавши *самый легкий ужинъ*, состоявшій только въ поросенкѣ“. (Стр. 405). Много *совершилось* въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы казалось теперь *не съицъ* и ребепокъ“. „Совершились заблужденія, сдѣлать заблужденія“, то и другое невозможно. Въ заключеніе выписываемъ мѣсто, которое можетъ идти въ образецъ торжественной высокопарности: (стр. 230). „Чего нѣтъ у него? Театры, балы: всю ночь сіяетъ убранный (?) огнями и плошками (безъ огней?), пламенный громомъ музыки, садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семь насильственномъ освѣщеніи, когда театрално выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная подѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе, и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе являетъ чрезъ то ночное небо, и далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій ихъ корни“.

Довольно для исполненія тяжелой обязанности рецензента указывать ошибки и недостатки. Обратимъ теперь вниманіе читателя и на хорошія стороны книги, которую авторъ, для шутки, называетъ поэмою: это просто положенный на бумагу рассказъ замысловатаго, мимо простодушнаго Мало-россіянина, въ кругу добрыхъ пріятелей, которые отнюдь не погнѣваются за смѣлыя выраженія, нестерпимыя въ чопорныхъ гостинныхъ, въ кругу разодѣтыхъ барынь, не требуютъ ни плана, ни единства, ни слога, только было бы

чему посмѣяться. Никто изъ нихъ не скажетъ: *мове жанръ* и *мове гу!*

Авторъ, какъ мы выше сказали, мастерски рисуеъ сцены изъ престопаоднаго быта, изъ круга сельскихъ помѣщиковъ, подъячихъ, ямщиковъ, крѣпостныхъ людей, и т. п. Укажемъ на самыя удачныя: картина дерзости надъ нищими и подлости предъ старинными (стр. 91); похмѣлье кучера (стр. 109); рѣчи буяна Поздрева (стр. 121 и слѣд.); характеръ его (стр. 134); бесѣда играющихъ въ шанки (стр. 159); происхожденіе грубой рожи (стр. 179); изображеніе скряги Плюшкина (стр. 223) и далье, общіе сапоги для всен двора (стр. 227); допросъ безпашпортнаго (удивительная вѣрностью картина! (стр. 264); портретъ полиціименстера (стр. 287); любовное письмо провинціалки (стр. 309); болтовня двухъ лямъ, длиноватая, но презабавная (стр. 439); деликатный взяточникъ (стр. 445); картина лихой тройки, оканчивающая поему.

Еще должны мы упомянуть объ умныхъ, рѣзкихъ замѣчаніяхъ автора на счетъ слабостей и глупостей людскихъ. Таковы, наприимѣръ: объ обманчивой съ перваго взгляда фигурѣ добрыхъ людей (стр. 41); какъ на свѣтѣ измѣряютъ умъ и любезность человека (стр. 48); слабость мнимоприамыхъ (стр. 130); объ измѣненіи дѣвиць въ общество (стр. 176); удачныя выраженія Русскаго народа (стр. 206); мысли путешественника по приближенію къ городу или селеціи (стр. 211 и слѣд.); проявленіе чувства на деревянномъ лицѣ скряги (стр. 241); молодость и старость (стр. 244); радость возвращенія домой (стр. 255); раздражительность читателей (стр. 345); тактика ученыхъ диссертаций (стр. 363); засѣданія разныхъ нашихъ обществъ (стр. 383) и многія другія.

Не можемъ отказаться отъ удовольствія выписать нѣкоторыя изъ указанныхъ нами мѣстъ.

Стр. 206. „Выражается сильно Россійскій народъ! и если награждать кого словомъ, то поидеть оно ему въ родъ и потомство, утащить онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужъ

попомъ не хитри и не облагораживай свое поприще, ничто не поможетъ: каркнуть само за себя провинце во все свое воронье горло, и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное мѣтко, все равно, что писанное, не вырубывается топоромъ. А ужъ куды бываетъ мѣтко все то, что вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни Нѣмецкихъ, ни Чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все самъ — самородокъ, живой и бойкій Русскій умъ, что не дѣлетъ за словомъ въ карманъ, не выеживаетъ его, какъ насѣдка цыплятъ, а вытѣливается съ разу, какъ пашпортъ на вѣчную поску, и нечего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ, или губы — одною чертой обрисовать ты съ ногъ до головы!“

Стр. 345. „Теперь у насъ все такъ раздражены, что все, что ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностью: таково ужъ видно расположеніе въ воздухѣ. Достаточно сказать только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ, это уже и личность: вдругъ выскочить господинъ почтенной наружности и закричить: вѣдь я тоже человѣкъ, стало-быть я тоже глупъ, словомъ, вмѣстѣ смекнуть въ чемъ дѣло“.

Стр. 383. „Вообще мы какъ-то не стались для представительныхъ засѣданій. Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходки до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ оной главы, управляющей всѣмъ, присутствуетъ препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить или пообѣдать, какъ-то клубы и всякіе вокзалы на Нѣмецкую погу. А готовность всякую минуту есть пожалуй на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и ни въѣтъ какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ, и уже почитаемъ, что все сдѣлано. Наримѣръ, затѣявши какое-нибудь благотворительное

общество для бѣдныхъ, и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ, въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка, задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется, на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя занимается тутъ же для комитета великолѣпная квартира, съ отопленіемъ и сторожами, а за тѣмъ и остается всен суммъ для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую-нибудь свою куму“.

Выписавъ эти строки, которыя въ книгѣ имѣютъ еще много себѣ подобныхъ, не можемъ еще не подосадовать на автора за равнодушіе его къ своему таланту. Онъ добровольно отказался отъ мѣста подѣ образцовыхъ писателей романовъ, чтобъ стать ниже Поль-де-Кока! Жаль! Очень жаль!

Г. (Н. И. Гречъ?).

* * *

*) Чичиковъ, или *Мертвыя души* Гоголя.

Къ вамъ, г. Редакторъ „Современника“, я обращаюсь съ моими замѣчаніями о новомъ сочиненіи Гоголя и о другихъ предметахъ, прикосновенныхъ къ дѣлу критики—потому къ вамъ, что сами вы не любите говорить много, и еще болѣе потому, что, кажется, не занимаетесь сужденіями другихъ журналистовъ. Слѣдовательно вы, какъ говорится, человѣкъ свѣжій.

Я прочиталъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, что у Гоголя, судя по Чичикову, нѣтъ таланта, что книга написана безъ вкуса, и что даже она наполнена литературными непристойностями. Обвиненія, введенныя на писателя, давно извѣстнаго съ хорошей стороны публикѣ, естественно заставили меня поскорѣе приняться за чтеніе поэмъ. По моему выходитъ, что Гоголь едва ли не настолько же поднялся выше

*) „Современникъ“ 1842 г., т. 27. Статья подписана буквами С. III. (Плетнева).

въ искусствѣ, сравнительно съ прежними его произведеніями, сколько онъ своимъ талантомъ вообще превосходитъ теперешнихъ Русскихъ писателей. Скажу болѣе: мнѣ кажется странно, говоря о немъ, входить въ объясненіе, чѣмъ сочиненіе его лучше той или другой книги изъ напечатанныхъ съ нимъ въ одно время. У него въ искусствѣ не видно уже авторскаго усилія приблизиться къ определенной цѣли, какъ, напримѣръ, повести читателя на любимую идею, развеселить его забавною сценою, растрогать идеальною картиною горестнаго положенія, красивымъ описаніемъ природы приготовить воображеніе къ поразительной нечаянности, и тому подобное. Онъ самъ весь проникнутъ жизнью—и вмѣсто того, чтобы сочинять, онъ воплощаетъ въ дѣйствительность свою внутреннюю жизнь, это чудное вмѣстилище всего внѣшняго. Вышедши изъ своего уединенія мысли на поприще явленій жизни, онъ обязанность созерцателя перемѣняетъ на ощущеніе дѣйствующихъ, и мы видимъ только рядъ поразительныхъ сценъ, не подозревая, что дѣло состоитъ въ искусствѣ автора. Таково было всегда разстояніе отъ великихъ, впрочемъ столь рѣдко проявляющихся художниковъ, до самыхъ умныхъ, разборчивыхъ и всякой похвалы достойныхъ ихъ учениковъ или послѣдователей. То, что говорили у насъ въ Петербургѣ объ игрѣ Листа, меня наводитъ на эту же мысль. Состояніе души его во время исполненія музыки, и то, чѣмъ сила его чуднаго постиженія наполняетъ, проникаетъ, такъ сказать, бродящія у другого звуки, и то, что онъ дѣйствительно сочувствія съ идеею автора вноситъ въ сердце слушателей, развѣ это все усиліе искусства, а не страданіе или радость жизни? Развѣ можно при этомъ говорить о чистотѣ, вкусѣ и бѣлости игры другого артиста, чтобы каждому отдать ему принадлежащее?

Вы не думаете, конечно, что поэма Гоголя пачата безъ основанной идеи, что искусство ему не покарается и что онъ влечется за мимолетящими ощущеніями. Но дѣло въ томъ, что у писателя всякаго разряда, какъ въ самой природѣ, явленія просты, доступны постиженію всякаго,

а зарождаемая ими мысли разнообразны, обширны и томятся въ душѣ во всѣхъ видахъ, какіе только созерцающая душа воспринимать способна. Сколько людей разсматриваетъ, наиримѣръ, захожденіе солнца. Всѣмъ знакомы явленія, его сопровождающія, между тѣмъ какъ у каждаго изъ размышляющихъ почти всякій разъ возникаетъ новая идея при этомъ зрѣлищѣ. На книгу Гоголя нельзя иначе смотрѣть, какъ только на вступленіе къ великой идее о жизни человѣка, увлекаемого страстями жалкими, но неотступно дѣйствующими въ мелкомъ кругу общества. Мы еще не знаемъ, куда вынесетъ его этотъ потокъ, а между тѣмъ видимъ развитіе первыхъ склонностей души, и уже прожили съ героемъ періодъ замѣчательный, не по дѣяніямъ его, но по впечатлѣніямъ. То еще впередъ, что въ поэмѣ называется дѣйствіемъ: передъ нами только поднята завѣса для объясненія первыхъ странныхъ его шаговъ. Неизвѣстны никому человѣкъ прибыть въ губернскій городъ. Исполнивъ извѣстные обряды обществія, онъ втирается въ тамошній кругъ. Это представляетъ ему возможность завести по описочкѣ съ кажимъ изъ властителей неожиданной и неслыханнымъ дотоле торгъ. Онъ видитъ уже исполненнымъ намѣреніе свое. Но тайна его полукрота — и онъ едва успѣваетъ укрыться изъ города.

Вотъ какъ еще немного развито дѣйствіе, если говорить о сочиненіи, измѣрая достоинство его тѣмъ, чѣмъ нитается празное и несмыслящее любопытство. Но въ сущности искусство не вымыселъ важенъ, а жизнь. Ея полное поэтическое развитіе есть прямая цѣль великихъ художниковъ. Накопленіе разнообразныхъ періодовъ жизни безъ глубокаго и вѣрнаго ихъ обозначенія во власти каждаго писателя, хотя бы онъ былъ безъ таланта и призванія. Конечно, есть правило въ критикѣ, не останавливать движенія дѣйствія. Но какъ понимать его? Значить ли это безирегистранно прибавлять что-нибудь новое къ общему ходу исторіи? Совсѣмъ нѣтъ. Какъ въ дѣйствительной жизни паружное движеніе не доказываетъ еще внутренней дѣятельности, которая одна по справедливости называется на-

шею жизнью; такъ и въ произведеніи искусства развитіе дѣятельности каждаго момента есть истинно-художническое движеніе. Впрочемъ, критика, на теоріи основанная, и критика, раздающаяся въ минуту созерцанія самыхъ явленій, часто не соглашаются между собою по причинамъ, очень понятнымъ каждому опытному судѣ. Все правила сами по себѣ, конечно, должны быть хороши, потому что рождаются отъ долговременныхъ наблюденій. Но примѣненіе правилъ есть опытъ, зависящій отъ силъ каждаго. Кто ихъ условія узнастъ самъ собою, тотъ и дѣйствуетъ успешно; а кто ловитъ ихъ и безсознательно примѣняетъ, тотъ производитъ одну механическую работу, ничего не творя художнически.

Для того, что теперь напечаталъ Гоголь, онъ взялъ платье до такой степени простое и не заманчивыя, что автора можно упрекать въ отсутствіи разнообразія хода поэмы. У него одиннадцать главъ. Первая содержитъ описаніе прибытія Чичикова, а послѣдняя отъѣздъ. Срединна заключаетъ сцены то у помѣщиковъ, продающихъ ему не только бесполезное, но и тягостное имущество свое, то у городскихъ его знакомыхъ. Главное дѣйствующее лицо пока одинъ Чичиковъ, лицо, еще не высказавшееся, не герой по старымъ понятіямъ, не идеаль, по требованіямъ эстетики, а человѣкъ обыкновенный, съ какою-то неизвѣстною намъ цѣлью, немножко осторожный, впрочемъ, попавшійся уже разъ въ бѣду отъ своей неосмотрительности. При немъ слуга и кучеръ—безъ всякаго отношенія къ его дѣлу. Больше высказавшіяся и, каждое въ своемъ мѣстѣ, болѣе дѣйствующія лица найдены авторомъ въ томъ обществѣ, посреди котораго очутился нашъ герой. Они лучше всего доказываютъ, какое неистощимое богатство характеровъ, оттѣнковъ, наблюденій, вещей видимыхъ и сокровенныхъ движеній жизни хранится въ душѣ автора. Я могъ бы вамъ перечислить очень обстоятельно лица, выведенныя въ поэмѣ, и обозначить приблизительно черты каждаго изъ нихъ. Но все это не будетъ ничего доказывать. Можетъ быть, другой сочинитель еще болѣе наберетъ лицъ и представитъ ихъ въ такихъ об-

стоятельствахъ, которыхъ тема многозначительнѣе. Но можно ли уже сказать, судя по одному плану, что произведеніе будетъ совершеннѣе? Все въ немъ зависитъ отъ совершенства исполненія. А этого нельзя иначе почувствовать, какъ читая книгу, или, вѣрнѣе сказать, проживъ съ лицами весь періодъ, обнятый сочинителемъ.

Изображеніе цѣлаго общества, или порознь его членовъ, столько принимаетъ особенностей, что невозможно никакой на это привести классификаціи. По большей части мы замѣчаемъ тутъ особенность самого автора. Но самыя высшія, какъ говорить, красоты этого рода уже доказываютъ неуспѣхъ. Краски и тонъ должны выразить жизнь представляемаго, а не представляющаго. Если и замѣтно въ авторѣ стремленіе къ достиженію этой цѣли, сколько видоизмѣненій окажется въ созданіи, въ соответствѣнности чувству, уму и воображенію писателя! Изучая произведеніе, самыя критикъ, безъ сочувствія, безъ равенства эстетическихъ силъ, данныхъ природою художнику, не впадетъ ли въ собственныя ошибки? Въ подобнаго рода соображенія надобно имѣть въ виду, когда мы желаемъ произнести или принять мнѣніе касательно всякой новой книги, и тѣмъ болѣе созданія ума высшаго и необыкновенно оригинальнаго.

Гоголь, какъ я сказалъ, возвелъ характеръ искусства въ поразительное явленіе самой жизни. Онъ, въ этомъ художническомъ отчужденіи собственнаго участія, такъ превосходитъ всѣхъ писателей, что перѣдко перестаешь подозревать его присутствіе тамъ, гдѣ онъ, какъ рассказчикъ, обязанъ находиться. Онъ весь проникнутъ сферою движущагося около него общества, дѣлитъ его образъ мыслей, говоритъ его языкомъ, признаетъ за истину всякую, самую ложную его плекю—и такимъ образомъ ничто васъ не потревожитъ въ очарованіи созданной имъ дѣйствительности. Послушайте, напримѣръ, толки городскихъ жителей, прослышавшихъ, что Чичиковъ накупилъ крестьянъ на выводъ.

„Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городъ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, вы-

годно-ли покунуть на-выводъ крестьянъ. Изъ преній многія отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета. Конечно, говорили иные, это такъ, противъ этого и спорить: земли въ южныхъ губерніяхъ точно хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой“. „Это-бы еще ничего, что нѣтъ воды, это бы ничего, Степанъ Дмитріевичъ, но переселеніе - то ненадежная вещь. Дѣлю извѣстное, что мужикъ, на новой землѣ, да заняться еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ, ни пшвы, ни двора, убѣжить какъ дважды-два, наострить такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь“. Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжить. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу“. „Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова? Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ. Я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздничатанка, и буйнаго поведенія“. „Такъ, такъ, на это я согласенъ. Это правда: никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова пьяницы, но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и есть мораль, тутъ-то и заключена мораль: они теперь негодянъ, а переселившись въ новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужъ было не мало такихъ примѣровъ: просто въ мірѣ, да и по исторіи то-же“. „Никогда, никогда, говорилъ управляющій казенными фабриками, повѣрьте, никогда это не можетъ быть, ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага: первый врагъ есть близость губерніи Малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣряю: въ двѣ недели они изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая

необходимо приобретется крестьянами во время переселения. Нужно развѣ, чтобы они вѣчно были предъ глазами Чичикова, и чтобъ онъ держалъ ихъ въ сжовыхъ рукавицахъ, гонялъ бы ихъ за всякій вздоръ, да и не то, что бы полагаясь на другого, а чтобъ самъ-таки лично, гдѣ слѣдуетъ, далъ бы и зоботычину и подзатыльника“. „Зачѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Онъ можетъ нанти и управителя“. Да, найдете управителя? все мошенники“. „Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ“. „Это правда, подхватили многіе. Знаи господа самъ хотя сколько-нибудь толку въ хозяйствѣ, да умѣи различать людей, у него будетъ всегда хорошій управитель. Но управляющіи сказали, что меньше, какъ за 5000 нельзя нанти хорошаго управителя. Но предѣдатель сказалъ, что можно и за 3000 сыскать. Но управляющіи сказали, гдѣ же вы его сыщете? развѣ у себя въ носу? Но предѣдатель сказалъ: нѣтъ не въ носу, а въ здынемъ же уѣздѣ, именно Петръ Петровичъ Самойловъ, вотъ управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова“. Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно утешала. Стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокошнымъ паромъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицмейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что въ отвращеніе его существуетъ власть капитанъ-исправника: что капитанъ-исправникъ самъ хоть и не фзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ каргузь свой, то одинъ этотъ каргузь погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства. Многіе предложили свои мнѣнія на счетъ того, какъ искоренить буйный духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такіа, которыя уже черезчуръ отзывались военною жестокостію и строгостію, едва ли не излишнею; были однако же и такіа, которыя дышали кротостію. Поцмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность; что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго ро-

да отцемъ, по его выраженію: ввести даже въ благотѣльное проевѣщеніе, и при этомъ случаѣ отзывался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученія.

Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе, побуждаемые участіемъ, сообщали даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденія крестьянъ до мѣста жительства. За совѣты Чичиковъ благодарилъ, говоря, что при случаѣ не приметъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не пужень, что купленные имъ крестьяне отменно смирнаго характера, чувствуютъ самое добровольное расположеніе къ переселенію, и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ“.

Приведенны мною отрывокъ есть общій очеркъ значительной части общества, посреди котораго находится Чичиковъ. Я предпочелъ это спокойное изложеніе сужденій рѣзкимъ явленіямъ какого нибудь частнаго случая, именно потому, что онъ менѣе представляетъ успѣха обыкновенному писателю. Въ успѣхѣ набросать, при заготовленной сценѣ, карикатурныи или даже высокіи характеръ, не мудрено попасть на удачу и сорвать дань улыбки или похвалу читателя; но это я называю искусствомъ, чтобъ не сказать вѣрнѣе ремесломъ. Оно говоритъ много въ пользу труда, и ничего можетъ не доказывать въ пестигѣ таланта. Но отсутствіе успѣха, естественное положеніе всѣхъ лицъ и между тѣмъ всеобщая жизнь и постоянное дѣйствіе комической красоты—вотъ что изумляетъ въ авторѣ, повидимому, безпечномъ и все предоставляемъ самой природѣ.

Вы найдете во многихъ сочиненіяхъ сцены или, по крайней мѣрѣ, отрывки, со всею вѣрностью перенесенные изъ жизни въ область искусства. Между тѣмъ отъ нихъ нисколько не выигрываетъ книга, точно такъ, какъ она остается безъ малѣйшаго достоинства, удовлетворивши всѣмъ требованіямъ теоріи. Какъ владѣть предметомъ: ожидать ли полнаго ея развитія въ самой жизни, возводить ли его въ идеальное состояніе, ограничиваться ли въ его бытіи луч-

шими моментами, подчиняться ли слѣно его собственной натурѣ? это все вопросы, ежедневно рождающіеся, когда дѣло доходить до критики; но вопросы, которыхъ ни судьи, ни подсудимые удовлетворительно рѣшить не могутъ. Противъ каждаго приговора можно поставить множество явленій, которыя торжественно будутъ доказывать то односторонность, то полное заблужденіе судей. Въ душѣ человѣка, одареннаго талантомъ, неизъяснимо, можетъ быть, и безотчетно, но вѣрно и могущественно дѣйствуетъ это чувство, этотъ вкусъ, этотъ тактъ, сколько, гдѣ и когда надобно воплщать природу, а равнымъ образомъ сколько, гдѣ и когда не довѣрять ей и образовать собственное цѣлое, лишь бы оно въ согласіи было съ ея законами.

Если бы усиліяхъ искусства постоянно зависѣлъ отъ устройства, отъ безполезныхъ усилій производящей способности души, много бы у насъ сочиненій достигло того совершенства, которое поражаетъ меня въ Гоголѣ. Итакъ несомнѣнно тутъ сокрыта высочайшая дѣятельность таланта въ соединеніи съ этимъ непостижимымъ, какъ я сказалъ, такюмъ, или съ этою врожденною воспріимчивостію однихъ художнческихъ красокъ всякаго предмета. Отчего, напримѣръ, столько неожиданныхъ перерывовъ въ частяхъ, по видимому, требовавшихъ равной отдѣлки? Есть рѣчи, которыя льются нескончаемо, а другія едва начаты и прерваны. Есть характеры, которые развиты и снова пополняются, а много едва намѣченныхъ. Подобныхъ вопросовъ много. Но явленія не случайны. Они постигнуты сочувствіемъ поэта съ таинствомъ не книжной, а его собственной внутренней эстетики, которая, будь она приведена пмъ въ науку, привела бы другого къ заблужденіямъ и ошибкамъ, столько разъ повторявшимся отъ теорій.

Въ произведеніяхъ искусствъ, называемыхъ изящными, первое достоинство заключается въ независимости сознанія. Она составляетъ самый несомнѣнный признакъ, что художникъ творитъ по призванію природы, и слѣдовательно законно естуетъ на свое поприще. Независимость не отстраняетъ другихъ совершенствъ, заключающихся въ самомъ

ице въ всякомъ изящнаго произведенія, которое не отходитъ ни въ чемъ отъ общихъ законовъ природы, то есть, истины. Но исполненіе послѣднихъ еще не доказываетъ самобытности таланта, который долженъ всему въ твореніи сообщить собственное содержаніе, объемъ, части, характеръ, форму, краски и выраженіе. Все это поразительно чувствуешь, читая Мертвыя Души. И прежде Гоголя были писатели съ настроеніемъ чисто комическимъ. И прежде него провинція давала богатый матеріалъ талантамъ. И прежде него смѣсь Европейскихъ правовъ съ невѣжествомъ и безвкусіемъ рѣзко отражалась то въ романахъ, то въ комедіяхъ, то въ повѣстяхъ. И прежде Гоголя простонародный языкъ игралъ веселую роль на устахъ героевъ, помѣщенныхъ авторами въ глуши, на облучкѣ санин, въ людской избѣ, или даже въ нашей вентѣ. Мы все читали это съ удовольствіемъ, пачавъ съ Фонвизина и окончивъ М. П. Загоскинымъ. Но вслушайтесь повнимательнѣе въ какой угодно разговоръ, помѣщенный въ Чичиковѣ Гоголемъ. Напримеръ, вотъ старая помѣщица Коробочка. Чичиковъ попалъ къ ней изъ-дороги ночью. Они сошлись утромъ у самовара.

— Здравствуйте, батюшка. Каково поживали?—сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера: въ темномъ платьѣ, и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все также было что то навязано.

„Хорошо, хорошо! говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла. Вы какъ матушка?

— Плохо, отецъ мой.

„Какъ такъ?

— Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломить.

„Прондетъ, прондетъ, матушка. На это нечего глядѣть.

— Даи Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скинцдаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлѣбнете чанку? Во фляжкѣ фруктовая.

„Не дурно, матушка; хлѣбнемъ и фруктовой“. Читатель

я думаю, уже замѣтить, что Чичиковъ, несмотря на ласковый видъ, говорилъ однако же съ большою свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать что у насъ на Руси, если не узнаешь еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣнн обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ отъѣзжающихъ и тонкостей нашего обращенія. Французъ и Нѣмецъ въкъ не смекнетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій. Онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ миллионщикомъ, и съ мелкимъ табачнымъ торгашемъ, хотя конечно, въ душѣ поподличаетъ въ міру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрены, которые съ помещикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ у котораго ихъ пятьсотъ, а съ тѣмъ у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго восемьсотъ; словомъ хоть восходи до миллиона, все найдется отъѣнки—и проч., и проч.

„У васъ, матушка, хорошенъкая деревенька. Сколько въ ней душъ?“

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго восемьдесятъ, сказала хозяйка, да бѣда: времена плохи; вотъ и прошлый годъ былъ такой не урожай, что Боже храни!

„Однако-жь мужички на-видъ дюжіе, избенки крѣвкія. А позвольте узнать фамилію вашу? Я такъ разсѣялся... пріѣхать въ почное время...“

— Коробочка, коллежская секретарша.

„Покорнѣнше благодарю. А имя и отчество?“

— Настасья Петровна.

„Настасья Петровна? хорошее имя Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери. Настасья Петровна.“

— А ваше имя какъ? спросила помещица. Въдь вы, я чай, засѣдатель?

„Нѣтъ, матушка, отвѣчать Чичиковъ усмѣхнувшись. Чай не засѣдатель, а такъ ѣздить по своимъ дѣлшкамъ.

— А! такъ вы покупщикъ? какъ же жаль, право, что я продала медъ кунцамъ, такъ дешево; а вотъ ты бы, мой отецъ, у меня вѣрно его купилъ.

„А вотъ меду и не купилъ бы.

— Что-жъ другое? Развѣ пеньку? Да вотъ и пеньки у меня теперь маловато: полшуда всего.

„Нѣтъ, матушка, другого рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

— Охъ, батюшка, оемпацать человѣкъ! сказала старуха вздохнувши. И умеръ такой все славный народъ, все работники. После того, правда, народилось, да что въ нихъ — все такая мелюзга; а засѣдатель подѣхалъ: продать, говорить, уплачивать съ души. Народъ мертвыи, а плати какъ за живого. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой прекрасный кузнецъ и слесарное мастерство знать.

„Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?

— Богъ преберетъ отъ такой бѣды, пожаръ бы еще хуже; самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезъ-чуръ выишь, только спяи огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ и почернѣлъ какъ уголь, а такой былъ прекрасный кузнецъ! и теперь мнѣ выѣхать не на чемъ, некому лошадей подковать.

„На все воля Божья, матушка! сказала Чичиковъ вздохнувши противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!

— Кого, батюшка?

„Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что умерли.

— Да какъ же уступить ихъ?

„Да такъ просто. Или пожалуй продайте, я вамъ за нихъ дамъ деньги.

„Да какъ же? я право въ толкъ-то не возьму. Нечто хочешь ты ихъ отканывать пзъ земли?

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватилась далеко, и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или по-

куика будетъ значиться только на бумагѣ, и души будутъ прописаны какъ бы живыя.

— Да па что жъ онѣ тебѣ, сказала старуха, вынучивъ на него глаза.

„Это ужъ мое дѣло.“

— Да вѣдь онѣ же мертвыя?

„Да кто же говорить что онѣ живыя! Потому то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите; а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете! да не только избавлю, за еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?“

— Право, не знаю, произнесла хозяйка съ разстановкой. Вѣдь я мертвыхъ никогда не продавала.

„Еще бы! это бы скорѣи походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какойнибудь прокъ?“

Нѣтъ, этого-то я не думаю. Что жъ въ нихъ за прокъ? проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

Ну, баба, кажется крѣпколюбая! подумалъ про себя Чичиковъ.

„Послушайте, матушка! да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать какъ за живого...“

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ! потхватила помѣщица. Еще третью нецѣлю внесла больше полутораэта. Да засѣдателя подмаслила.

„Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ; я, а не вы; я принимаю за себя все повинности. Я совершу даже крѣпость на свои деньги; понимаете ли вы это?“

Старуха задумалась. Она видѣла, это дѣло точно какъ будто выгодно, за только ужъ слишкомъ новое и небывалое; а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покупецъ; пріѣхалъ же, Богу знаетъ, откуда, да еще и въ ночное время.

„Такъ что жъ, матушка, по рукамъ что ли? говорить Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила, вотъ и третьяго года протопопу двухъ дѣвокъ, по сту рублей каждую, и очень благодарилъ — такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ.

„Ну, да не о живыхъ дѣлю; Богъ съ ними. Я спрашиваю мертвыхъ.

Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а онъ того... онъ болѣе какъ-нибудь стоять.

„Послушайте, матушка... охъ, какія вы! что жъ онъ могутъ стоять? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете-ли? это просто прахъ. Вы возьмите всякую негодную последнюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купить на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

— Ужъ это точно правда. Ужъ советъ ни на что не нужно; да вѣдь меня оно только и останавливаетъ, что вѣдь онъ уже мертвыя.

„Охъ ее, глубинно-головая какая! сказала про себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терѣнія. Поди ты, слава съ нею! въ потъ бросила проклятая старуха. Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною. Вы, матушка, сказала онъ, или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги: пятнадцать рублей ассигнаціями. Понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не същете на улицѣ. Ну, признайтесь, по чемъ продали медъ?

— По двѣнадцати рублей пудъ.

„Хватили немножко грѣха на душу, матушка: по двѣнадцати не продали.

— Ей-Богу, продала.

Ну, видите ль? Такъ за то это медъ. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили и честь, кормили ихъ въ погребѣ и лѣтнюю зиму; а мертвыя души дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанья; на то была воля Божія, чтобъ онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями. Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старушка, наконецъ, поддастся.

— Право, отвѣчала помещица, мое такое несомнѣнное вдовье дѣло! Лучше жъ я маенько повременно: авось понаблудить купцы, да примѣлюсь къ цѣнамъ.

„Срамъ, срамъ, матушка! просто срамъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онѣ могутъ изъ нихъ сдѣлать?“

— А можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подь случай понадобится... возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

„Мертвые въ хозяйствѣ! Охъ куда хватила! Воробьевъ развѣ пугать по почамъ въ вашемъ огородѣ что ли?“

— Съ нами крестная сила! какія ты страсти говоришь! проворчала старуха крестясь.

„Куда же еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да впрочемъ, въѣзъ кости и могилы все вамъ остается; переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что же? Какъ же? Отвѣчайте во крайней мѣрѣ!“

Старуха вновь задумалась.

„О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?“

— Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть. Лучше я вамъ пеньку продамъ.

„Да что жъ пенька! помилуйте, я васъ прошу совѣтъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете. Пенька пеньково; въ

другой разъ приѣду, заберу и нещѣку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

— Ей-Богу, товаръ такой страшной, совсѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія хватить въ сердцахъ стуломъ обѣ ноги и посулить ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно. — Охъ, не поминайте его, Богъ съ нимъ! воскликнула она, вся поблѣднѣвъ. Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный, вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и послалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ.

„Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не спятся. Изъ одного христіанскаго челоуѣколюбія хотѣлъ: вижу бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... да пропади и околѣи со всей вашей деревней...“

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь! сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

„Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворяжка, что лежить на сѣнѣ: и сама не ѣсть сѣна, и другимъ не дать. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я казенные подряды тоже веду... Здѣсь онъ пригнулъ хоть и вскользь, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно удачно. Казенные подряды подѣлствовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ: да что жъ ты разсердился такъ горячо? Знаю я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.“

„Есть изъ чего сердиться! Дѣло явное выѣденнаго не стоить: а я стану изъ-за него сердиться!“

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацій! Только смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то, если случится муки брать ржаной, или гречневой, или крушъ, или скотины битой, такъ ужъ пожалуста не обнижай меня.

„Нѣтъ, матушка, не обижу, говоритъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь довѣреннаго или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что слѣдуетъ?“

„Какъ же: Протопопа, отца Кирилла, сынъ служить въ наездѣ, сказала Коробочка. Чпчяковъ попросилъ ее нанять къ нему довѣренное письмо, и чтобы избавить отъ лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить“.

Сцена еще не оканчивается здѣсь. Уточеніе, послѣдовавшее за совершившимся торгомъ, изображено столь же оригинально, какъ и живо. Но мы ограничимся выписанными мѣстами. Они достаточно могутъ показать, въ чемъ состоитъ независимость таланта Гоголя. Развитіе идеи въ обоихъ лицахъ, настоячивость съ одной стороны, трусливость и корыстолюбіе съ другой, хитро сплетенныя доказательства обманщика и простодушныя опроверженія глупой старухи, ихъ рѣчи, то сжатые, то многословныя, но всегда вѣрныя духу нашего истинно-разнообразнаго языка, вѣрныя рѣзкимъ особенностямъ народнаго мышленія — все является въ какомъ то чудномъ, поразительномъ образѣ, проникнутомъ и новостію и истинною, безъ малѣйшихъ излишествъ, безъ преувеличеній, въ естественномъ движеніи, въ полнотѣ и въ завидномъ спокойствіи, которое одно сообщаетъ сценѣ высокое значеніе въ художественномъ отношеніи. Я вѣдннлъ уже прежде, почему характеры, дѣйствія и положенія лицъ не въ усиленномъ состояніи, въ состояніи жизни безыскусственной, предпочитаютъ всѣмъ вымысламъ разительнымъ, часто призываемымъ въ художества за недостаткомъ естественнаго могущества красоты. Но этой самой причиной я здѣсь привелъ примѣръ, который свидѣтельствуетъ, сколько внутренней силы, независимой отъ условныхъ достоинствъ труда, вложила природа въ душу художника. Его собственныя, проникательныя, вѣрныя вѣдннть возводить въ эстетическую сферу такіа обстоятельства, изъ которыхъ обыкновенный писатель не извлекъ

бы ничего, кромѣ натянутыхъ остроумь и скучныхъ шуточекъ. У Гоголя, напротивъ, никто не смѣшонъ, потому что въ жизни и дѣйствіяхъ каждого есть истина, убѣждающая читателя. Переидешь по всемъ отдѣленіямъ вещей и лицъ, не только начиная отъ Селифана, но и отъ самого Чубараго, до легковоздушной Институтки и ея отца, и ни въ чемъ не откроешь тыни подложнаго или сомнительнаго: все возникаетъ изъ закона внутренней жизни, следовательно все является не для потѣхи, не отъ умыслу на забаву, а по назначенію, по приказанію природы: итакъ все серьезно, все важно, все внушаетъ естественное участіе.

Вы, конечно, не удивитесь, что книгу, которая можетъ служить источникомъ и образцомъ комической красоты, я нахожу серьезною. Въ противоположность серьезному я представляю все, что говорится или дѣлается съ видимымъ сознаніемъ не истины, шутки, и т. п. Въ Чичиковѣ, какъ можно было замѣтить по многимъ мѣстамъ первой моей выписки, не только дѣйствующія лица, но и самъ авторъ такъ проникнутъ сочувствіемъ къ малѣйшимъ обстоятельствамъ описываемыхъ предпріятій и жизни, что перѣдко и читатель перестаетъ быть постороннимъ лицомъ, нечувствительно увлекаясь въ окружающую его сферу. Итъ сомнѣнія, что все это слѣдствіе искусства: но въ томъ и торжество таланта, что онъ изъ него умѣлъ создать дѣйствительность. По моему вкусу, тѣ только черты выбиваются изъ этой волшебной комедіи, которыя рѣзко наводятъ на умышленную эффектность, какъ, напримѣръ, нѣсколько словъ въ устахъ Манилова и нѣсколько поступковъ въ жизни Плюшкина. Первое лицо, идеаль приторной вѣжливости, можетъ быть, и подмѣлено авторомъ въ натурѣ, но по своей рѣдкости отзывается *сочиненіемъ*. Плюшкинъ упадетъ нѣсколько въ толпу подобныхъ себѣ скрягъ, уже выведенныхъ столько разъ на сцену. Вѣроятно, самые недостатки его художественности, т. е. все преувеличенное въ его поступкахъ, и заслужатъ ему похвалы отъ людей, которые неспособны ничѣмъ быть тронуты, кромѣ преувеличенія.

Между тѣмъ въ этомъ же изображеніи Плюшкина находится разсказъ, погружающій читателя въ тѣ невольныя глубокія думы, которыя возникаютъ въ душѣ каждыи разъ, когда ее поражаютъ печальныя, но несомнѣнныя истины. Это описаніе постепенности паденія человѣка.

„А вѣдь было время, когда Плюшкинъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣди заѣзжали къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось разнѣреннымъ ходомъ; двигались мельницы, валилины, работали суконныя фабрики, столярныя станки, прядильни; вездѣ во все входилъ зоркій взглядъ хозяина, и, какъ трудолюбивыя науки, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всеѣмъ концамъ своей хозяйственной паутинны. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ, опытностію и познаниемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; пріеѣздившая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навсрѣчу выходили двѣ милостивыя дочки, обѣ бѣлокурныя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всеѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гостю. Въ домѣ были открыты все окна; антресоли были заняты квартирою учителя Француза, который славно бѣрился и былъ большою стрѣлкой: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и они воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ее не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, паставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ: локти были въ порядкѣ, нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешли къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокошнѣе, и какъ все вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ,

Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка, и обвинялась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные картежники и мотивики. Отецъ послать ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость: сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ ея сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться; учитель Французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу: мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны: сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ Палатѣ, по мнѣнію отца, службу вещественную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ, и написалъ къ отцу уже по своему опредѣленію, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что получили на это то, что называется въ простонародіи шишъ. Накопецъ, послѣдняя дочь, остававшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытую пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ, и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе: человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты, онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе, и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ: наконецъ, остались только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ: неуступчивѣе становился онъ къ покушникамъ, которые

пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались, и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили; клань и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть развози на нихъ канусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притропиться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабылъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпить, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по прежнему: столько же оброку долженъ былъ принести мужикъ; такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба; столько же поставокъ холста должна была наткать ткачиха; все это сваливалось въ кладоуя, и все становилось гнить и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сыномъ, пыталась, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, похотная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ пріятельна, какую казалась до свадьбы. Плюшкинъ однако же ее простилъ, и даже далъ маленькому внуку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у баюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ — одного на правое колено, а другого на лѣвое — покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошади, куличъ и халатъ взялъ, но дочеря рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна“.

Доидя до этого развитія характера сценами, авторъ, какъ бы въ подготованіи на своего актера, восклицаетъ:

„И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человекъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду: все можетъ случиться съ человекомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою все человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ; не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и нечего не отдастъ назадъ и обратно! Могила милосердіе ей; на могилѣ напишется; здѣсь погребенъ человекъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости“.

Вы чувствуете, что тотъ же самый Плюшкинъ, нагъ которымъ за минуту нельзя было не смѣяться, довелъ насъ до созерцанія красоты высокою. Такъ все во власти великаго таланта.

Ежели характеры Манилова, который отъ всякаго слова улыбается и въ счастливомъ умилеши почти закрываетъ глаза, и Плюшкина, одѣтаго такъ, что вы не узнаете издали, кто передъ вами: мужикъ или баба, ежели эти характеры мнѣ кажутся сочиненными, я это говорю не потому, что авторъ въ ихъ бытъ не довольно внесъ жизни и ея частности—ихъ столько, что для обыкновеннаго писателя довольно было бы на порядочную книгу—но мнѣ кажется, что въ поэмѣ, которая такъ ярко отражаетъ все народное, предпочтатель надобно и самыя особенности или даже странности болѣе свойственныя націи, нежели просто общечеловѣческія. Народная поэма есть исторія въ лицахъ, между которыми, естественно, избираются представляющіеся чаще и ярче. Вотъ что противъ изображенія Плюшкина сказать самъ Гоголь:

„И такъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ. Должно сказать, что *подобное явленіе рѣдко попадается на Руси*, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно.

что тутъ же въ сосѣдствѣ подвернется помѣщикъ, кутаціи по всю ширину русскои удали и барства, проживающій, какъ говорится, насквозь жизни. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ жилища, неумѣвая, какой владѣтельный принципъ очутился внезапно среди маленькихъ темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые каменные дома съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеніями для прїѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? театры, балы; всю ночь сіяетъ убранными огнями и плашками, оглушенными громомъ музыки, сать. Подгуберній разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семь паслыственномъ освѣщеніи, когда театрално выскакиваетъ изъ древеснои гущи озаренная подѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своимъ яркомъ зелени, а вверху темнѣе и суровѣе, и въ павать разъ грознѣе, является чрезъ то ночное небо, и, далеко треща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудимый мракъ, негодуютъ суровыя вершинныя деревья на селъ мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни“.

Мы живемъ въ эпоху, въ которую отъ каждаго художника критика требуетъ близкаго, ясно высказавшагося соотношенія между жизнью и произведеніемъ искусства. Если поэтъ и вздумаетъ въ своемъ созданіи возобновить дѣйствіе другой націи или давно прошедшаго времени, тѣмъ не менѣе отъ него мы требуемъ полного изученія избраннаго имъ предмета и самаго непоцѣльнаго сочувствія съ жизнью прошлаго. Теперь странно вносить въ художества неопредѣленныя идеи, вѣрныя по изученію сердца человѣческаго вообще, но не схваченныя на извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. Такого рода художественныя зачатки забыты въ старыхъ книгахъ и оцѣлѣвшихъ школахъ. Поэма Гоголя во всѣхъ прочихъ частяхъ можетъ служить образцомъ соотношенія между жизнью и искусствомъ. И могъ бы указать на каждыи изъ выведенныхъ имъ характеровъ, какъ они окружаютъ читателя явленіями русскои жизни. Но меня особенно поражаетъ dokonченность въ объемѣ

всякаго изъ нихъ. Указать на извѣстныя черты какого-нибудь лица можно и не бывши великимъ поэтомъ. У кого есть нѣсколько наблюдательности, памяти и соображенія, тотъ и достигнетъ до описанія удачнаго. Но исчерпать всю глубину нецѣлимаго; постигнуть его во всѣхъ обстоятельствахъ; разобрать самыя противоположности его дѣйствій и привести ихъ къ одному началу—вотъ труднѣшая задача, которую рѣшили одни гениальные писатели. Укажу вамъ на характеристику Поздрева. Не говоря уже о томъ, какъ въ каждомъ его движеніи разыгрывается сцена типической жизни, наблюдайте его во всѣхъ явленіяхъ, гдѣ только авторъ встрѣчается съ нимъ—вы изумлены будете неистощимостію его отблѣсковъ, всегда новыхъ, всегда поэтическихъ, всегда истинныхъ, всегда однородныхъ при самыхъ противорѣчащихъ по наружности дѣйствіяхъ. Подъ нашего Поздрева Пальянецъ Яго покажется очеркомъ, не болѣе: такъ широко провелъ Гоголь по картинѣ своею мастерскою кистью.

При всѣхъ достоинствахъ, которыя зависѣли естественнo отъ таланта художника, поэма, конечно, поразила каждаго недостаткомъ важнымъ. Въ ней нѣтъ того, чего мы еще не встрѣчаемъ въ нашей жизни—серьезнаго общественнаго интереса. Я не умѣю придумать другого названія тому качеству нашихъ разговоровъ, мыслей и поступковъ, которое, не отнимая у нихъ особенностей національности, придаетъ имъ цѣпность общую и вводитъ ихъ въ соотношеніе съ интересами другихъ народовъ. Самыя поразительныя мѣста, отъ которыхъ приходишь въ восхищеніе, не выносятъ души на тотъ горизонтъ, откуда она обозрѣваетъ подобныя явленія у иностранныхъ писателей. Во всемъ чувствуешь мелочность и ограниченность. Въ первой массѣ вышескѣ, гдѣ на сценѣ цѣлое общество, разговоръ живъ и разнообразенъ; въ немъ исчерпано все комическое, прямо относящееся къ тому случаю, о которомъ идетъ рѣчь—но онъ прекрасенъ только относительно, когда читатель какъ-нибудь сближенъ съ понятіями общества. Для иностранца, который не въ состояніи трепетать отъ

художническаго мастерства автора, вся прелесть исчезаетъ за недостаткомъ жизни болѣе цѣнной и болѣе общенюгной. Это все нисколько не говоритъ противъ Гоголя, напротивъ, еще оправдываетъ его. Авторъ безъ такту, привыкшій обманываться въ своихъ ощущеніяхъ, легкоподымающійся на ходули, когда не на чемъ болѣе показаться высокимъ, обыкновенно поддѣывается подъ какон-нибудь извѣстный ему тонъ — и такимъ образомъ все рисуетъ ложно. Гоголь возвратилъ обществу то, что оно могло ему дать само. Исключенія встрѣчаются или въ другомъ разрядѣ людей, или, прогляывая даже зѣвъ, не входятъ еще въ жизнь какъ черты рѣзкія. Какъ прежняя, такъ и нынѣшняя наша общечитательность хранить въ своей исторіи любознательныя доказательства въ оправданіе того, что и у всѣхъ, самыхъ великихъ писателей русскихъ, степень развитія интересовъ всегда была ниже, нежели у писателей другихъ народовъ.

Я не смѣшиваю этого достоинства съ развитіемъ прощестія въ поэмѣ или романѣ. Тутъ снова требованіе обращается къ автору. Если въ вышеописанномъ томѣ поэмы Гоголя мы недовольствованы съ этой стороны, обвинять его никто не въ правѣ. Онъ самъ объявилъ, что теперь напечаталъ одно вступленіе, слѣдственно, поэма, въ собственномъ смыслѣ, еще впереди. О ней заключеніе надобно поберечь до выхода обѣщанныхъ двухъ томовъ.

Въ языкѣ поэмы есть недосмотры. Гоголь воображеніемъ своимъ такъ сливается съ образомъ вещей и лицъ, о которыхъ рассказываетъ, или которыя заставляетъ дѣйствовать, что удобство или красоту размѣщенія словъ совсѣмъ опускаетъ изъ виду, лишь бы не ослабить силы представленія. Грамматическая критика, навѣрное, возьметъ за то свои подлупечныя оброки съ автора. Я думаю, что дурной языкъ нигдѣ такъ не господствуетъ, какъ въ сочиненіяхъ безталантныхъ писателей, которые, ничто сильно не чувствуя, не обнимая вполнѣ идеи, не умѣя войти въ отѣнки частныхъ, обо всемъ говорить безъ отчета, безъ мѣры, вяло или съ преувеличеніемъ, словомъ, каждою фразою

портить языкъ, если только находятъ вѣрующихъ себя читателей. У Гоголя, взамиъ ничтожныхъ недосмотровъ, пропущенныхъ, безъ сомнѣнія, отъ поспѣшности изданія книги, есть положительныя совершенства языка, красоты, вѣчно сіяющія у гениальныхъ писателей: сжатость выражений, мѣткость и точность словъ и неразъединяемость ихъ отъ понятій. Вы лучше всего можете объ этомъ судить по моимъ выпискамъ. Въ дополненіе привожу еще одно описаніе—образецъ краснорѣчиваго языка и картиннаго представленія предметовъ.

„Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходявшій за село и потомъ пропадавшій въ поле, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ осыѣжалъ эту обширную деревню, и одинъ былъ вполне живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи: зелеными облаками и неправильными трепетнолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревь. Были колоссальныя стволы березы, лиственные верхушки, отломленной бурей или грозой, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная сверкающая колонна; косой, острокопечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху, вмѣсто капители, темѣлъ на сѣвѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка, или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревь, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленныя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, сіявшее какъ темная пасть: оно было все окинуто тѣнью — и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его, бѣжавшая узкая дорожка, обрушенная перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дулистые дрыхлыя стволы ивы, сѣтой чаныжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы из-

сохшіе отъ страшной глушины, перенутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленныя лапы-листья, подъ однимъ изъ которыхъ, забравшись Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполне отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ иссохшими листьями. Словомъ, *все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бы не такъ только тогда, когда онѣ соединяются вмѣстѣ; когда по нагроможденному, частію безъ толку, труду человѣка произойдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощущительную припадливость и нищенскія прорѣхи, събои которыя проглядываются нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создается въ глади размыренной чистоты и опрятности*“. Последнюю мысль отмѣтилъ я съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы вы, остановившись на ней, вошли въ тухъ писателя, который мимоходомъ, но съ изумительною отчетливостію, изложилъ въ этихъ краткихъ словахъ всю свою теорію изящнаго—и тѣмъ самъ приготовилъ отвѣтъ критикамъ на всѣ замѣчанія о его вкусѣ, родѣ сочиненія, слоgѣ, украшеніяхъ и даже, какъ выражаются они, неотдѣлкѣ языка. Его книга точно этотъ садъ. Кому не понравится зрѣлище, здѣсь имъ представленное, это волшебное вмѣстелище свѣжести, зелени, благоуханія, прохлады, дикости, красоты и безмолвія, тотъ, конечно, не пойметъ ни меня ни автора. Но что сказать тѣмъ, которые будутъ пофобны языкомъ его? Не лучше ли отослать ихъ къ толчимъ писателямъ, которые вмѣсто краснорѣчія сердца и воображенія, понесутъ имъ строчки, выпрямленныя по линейки грамматики? Мы точно не привыкли къ языку дѣйствительнаго чувства, къ языку поэтовъ-живописцевъ, къ языку страстныхъ поклонниковъ и знатоковъ природы. Кромѣ

Жуковского, я не помню, кто у насъ рисовалъ словомъ, увлекаемый прелестью природы и постигая искусство словесной живописи. Между тѣмъ, языкъ, это мощное орудіе ума, чувства и воображенія, только и создается вдохновеніемъ. Послѣ всего этого предоставляю судить вамъ, хорошъ ли языкъ у Гоголя.

Я писалъ подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній. Мнѣ не удалось сообщить замѣчаніямъ моимъ формы правильной и легкой. Но я убѣжденъ, что истина во всякомъ видѣ полезна.

С. III. (Плетневъ).

Въ этомъ же номерѣ „Современника“, въ отдѣлѣ „Разборъ новыхъ книгъ“, редація этого журнала говоритъ о *Похожденіяхъ Чичикова*:

„Въ нынѣшнемъ № Современника мы помѣстили довольно подробный разборъ этой книги (стр. 19, *перв. нумерац.*). Во многомъ соглашаясь съ замѣчаніями нашего корреспондента, мы не находимъ надобности снова разбирать здѣсь это сочиненіе“.

*) — *Похожденія Чичикова*, или *Мертвыя Души*. Поэма Н. Гоголя.

Вы видите меня въ такомъ восторгѣ, въ какомъ никогда еще не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія; объявляю вамъ о такомъ литературномъ чудѣ, какого еще не бывало ни въ одной словесности. Поэма!.. да еще какая поэма! Одиссея, Непстовый Орландъ, Чайльд-Гарольдъ, Фаустъ, Ойфгинъ, съ позволенія сказать *дрянн* въ сравненіи съ этой поэмой. Поэтъ!.. да еще какой поэтъ!.. поэтъ, передъ которымъ Гомеръ, Аріосто, Пушкинъ, лордъ Байронъ и Гете, съ позволенія сказать... то, чѣмъ Поздревъ называетъ Чичикова. Это можетъ быть, превосходить всѣ силы вашего воображенія, по это дѣйствительно такъ, какъ я вамъ докладываю. Никогда еще геній чело-

*) „Библиотека для Чтенія“ 1842 г. т. 53, отд. VI. „Литературная летопись“. Статья О. Сенковского.

вѣческій не производилъ подобной поэмы. Никогда смертный родъ Адама не удивлялся такому великому поэту. Книга названа поэмою *не въ шутку*. Поэтъ привозглашаетъ первымъ современнымъ поэтомъ не въ насмѣшку. Все это, уверяю васъ, серьезно, и очень серьезно. Можно съ ума сойти отъ радости, если хоть немножко любишь искусство, русскій языкъ и честь своей литературы! Какъ мои благосклонные читатели, какъ люди отъ природы любопытные, какъ зрители моего бѣшеннаго восторга, неприготовленные къ чудесамъ, которыя не вмѣщаются въ человеческой головѣ, вы, натурально, спрашивали меня, какимъ размѣромъ писана эта поэма. На что я отвѣчаю, что въ ней нѣтъ никакого размѣра: это поэма совершенно новаго рода, поэма, какой вы еще не видали: коротко сказать, поэма не въ стихахъ. Такъ въ прозѣ? говорите вы. — На что я ничего не отвѣчаю, не могу знать, будете судить сами. Въ вещахъ, которыя выше всякаго понятія, всякой похвалы, всякаго порицанія, въ вещахъ необъятныхъ, какъ грезы тщеславія въ бреду, опредѣленія и разборы невозможны. Позвольте мнѣ, смиренно, прочесть вамъ нѣсколько страницъ этой великой, удивительной, неподражаемой, непостижимой поэмы.

„Въ ворота гостиницы губернскаго города N.N. въѣхала довольно *красивая* *рессорная* *небольшая* бричка“. — Съ первыхъ словъ, словъ нехорошъ, замѣчаете вы мнѣ. — Какая нужда отвѣчаю я: это поэма. „Выѣздъ ея не произвелъ въ городѣ *совсѣнно* *никакого* шума и не былъ *сопровожденъ* ничѣмъ особеннымъ“. Не сопровождался, подхватываете вы. *Совсѣнно* никакого — солдацизмъ. — Все равно, говорю я. Не мѣшайте мнѣ читать.

„Только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся впрочемъ болѣе къ экипажу, чѣмъ къ *сидѣвшему* въ немъ. (Я вижу, что вы морщитесь). — Въѣхъ ты, сказать ошнѣ другому, вонъ какое колесо!... что ты думаешь, доѣдетъ то колесо, если-бъ случилось, *въ* Москву! — Доѣдетъ, отвѣчалъ другой... А *въ* Казань-то, я думаю, не

„добрѣтъ? — Въ Казань не дойдѣтъ, отвѣчать другой. —
 „Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъ-
 ѣхала къ гостиницѣ, *встрѣтился* молодой человекъ въ
 „бѣлыхъ капифасовыхъ панталопахъ, весьма узкихъ и ко-
 „роткихъ... *оборотился* назадъ, *посмотрѣлъ* жанажѣ, при-
 „держалъ рукою картузь, чуть не летѣвшій отъ вѣтра, и
 „пошелъ своей дорогой“. — Какая поэзія! восклицаю я въ
 восторгѣ. — Но слогъ жестоко нехорошъ, говорите вы впол-
 голоса: а языкъ и того хуже. Это, кажется, писано въ
 прозѣ?.. Но проза безъ языка, безъ слогу, безъ искусства,
 вовсе не проза. Къ чему слогъ, языкъ или искусство въ по-
 эмѣ! съ истерическимъ возражаю я. Отъ того-то она и на-
 зывается поэмою, что въ ней нѣтъ ни слѣда прозы.

„Пока прїѣзжій осматривалъ свою комнату... или ходилъ
 „*взглянуть на рѣку, протекающую* посрединѣ города... вне-
 „сены были его пожитки. Кучеръ Селифанъ отправился
 „*возиться* около лошадей, а лакей Петрушка сталъ устраи-
 „ваться въ маленькой передней, куда уже успѣлъ прита-
 „щить свою шинель и вмѣстѣ съ ней *какой то* свой соб-
 „ственный запахъ, который *былъ сообщенъ и прине-*
 „*сенному* велѣдъ затѣмъ мѣшку съ разными лакейскимъ *туалетомъ*.
 „Въ этой конуркѣ онъ *приладилъ* къ стѣнѣ узенькую трех-
 „палую кровать, *накрывъ* ее небольшимъ подобіемъ тюфяка,
 „убитымъ и плоскимъ какъ блинъ, который удалось ему
 „вытребовать у хозяина гостиницы“. — Который блинъ?
 спрашиваете вы меня, почтеннѣйшій читатель. — Нѣтъ,
 который тюфякъ, отвѣчаю я. — Скажите, пожалуйста, спра-
 шиваете вы меня еще: по какому это логикѣ употребляются
 здѣсь времена глаголовъ и причастій? Отъ перваго слова
 вашей поэмы, я не могу сообразить, что чему предше-
 ствуетъ и что за чѣмъ слѣдуетъ. Петрушка *приладилъ* къ
 стѣнѣ кровать, *накрывъ* ее тюфякомъ; какой-то запахъ... я,
 признаться, запахомъ не люблю! ...*былъ сообщенъ и при-*
сенному велѣдъ затѣмъ мѣшку, прїѣзжій *взглянулъ* на рѣку,
протекающую черезъ городъ: значитъ, вашъ Петрушка прежде
 накрылъ кровать тюфякомъ, а потомъ уже ее приладилъ
 къ стѣнѣ: вашъ запахъ былъ сообщенъ мѣшку уже послѣ

принесенія этого мѣшка въ переднюю: вашъ прїѣзжій взглянулъ на рѣку *протекающую*, но уже не *протекающую*, черезъ этотъ городъ: куда же она дѣвалась? — Это не ясно, не правильно, не изящно.

Ахъ, какой вы классикъ! восклицаю я въ отвѣтъ на это. Кто же теперь обращаетъ вниманіе на времена, на ясность, на правильность? Мы уже все это отмѣнили. Поэтъ—существо всемірное; онъ выше временъ, пространствъ и грамматики; онъ говоритъ въ стихахъ, въ прозѣ, или ни въ стихахъ, ни въ прозѣ: удивляйтесь, почитайте!—а понимай кто можетъ и какъ можетъ!.. Позвольте мнѣ сказать, почтеннѣйшій читатель, что вы, съ своими отсталыми понятіями объ ясности рѣчи, объ изяществѣ выраженій, о правильномъ изученіи средствъ языка, объ искусномъ ихъ употребленіи, вовсе не въ состояніи чувствовать красоту *нашей поэмы*: для этого нужно забыть все, что нужно знать; тогда только можно постигнуть всю прелесть этихъ вдохновеній. Вѣдь это все вдохновенія!.. Спросите у самого поэта... онъ такъ ихъ называетъ. А вы думали что такое? Ахъ, вы, классики, классики!.. съ вами никакая поэма, никакая поэзія невозможны. Пожалуйста, оставьте свои замѣчанія: слушайте и не прерывайте меня. Если вамъ угодно, такъ слушая, подчеркивайте себѣ слова тихомолкомъ въ моемъ чтеніи, а когда я кончу, можете разбирать ихъ грамматически съ тѣми, которые еще вѣрятъ въ грамматику. Между тѣмъ я продолжаю читать вамъ *нашу* прекрасную *поэму* о, можетъ быть, замаслившемся какъ блинъ тѣфякѣ и о запахѣ, принесенномъ Петрушею, который... Петруша или запахъ, по *нашему* слогу это все равно... былъ сообщенъ принесенному вслѣдъ за тѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ. Прошу не беспокоить меня вашей правильною, изяществомъ и, говоря слогомъ *нашей поэмы*, *чарный запахъ* чѣмъ еще такимъ. Вы, позвольте видѣть, не любите даже и запаховъ! А это страсть нашей великой поэмы! Безъ запаховъ, безъ благоуханія, нѣтъ и не можетъ быть ни поэзіи ни поэмы. Надобно только умѣть выбирать ихъ въ природѣ. Этотъ, кажется, выбранъ

съ необыкновеннымъ вкусомъ. И будьте увѣрены, что мы не въ послѣдній разъ съ нимъ встрѣчаемся: онъ будетъ безпрерывно раздаваться въ „нашей поэмѣ“! На немъ то и основанъ тотъ „восторженный *лирической снѣгъ*“ (вы, кажется, снова поморщились?... вы дважды подчеркнули эти слова?), къ которому она стремится какъ поэма.— „Покаместъ слуги „управлялись и *возились*“, продолжаю я, господинъ отира- „вился въ общую залу. Какія бываютъ эти общія залы, „всякій знаетъ: тѣ же стѣны, потѣмнѣвшія вверху отъ „трубочнаго дыма, залосниенныя снизу сидами разныхъ „проѣзжающихъ, а еще болѣе туземными кучесскими: „тотъ же законченный потолокъ; та же законченная лю- „стра; тѣ же картины во всю стѣну, гдѣ изображена *бѣлая* „нимфа съ такими огромными грудями, какихъ вы вѣрно „не видывали. Подобная шра природы впрочемъ случается „на разныхъ историческихъ картинахъ, не извѣстно „откуда, когда и кѣмъ привезенныхъ въ Россію, иной разъ „даже тамошними вельможами, любителями *искусствъ*, на- „кушавшими *изъ* въ Италію, по совѣту *вознаго ихъ* курье- „ровъ. Господинъ размоталъ съ шеи шерстяную косынку, „какую холостымъ, навѣрное не могу сказать, кто дѣлаетъ, „*Богъ ихъ знаетъ*. Покаместъ ему подавали кушанье, онъ „заставилъ слугу или полового, рассказывать *всякій слухъ* „о томъ, кто содержитъ прежде трактиръ и кто теперь „(содержитъ). Въ пріемахъ своихъ господинъ имѣлъ что-то „солодное и высмаркивался чрезвычайно громко. Не из- „вѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, но только носъ его зву- „чалъ какъ труба. Это новое лицо скоро не замедлило „показать себя на губернаторской вечерникѣ. Приготовле- „нія къ этой вечерникѣ заняли слишкомъ два часа вре- „мени, и зѣвъ въ пріѣзжемъ оказалась такая вниматель- „ность къ туалету, *какой даже не вездѣ бывало*. После „обыкновеннаго послѣ-обѣденнаго сна, онъ приказалъ по- „дать умыться и чрезвычайно долго теръ мыломъ обѣ „щеки, подперши ихъ изнутри языкомъ, потомъ, *взявши* „съ плеча трактирнаго слуги полотенце, вытеръ имъ со „всѣхъ сторонъ полное свое лицо, пачавъ изъ-за ушей, и

„фыркнувъ еще два раза въ самое лицо трактирнаго слуги.
„Потомъ выщипнуль два волоска, вылезшіе изъ носу“...

Странный филологъ, этотъ вашъ поэтъ ни въ стихахъ ни въ прозѣ! думаете вы, какъ я вижу про себя, не прерывая уже меня болѣе грамматическими замѣчаніями: во всѣхъ славянскихъ языкахъ, какіе я знаю, *носъ* имѣетъ въ родительномъ надежѣ *носа*, а *шумъ*, *выборъ* и *дымъ* имѣютъ *шума*, *выбора*, *дыма*; у него это наоборотъ!... онъ говоритъ *носу*, *выбору*, *шума*, *дыма*!... Право, странный филологъ! думаете вы про себя. Но я не обращаю никакого вниманія на то, что вы про себя думаете. И читаю дальше:

„И непосредственно затѣмъ очутился во фракѣ брус-
ничковаго цвѣту съ искрой. Вошелъ въ *залъ* губернатора,
„Чиниковъ долженъ былъ закурить глаза, потому что
блескъ отъ свѣта былъ страшенъ. Черные фраки мель-
„кали и посилъсь врознь и *кунами* (кунами?) *туда* и *туда*,
„какъ посилъсь мухи на блѣдомъ сіяющемъ рафинадѣ въ
„порѣ жаркаго *юльскаго лѣта*, когда старая *кляушница* (*sic*)
„рубить и дѣлать *его* (*юльское лѣто*?) на сверкающіе
„обломки переть открытымъ окномъ; дѣли *вотъ* глядеть,
„*собраннымъ* вокругъ, *слабая* любопытно“.

— Ну, не скутъ вашъ поэтъ на дѣпричастія и всякія
разныя причастія! думаете вы опять про себя. Два дѣ-
причастія сряду!... Экое искусство слова! Я между тѣмъ
продолжаю. — „За движеніями *женскихъ рукъ* *ея*“ (то есть,
старой *кляушницы*, у которой, вѣроятно, другихъ рукъ
не было, кромѣ женскихъ: замѣчаніе почтеннѣшаго чи-
тателя), „*женскихъ* рукъ *ея*, *поднимающихъ* молоть, а
„*разбрасывающа* искры мухъ, *поднятые* легкимъ *воздухомъ*,
„вмечаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и, *пользуясь* под-
„слѣвоватостью старухи и солнцемъ, *блѣпокоущимъ* глаза
„*ея*, обсыпавать лакомые куски, гдѣ въ разбитную, гдѣ
„густыми кучами. *Насыщенная* *богатымъ лѣтомъ*, и безъ
„того на всякомъ шагѣ *разставляющимъ* лакомыя блюда,
„она (*она*) взлетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но
„чтобы только *показать* себя (мухи?... кому?), пройтись
„взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, *потереть* одна о

„другую задняя или *передняя* ножек или почесать или у себя под крылышками, или, протянувши обѣ *переднія* лапки, потерѣть или у себя надъ головою (что жъ тамъ потереть *надъ* головою? — замѣчаніе почтеннѣйшаго читателя), и опять улетѣть, и опять прилетѣть съ новыми — *докучными* (докучливыми?) эскадронами“...

— Браво, *наша поэма*! восклицаю я въ страшномъ восторгѣ: браво!.. да ты настоящая эпопея! — Какое поэтическое сравненіе! — да какъ развито!.. да сколько тутъ чистыхъ, свѣжихъ, благовоющихъ цвѣтковыхъ поэзій!.. Ен-ен! безъ всякой лести!.. всѣ знаменитыя сравненія у Гомера, Виргилія, Тассо, Аріосто, Мильтона, перетъ этимъ великолѣпнымъ сравненіемъ — говоря твоимъ изящнымъ языкомъ — *свинцусы, подлицы*!.. Ну, чудо что за сравненіе!..

Но еще большее чудо — слогъ этого сравненія, говоритъ почтеннѣйшій читатель. Скажите ужъ также изящнымъ языкомъ вашего поэта: якіе *свинцусы* періоды!.. ни языка, ни логики, ни обѣлки, ни порядку въ предложеніяхъ!..

— Мужчины здѣсь, какъ и вездѣ, продолжаю я, были двухъ родовъ: одни тоненькіе, тоненькіе служатъ больше по особымъ порученіямъ или только чщелятся и *вылазятъ* туда и сюда; другіе толстые. У тоненькаго въ три года не останется ни одной души, не залуженной въ ломбардъ. У толстаго, глѣзъ, и явился гдѣ-нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой *домъ*, потомъ близъ города — деревенька, потомъ и село со всѣми угодьями. Толстый, *прослуживши* Богу и Государю, *заслуживши* всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается (куда?) и дѣлается помѣщикомъ, *славнымъ русскимъ бариномъ*“.

— О, великій поэтъ! вскрикиваю я совершенно вѣ себя: знаете-ли, почтеннѣйшій читатель, что это самое глубокомысленное изъ его неподражаемыхъ „твореній“?.. Какая тонкая наблюдательность!.. Извините, что я прервалъ чтеніе. Восторгъ!.. не удержишь!.. Самый чистый, самый неподдѣльный восторгъ!.. Но не надо замедлять

чтеніе моими восторгами: этакъ мы никогда не кончимъ „нашей поэмы“.

— Сѣли за зеленый столъ, и уже не вставали до ужина. *Выходя* съ фигуры, полицмейстеръ ударялъ по столу крѣико рукою, *приговаривая*, если была дама — пошла, старая понадея! если же король — пошелъ тамбовскій мужикъ! А председатель приговаривалъ: — А я его по усамъ! А я его по усамъ! — Иногда, при ударѣ карты по столу, вырывались выраженія — А! была не была, не съ чего, такъ съ бубенъ! или же просто восклицанія — Черви! червоточина! — шкениця! — пикендрасть! — пичирущукъ! — пичура! — и даже просто — пичукъ! Пріѣзжій во всемъ умѣлъ *каждъ-то* найтись, и показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго человѣка. О чемъ бы разговоръ не былъ, онъ умѣлъ поддержать его — умѣлъ облекать все *какою-то* степенностью, умѣлъ хорошо держать себя, говорилъ ни громко ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ: словомъ, *куда ни поворотни*, былъ очень порядочный человѣкъ. Всѣ были довольны пріѣздомъ новаго лица. Даже самъ Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комъ-нибудь съ хорошей стороны, пріѣхавши довольно поздно изъ города, и уже совершенно раздѣвшись, и легши на кровать возлѣ худощавой жены своей, сказалъ ей: „Я, душенька, былъ у губернатора на вечерѣ, и познакомился съ коллежескимъ совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ: пренріятный человѣкъ!“ На что супруга отвѣчала — „Гмъ!“ — и толкнула его ногою.

„Хотя, конечно, два крѣпостные человѣка нашего гетрой лица не такъ замѣтныя. *Хотя* главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены, но... (Во всѣхъ языкахъ, во всѣхъ діалектикахъ, по законамъ всѣхъ возможныхъ силлогизмовъ, союзу *хотя* соответствуетъ союзъ *однако*, а не *но*: замѣчаніе почтеннѣйшаго читателя, который учился логикѣ) *но* авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ. Петруша ходитъ въ нѣсколько широкомъ коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча, характера быть молчаливаго, имѣя благородное побужденіе къ просвѣ-

„щенію, то есть, чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ
 „не затруднялся. Ему правилось не то, о чемъ читаль
 „онъ, но больше процессъ самаго чтенія, что вотъ изъ
 „буквъ выходитъ вѣчно какое нибудь слово, которое ищи
 „разъ *чортъ знаетъ*, что и значить. Кромѣ страсти къ
 „чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, *составляющія*
 „*софъ оружія* его характеристическія черты,— спать не раз-
 „дѣваясь, *такъ какъ* есть, въ томъ свѣтукѣ, и носить
 „всегда съ собою *какой-то софъ* особенный воздухъ, *собой*
 „собственного запаха, отъывавшійся нѣсколько живымъ по-
 „коемъ, такъ что достаточно было ему только пристроить
 „гдѣ нибудь свою кровать, хоть даже въ необитаемой *об-*
 „*толь* комнатѣ, да перетянуть туда шинель и пожитки,
 „и уже казалось, *что* (будто?) въ этой комнатѣ лѣтъ де-
 „сятъ жили люди. Чичиковъ, будучи человекъ весьма ще-
 „котливый, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ *присердливый*,
 „*потянувши* къ себѣ этотъ воздухъ по-утру на свѣжій
 „носъ, только поморщивался, да встряхивалъ головою, при-
 „говаривая: Ты, братъ, *чортъ насъ знаетъ*, потѣшишь что
 „ли?... сходить бы ты хоть въ баню! — На что Петруша
 „ничего не отвѣчалъ. Кумерь Селифанъ былъ совершенно
 „другой человекъ... Но авторъ весьма совѣтитесь такъ
 „долго занимать васъ людьми низкаго званія. Скажу при
 „этомъ случаѣ, что и Русскіе тоже не охотно знакомятся
 „съ низкими сословіями. Таковъ ужъ русскій человекъ!
 „Сильная страсть зазнаться...”

— Помилуйте! вскрикиваетъ почтеннѣйшій читатель, не
 отнимая пальцевъ отъ своего почтеннѣйшаго носа, кото-
 рымъ имѣлъ онъ обыкновеніе зажимать отъ такихъ возду-
 ховъ: что вы это, съ вашимъ постомъ, при каждомъ
 неблагопріятномъ случаѣ, наводите рѣчь на Русскихъ! Въ
 чемъ и за что вы безпрерывно ихъ обвиняете? Да они
 очень хорошо дѣлаютъ, что не хотятъ знакомиться съ ва-
 шими нечестными героями, отъ которыхъ я самъ прину-
 жденъ поминутно закрывать носъ и глаза рукою. Если по-
 рядочные Русскіе неохотно сближаются съ людьми низкаго
 сословія, причиною этому долженъ быть распространеннѣйшійся

между ними благородныи вкусъ къ изяществу, опрятности, образованнымъ ощущеніямъ, а не мнимый народный порокъ, не всеобщая снѣсъ, не безразсудная гордость. Нацѣ чѣмъ же вы тутъ насмѣхаетесь?... Куда поровите свои эниграммы! Страсть зазнаться!.. Да чтобы, по случаю Петруши, упрекать цѣлый народъ въ страсти зазнаваться, надо предположить, будто весь народъ ничѣмъ не лучше этого грубаго и грязнаго человѣка, и только понапрасну, изъ гордости не узнаеть въ немъ себѣ равнаго! Но это неправда. Вы систематически унижаете русскихъ людей. Я этого не люблю, и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши зловонныя картины поселяють во мнѣ отвращеніе...

— Вотъ ужъ вы и сердитесь, почтеннѣйшій читатель! прерываю я васъ. Вы ученые человѣкъ, а советѣмъ не понимаете тонкости вещей: зловонныя картины, что-жъ тутъ дурнаго?... онѣ необходимы въ „нашей поэмѣ“, для возбужденія *„высокаго, восторженнаго смѣху“*, который достоинъ стоять рядомъ, съ „высокимъ лирическимъ движеніемъ“. Понимаете ли вы, что это значить?... что значить *высокій смѣхъ*. Не понимаете?... Ну, такъ вишне!.. А этотъ „какой-то особенный воздухъ“, который Петруша разноситъ по всей поэмѣ, именно и есть „высокій смѣхъ“, главный источникъ „высокаго восторженнаго смѣху!“ Это и есть, что мы, въ „нашей“ поэтикѣ называемъ *„перлъ созданія“*. Мы все это *„возводимъ“* въ перлъ созданія, для вашего уметвеннаго наслажденія. Между тѣмъ, я продолжаю. Герои *нашей поэмы* познакомились у губернатора со многими изъ окрестныхъ помѣщиковъ, и на другой день отправился къ нимъ съ визитами.

„Едва выѣхалъ онъ за городъ, какъ уже *пошли писать* „по *русскому* обычаю, *чуть* и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги: кочки, ельникъ, низкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые пни старыхъ деревьевъ, дикіи верескъ, и тому подобныи *сборъ*. Въ деревняхъ бабы съ толстыми лицами и перевязанными грудями смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ

„пнжнхъ глядѣль теленокъ или высовывала свою слѣпую морду свинья, словомъ, виды извѣстныя“.

— Это поэзія нашей страны, тихо говорю я почтеннѣйшему читателю: другой у насъ нѣтъ. Понимаете-ли теперь, отчего этотъ разсказъ названъ „поэмой“?...

„Наконецъ пріѣхали въ Маниловку, имѣніе Ивана Ивановича Манилова. Послѣ взаимнаго изліянія чувствъ, вшедшіи слуга доложили, что кушанье готово. Въ столовой же стояли два мальчика, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, когда сажаютъ уже дѣтей за столъ, но еще на высокихъ стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою. Хозяйка сѣла за свою суновую чашку; гость былъ посаженъ между хозяиномъ и хозяйкою; слуга завязалъ дѣтямъ на шею салфетки. Оемистоклюсь! сказалъ Маниловъ, обращаясь къ старшему. Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услышавъ такое греческое имя, которому, не извѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на „юсь“. Оемистоклюсь! скажи мнѣ, каковъ лучшій городъ во Франціи. — Оемистоклюсь сказалъ: Парижъ. — Умница душенька!... Я его прочу по дипломатической части. — Оемистоклюсь! продолжалъ отецъ, снова обращаясь къ нему: хочешь быть посланникомъ? — Хочу, отвѣчалъ Оемистоклюсь, жуя хлѣбъ и болтая головою направо и налево. — Въ это время стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ, и очень хорошо сдѣлалъ: иначе бы капнула въ супъ „препорядочная посторонняя капля“...

— Ха, ха, ха! расхохотался я безъ памяти. Ха, ха, ха! какъ это смѣшно! Видите ли, почтеннѣйшій читатель? Слышите ли?... Вотъ это то и есть, „высокій, восторженный смѣхъ, равный высокому лирическому движенію“. Чистая поэзія!... Ха, ха, ха!...

„Вдругъ учитель застучалъ по столу, устремивъ глаза на снѣжащихъ напротивъ его дѣтей. Это было у мѣста, потому что Оемистоклюсь укусилъ за ухо Алкида, и Алкидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ

„въ прежнее положеніе, и началъ со слезами грызть ба-
„ранью кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились
„жиромъ. Встали пѣ-за стола. Маниловъ просилъ гостя въ
„свой кабинетъ. Комната была не безъ пріятности. На
„столѣ лежали книги и нѣсколько бумагъ, но больше всего
„было табаку. Онъ *былъ* въ разныхъ видахъ, въ картузахъ
„и въ табачницѣ, и наконецъ насыпанъ *былъ* просто кучею
„на столѣ. На обѣихъ окнахъ *тоже* помѣщены *были* горки
„выблтой пѣз трубки золы, разставленныя не безъ старанія
„очень красивыми рѣсками. Замѣтно *было*, что это иногда
„доставляло хозяину препровожденіе времени. — Позвольте
„мнѣ васъ попотчевать трубочкой. Пѣтъ, не курю. —
„Отчего?—Говорятъ, трубка сушитъ. —Позвольте мнѣ вамъ
„замѣтить, что это предубѣжденіе. Въ нашемъ полку былъ
„поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человекъ,
„который не выпускалъ изъ рта трубки, не только за сто-
„ломъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ
„мѣстахъ. И вотъ ему уже сорокъ лѣтъ, но и до сихъ
„поръ онъ такъ здоровъ, какъ пѣльзя лучше. — Позвольте
„мнѣ одну просьбу, сказалъ Чичиковъ: какъ давно вы из-
„волили подавать ревизскую сказку?—Да ужъ давно, отвѣ-
„чалъ Маниловъ. — *Какъ съ того времени много у васъ*
„умерло крестьянъ? — А не могу знать! Объ этомъ, я по-
„лагаю, нужно спросить приказчика. — Приказчикъ явился.
„Это былъ человекъ лѣтъ подлѣ сорокъ, брившій бороду,
„хочашій въ сюртукъ, и *по видному* проводившій очень
„(с) покойную жизнь. Послушавъ, любезный! спросилъ его
„Маниловъ: сколько у насъ умерло крестьянъ, съ тѣхъ
„поръ какъ подавали ревизию. — Да какъ сколько!... многія
„умерли съ тѣхъ поръ, сказалъ приказчикъ, и при этомъ
„икнулъ, заслонивъ ротъ слѣска рукою на подобіе щит-
„ка. По желанію гостя, Маниловъ приказалъ составить
пмѣ списокъ. Чичиковъ вызвался купить у него эти мерт-
вые души на чистыя деньги. Можно представить изумле-
ніе помещика! Онъ никакъ не могъ взять въ толкъ дѣла,
„и, вмѣсто отвѣта, принялся насасывать свой чубукъ такъ
„сильно, что тотъ началъ наконецъ хрипѣть какъ фagоть.

„Наконецъ онъ предалъ все свои мертвыя ревизскія души
 „новому другу безынтересно. Умершія души въ пѣкото-
 „ромъ родѣ совершенная *дрянь*. —Очень не дрянь, сказали
 „Чичиковъ: если-бы вы знали, какую услугу оказали *сей*
 „новорожденному *орянью* человѣку безъ племени и роду! Ма-
 „ниловъ былъ растроганъ, и Чичиковъ уѣхалъ, сопрово-
 „ждаемый долго поклонами и маханьями платковъ подни-
 „мавшихся на цыпочкахъ хозяевъ. Долго стоялъ на крыль-
 „цѣ Маниловъ, провожая глазами удаляющуюся бричку.
 „Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ
 „предметамъ и наконецъ занеслись *Богъ знаетъ* куда.
 „Онъ думалъ о благоволеніи дружеской жизни: мечталъ,
 „что они съ Чичиковымъ —въ Москвѣ, и пьютъ чай на
 „открытомъ воздухѣ; что пріѣхали въ прекрасныхъ каре-
 „тахъ въ какое-то общество, гдѣ обвораживаютъ всѣхъ
 „пріятностью обращенія; что самое высшее начальство,
 „узнавши о такой дружбѣ, пожаловало ихъ генерала-
 „ми; и далѣе наконецъ *чортъ знаетъ* что такое, чего уже
 „онъ самъ (и самъ онъ) разобрать не могъ“.

— У этого поэта, думаетъ здѣсь про себя, какъ я вижу, почтеннѣйшій читатель, есть своя риторика новаго роду: самыя сильныя эпитеты у него—*чортъ его знаетъ*: самое подозрительное указаніе—*Богъ его знаетъ*; а когда ужъ хочетъ онъ опредѣлить предметъ съ необыкновенною точностью, то употребляетъ *какой-то*. Мастеръ па слогъ, нечего сказать! Тонко, ясно и вѣжливо. Думайте вы объ этомъ что вамъ угодно, а я смѣренно продолжаю чтеніе:

„А Чичиковъ, въ довольномъ расположеніи духа, сидѣлъ
 „въ своей бричкѣ, катившейся *дивно* по столбовой дорогѣ.
 „Селифанъ хлесталъ кнутомъ Засѣдателя, лѣниваго коня.
 „увѣщевая его:—Ну, ну, что потряхиваешь ушами! Ты,
 „дуракъ, слушай, коли говорятъ. Я тебя, невѣжа, не ста-
 „ну дуриному учить. Ишь, куда ползеть. Настала ночь.
 „Гроза. Темно. Селифанъ затыпнулъ пѣсню не пѣсню; тутъ
 „все вошло: все одобрительныя и побудительныя крики, ко-
 „торыми подчиваютъ лошадей по *всей* Россіи, прилагатель-
 „ныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, какъ что

„первое попало на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ наконецъ секретарями. Бричка качалась во все стороны. — Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь? сказалъ Чичиковъ. Да что-жъ, баринъ, дѣлать, время такое, кнута не видишь: такая потьма! — Сказавши это, онъ покосилъ бричку такъ, что наконецъ выворотилъ ее совершенно на бокъ. Чичиковъ и руками и ногами *шлепнулся* въ грязь. Долго блуждали они по полямъ, сбившись съ дороги. Издали послышался собачій лап. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилась оглоблями въ заборъ. Баринъ со слугою услышали хриплый бабій голосъ: Кто стучитъ? — Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать, произнесъ Чичиковъ — Время темное, нехорошее время, прибавилъ Селифанъ. Молчи, дуракъ, сказалъ Чичиковъ. — Ихъ испустили. Передъ домомъ была лужа, на которую свѣтъ ударилъ прямо изъ оконъ. Псы заливались всеми возможными голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выводитъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получаютъ *Богъ знаетъ* какое жалованье; другой хриплѣтъ, какъ хрипитъ пѣвческій контробасъ, когда концертъ въ полномъ *разномъ*. Это былъ домъ помещицы Коробочки. Хозяйка, пожилая вдова, хорошо приняла нежеланнаго гостя, приказала дѣвкѣ высушить и вычистить его платье, и пожелала ему спокойной ночи. Прощай, батюшка! Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ того никакъ не засыпалъ. — Но гость отказался. На другой день солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи со стѣнъ и съ потолка, все обратились къ нему. Одна села ему на губу, другая на ухо, третья поровила какъ-бы утѣться на самый глазъ: ту же, которая имѣла неосторожность надѣсть близко къ *носовой* поздрѣ, онъ потянулъ впросопкахъ въ самый носъ, что заставило его

„крѣпко чихнуть, обстоятельство, бывшее причиною его пробужденія...“

— Скажите, по милости, прерываете вы меня, почтеннѣйшій читатель: отчего носъ играть здѣсь такую безсмѣльную роль? Вся ваша поэма вертится на однихъ носахъ?

— Оттого, отвѣчаю я, какъ глубокомысленный комментаторъ поэмы, что носъ едва-ли не первый источникъ „высокаго, восторженнаго, лирическаго смѣху“.

— Я однако жъ не вижу въ немъ ничего смѣшнаго! возражаете вы мнѣ на это.

Вы не видите!.. но мы видимъ, возражаю я обратно. Согласитесь, что у человѣка этотъ треугольный кусокъ мяса, который торчитъ въ центрѣ его лица, удивительно, восторженно, лирически смѣшенъ. И у насъ это уже доказано, что безъ носа, нельзя сочинить ничего истинно забавнаго. Прицѣпъ возраженіе ваше къ свѣдѣнію, я продолжаю.

„Въ дверь выглянуло женское лицо, и въ ту же минуту спряталось, *ибо* Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Гость надѣлъ рубаху. Одѣвшись, онъ *подошелъ* къ окну, и чихнулъ опять такъ громко, что *подошедшій* въ это время къ окну пидѣйскій пѣтухъ заболталъ ему что-то вдругъ и весьма скоро на своемъ странномъ языкѣ, вѣроятно, желаю здравствовать, на что Чичиковъ сказалъ ему дурака. Свиныя съ семействомъ очутились тутъ-же, и, разбирая кучу сора, мимоходомъ съѣла цыпленка...“

— Грязь на грязи! съ отвращеніемъ вскрикиваете вы, мой почтеннѣйшій, чистоцлотный читатель. — Красота на красотѣ! съ восторгомъ вскрикиваю я, и заглушаю васъ. Какое остроуміе! Сколько поэзіи! Послушайте дальше: „Пришла хозяйка. Чичиковъ нашелъ въ ней грубую, глупую и жадную бабѹ, и спросилъ безъ околичностей, не продастъ ли она ему своихъ мертвыхъ душъ. Помѣщица Коробочка очень рада; только она не знаетъ, какая теперь справочная цѣна на мертвыя души. Чичиковъ предъ-

„дагаетъ ей по двадцати-пяти конфекъ мѣдью. Они начинаютъ торговаться. Коробочка упирается. — *Экъ се ду- бинино-головая* какая! сказать про себя Чичиковъ, начинаютъ выходить изъ терибнѣя: поди ты сладъ съ нею? Въ „потъ бросила проклятая старуха! — Она предлагаетъ ему, „вмѣсто этого небывалаго товару, лучше купить у не- „венечку. Гость, человекъ свѣтскій, вышелъ изъ границъ „всякаго терибнѣя, *вынулъ* стуломъ обѣ полъ и посулить „ей чорта Чорта помѣщица испугалась и согласилась усту- „пить по тридцати по двѣ конфики за душу. Написали „устовѣ. Чичиковъ далъ ей пятнадцать рублей ассигна- „циями. Коробочка хотѣла еще продать ему свиное сало. — „А вотъ бричка! вотъ бричка! вскричалъ Чичиковъ. Что „ты, болванъ, такъ долго копался? — Помѣщица дала сво- „ему гостю въ провожатые до столбовой дороги дѣвчонку „дѣтъ одиннадцати, въ платьѣ изъ домашней крашенны, „съ босыми ногами, которые издали можно было принять „за снопы: такъ они были обильены свѣжею грязью Чи- „чиковъ занесъ ногу на ступеньку и, понагнувши бричку „на правую сторону, потому что былъ тяжеленецъ, нако- „нецъ помѣстился, *сказавши* А! теперь хорошо! Про- „щайте матушка! — Кони тронулись. Но зачѣмъ такъ долго „заниматься Коробочкой? Коробочка-ли, Маниловъ-ли, хо- „зяйственная или нехозяйственная — мимо ихъ! Но „то на свѣтъ дивно устроено: веселье мигомъ обратится „въ печальное, если только долго застойшься передъ нимъ, „и тогда *Богъ знаетъ* что *оборветъ* въ голову (Да гдѣ „же тутъ веселье? спрашиваете вы: я — еще ни разу не „думалъ!) Можетъ быть, станеть даже думать: да „чтоно, точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая се- „сть сестры ея, недосыгаемо огражденной стѣнами аристо- „кратическаго дома съ благовоющими *чуждыми* дѣтницами „сужь хоть бы по краинѣи мѣрѣ мраморными! думаете вы „про себя) *сидитъ* мѣдью, *краснымъ* деревомъ и *коврами* „амы, сидитъ мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами) „*за* недочитанной книгой въ ожиданіи остроумно- „свѣскаго визита, гдѣ ей предстанеть поле блеснуть умомъ,

„и высказать вытверженныя мысли, *занимающія* по законамъ моды на цѣлую нецѣлую городъ, мысли не о томъ, что дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстрошенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принять модный католицизмъ. Но мимо, мимо! зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же, среди *неодумавшихъ, веселыхъ, безпечныхъ* минутъ, сама собою вдругъ пронесется иная *чуждая струя*: еще *сильнѣе* не успѣть совершенно сѣбѣжать съ лица, а уже *сталъ другимъ* (сѣбѣхомъ) среди тѣхъ же людей, и уже другимъ *свѣтомъ* освѣтилось лицо...

— О глубокий философъ!.. съ удивленіемъ восклицаю я, упавъ на колѣни передъ первымъ изъ современныхъ поэтовъ: витія и философъ! Ужъ когда нашъ новый Гомеръ попадетъ на *иную чуждую струю* и станетъ ораторствовать, то *забредетъ* прямехонько *чортъ знаетъ* куда: отъ Коробочки на *чугунную благовоющую лѣстницу* аристократической дамы, пѣкной, образованной, умной, сіяющей мѣдью, крапенымъ деревомъ и коврами!.. Я совершенно согласенъ съ новымъ Гомеромъ-философомъ: въ самомъ дѣлѣ, между этою воздушною женщиною и грубою, глупою Коробочкою нѣтъ никакого разстоянія на лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія.

„Чичиковъ наконецъ доѣхалъ до столбовой дороги и остановился у трактира, въ которомъ висѣли пучкомъ душистыя травы и гвоздики у образовъ, высохшія до такой степени, что *желающій* понюхать ихъ только чихалъ и *больше ничего*. Онъ встрѣтился здѣсь съ помѣщикомъ Поздравымъ, съ которымъ недавно познакомился у прокурора. Поздравъ проигралъ на ярмаркѣ все, деньги, платье и лошадей, и ѣхалъ домой въ засаленномъ архадухѣ и въ бричкѣ своего зятя. Ба, ба, ба! воскликнулъ онъ вдругъ, разставивъ обѣ руки при видѣ Чичикова. Какими судьбами? А я, братъ, съ ярмарки. Поздравъ: продулся въ пухъ. Вѣришь ли, что никогда въ жизни такъ не продувался? Эхъ, братецъ, какъ покутили! Теперь даже, какъ вспомнишь... чортъ

„возьми!... то есть, какъ жаль, что ты не былъ! Какого вина отпустилъ намъ Пономаревъ! Нужно тебѣ знать, что онъ мошенникъ, и въ его лавкѣ ничего нельзя брать: въ вино мѣшаетъ всякую дрянъ, санпаль, жженую пробку, и даже бузиной подлецъ затираетъ. Охъ, Чичиковъ, ну, что бы тебѣ стоило пріѣхать! Право, свинтусъ ты за это, скотоводъ этакон! Поцѣлуй меня, душа: смерть люблю тебя!.. Въ фортулку кутнулъ тоже, выигралъ двѣ банки помады, потомъ еще разъ поставилъ и пропустилъ, канальство, шесть пѣльковыхъ. А какой, если бы ты зналъ, волокита поручикъ Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были на всѣхъ почти балахъ. Одна была такая разодѣтая, рюши да трюши, и *чортъ знаетъ*, чего не было... Я думаю себѣ только: чертъ возьми!... А Кувшинниковъ, то есть, это такая бестія, поделѣлъ къ ней и на французскомъ языкѣ подпускаетъ комплименты... Повѣришь ли, простыхъ бабъ не пропускаетъ. Это онъ называетъ попользоваться насчетъ клубнички. Ты куда теперь ѣдешь? — Къ Собакевичу. — Здѣсь Подзревъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ *занимается только смѣхъ*, здоровый человекъ, у котораго всѣ до послѣдняго выказываются бѣлее какъ сахаръ, зубы, дрожать и прыгаютъ щеки, и сосѣдъ за двумя дверями, въ третьей комнатѣ вскипывается со сна, *выпиралъ уши* и *пропѣвалъ*: *Экъ его раздобродо!*

— Какая сила выраженія! говорю я въ восторгѣ: какая прелесть слогу!

„Подзревъ, смѣясь, говорилъ: Да вѣдь ты жизни не будешь радъ, когда пріѣдешь къ Собакевичу! Это, просто, андоморъ. Вѣдь я знаю твой характеръ: ты жестоко опѣшишься, если думаешь нанти тамъ банчишку или добрую бутылку какого-нибудь бонбона. Послушан, братецъ: ну, къ чорту Собакевича! поѣдемъ ко мнѣ. Какимъ балыкомъ попопчую! Пономаревъ бестія такъ раскланивался, говорить, для васъ только, всю ярмарку, говорить, обѣщайте, не найдете такого: плутъ однако жъ ужасный. Я ему въ глаза говорилъ. Вы, говорю, съ нашимъ откупщикомъ первые мошенники. Смѣется бестія, поглаживая

„бороду. Въ театрѣ одна актриса такъ каналья была какъ
„канарейка, Кувшинниковъ, который сидѣлъ возлѣ меня,
„вотъ, говоритъ, братъ, пользоваться бы насчетъ клуб-
„нички!—Порфирій, слуга Поздрева, одѣтый какъ и баринъ
„въ *какомъ-то* архалухѣ, но еще *незамасленнѣй*, внесъ
„щетка въ комнату.—Даван его, клади сюда на полъ!—Ты
„однако жъ не сдѣлать того, что я тебѣ говорилъ, сказалъ
„Поздревъ, обратившись къ Порфирію и разсматривая тща-
„тельно брюхо щетка: и не подумалъ вычесать его!—Итъ,
„я его вычесывалъ.—А отчего же блохи?—Не могу знать.
„Статься - можетъ, какъ - нибудь изъ брочки попалѣли. —
„Врешь, врешь! и не воображалъ чесать, я думаю. дуракъ,
„еще своихъ напустилъ. Вотъ, посмотри, Чичиковъ! какія
„уши: на, пощупай рукою. Такихъ людей какъ Поздревъ
„приходилось всякому встрѣчать не мало. Въ его лицѣ
„видно было что-то открытое, прямое, удалое. Въ картишки
„онъ игралъ не совѣсть безгрѣшно и чисто, зналъ много
„передержекъ и другихъ тонкостей, и весьма часто окан-
„чивалъ игру тѣмъ, что его покалачивали сапогами, или
„же задавали передержку его густымъ бакенбардамъ, такъ
„что возвращался домой онъ иногда съ одною только ба-
„кенбардой, и то довольно жидкою. Но здоровыя и полныя
„щеки его такъ хорошо были сотворены, и вмѣщали въ
„себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро
„выросли вновь, еще даже лучше прежнихъ. И, что всего
„страннѣе, что можетъ *только на одной Руси* случиться,
„онъ чрезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ
„тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался какъ
„ни въ чемъ не бывало, и онъ, какъ говорится, ничего, и
„они ничего!.. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не
„обходилось безъ исторій: или выведутъ его подъ руки
„жандармы, или вытолкаютъ свои пріятель, или онъ на-
„рѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется,
„или провретъ самымъ жестокимъ образомъ, такъ что на-
„конецъ самому сдѣлается совѣстно. И навреть совершенно
„безъ всякой нужды: вдругъ расскажетъ, что у него была
„лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти, и *тому*

„*подобно чепуху*, такъ что слушающіе наконецъ *всѣ от-
-хлебятъ, произнесши*: Ну, братъ, ты кажется ужъ начать
„*пули лить!* Есть люди, имѣющіе страстишку *нагадить*
„ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, на-
„примѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною на-
„ружностію, со звѣздою на груди, будетъ вамъ жать руку,
„разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызываю-
„щихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ же,
„предъ вашими глазами и *нагадитъ* вамъ. И *нагадитъ* такъ,
„какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ,
„какъ человѣкъ со звѣздой на груди, разговаривающій о
„предметахъ, вызывающихъ на размышленіе; такъ что
„стоишь только да дивишься, пожимаая плечами, *да и ничего*
„*болѣе*. Такую же странную страсть имѣлъ и Поздrevъ.
„Онъ распускалъ небылицы, выдумывать глупыя исторіи,
„разстраивать ваши дѣла, и, не почитая себя вашимъ не-
„пріятелемъ, въ ту же минуту онъ предлагать вамъ *лхать*
„куда угодно, хоть на край свѣта, войти въ какое хотите
„предпріятіе, мѣнять все, что ни есть, на все, что хотите.
„Ружье, собака, лошадь—все было предметомъ мѣны, но
„вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть: это происходило
„просто отъ *какой-то* неутомимой *ярости* и бѣзпокой-
„ства характера. Поздrevъ долго еще не выведется изъ міра.
„Онъ вездѣ между нами, и, можетъ быть, только ходить
„въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны
„люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ дру-
„гимъ человѣкомъ“.

— Такъ это у васъ русскіи тивы? съ изумленіемъ спра-
шиваете вы меня.—Такъ точно-съ, отвѣчаю я, снявъ шляпу
и кланяясь вамъ. Въ нашей поэмѣ „все тивы. Поздравляю,
прошентали вы. И какъ-будто не слышу этого и продолжаю
читать.

„Поздrevъ увезъ зятя и Чичикова въ свое помѣстье.
„Тамъ онъ сперва повелъ ихъ *обсматривать* хозяйство,
„потомъ пригласилъ *обѣдать*. Поваръ Поздрева руковод-
„ствовался болѣе какимъ-то вдохновеніемъ и клалъ въ
„блюдо первое что понадалось подъ руку: стоялъ-ли возлѣ

„него перецъ, онъ сыпалъ перецъ, кануста ли попытася,
 „онъ совалъ канусту, *ничкаль* молоко, ветчину, горохъ;
 „словомъ, *матий-валей*: было-бы горячо, а вкусъ какою-
 „нибудь выйдетъ. Мадера горѣла во рту, потому что кушны,
 „зная вкусъ помѣщиковъ, заправляли ее безпоощанно ро-
 „момъ, а иной разъ вливали туда и царской водки, въ на-
 „деждѣ, что все вынесутъ *русскіе* желудки. Зять уже на-
 „грузился вдоволь и, сядя на стулъ, ежеминутно *ласкался*
 „посомъ. Замѣтивъ самъ, что находился не въ надлежащемъ
 „состояніи, онъ сталъ отпрашиваться домой къ женѣ. —
 „И ни, ни! не пуцу! отвѣчалъ Поздrevъ. Пусть его ѣдетъ,
 „что въ немъ проку, сказать тихо Чичиковъ. А и вырав-
 „ду! сказать Поздrevъ. Смерть не люблю такихъ ростене-
 „лен. Ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабиться съ женою.
 „Отвѣкъ! — Нѣтъ, братъ, ты не ругай меня Отвѣкомъ!
 „отвѣчалъ зять. Такая, право, добрая, милая жена! такіа
 „ласки оказываетъ! до слезъ разбираетъ! Спросить, что ви-
 „дѣлъ на ярмаркѣ. Нужно все разсказать. Такая право доб-
 „рая! — Зять уѣхалъ. — Такая дрянъ! говорили Поздrevъ,
 „глядя въ окно на уѣзжающіи экипажъ. Конекъ пристяжной
 „не дуренъ, я давно хотѣлъ подѣлнить его. Да съ нимъ
 „никакъ нельзя считаться. Отвѣкъ! просто Отвѣкъ! Отдѣ-
 „лавшись отъ лишняго свидѣтеля въ лицѣ этого зятя, Чи-
 „чиковъ предложилъ Поздrevу продать ему свои мертвыя
 „души. — Продать! вскричалъ Поздrevъ: да вѣдь я тебя знаю;
 „вѣдь ты подлець, ты дорого не дашь за нихъ! — Охъ, да и
 „ты вѣдь тоже хорошъ! сказалъ Чичиковъ: что они у тебя,
 „бриллиантовые, что ли? — Да вѣдь я знаю тебя, продолжалъ
 „Поздrevъ, ты большой мошенникъ! Ну, послушай, чтобъ
 „доказать тебѣ, что я не какой-нибудь скалдырникъ, я не
 „возьму за нихъ ничего. Купи у меня жеребѣна: я тебѣ дамъ
 „ихъ въ придачу. Я за него заплатилъ десять тысячъ, а
 „тебѣ отдаю за четыре. Помилуй, на что же мнѣ жере-
 „бецъ! сказалъ Чичиковъ, изумленнымъ такимъ предложе-
 „ніемъ. — Ну, такъ купи собакъ! купи у меня шарманку!
 „Да что я, дуракъ что ли, приобретать вещи рѣшительно
 „для меня ненужныя? — Ну, ужъ пожалуйста, не говори

„теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалия! Ну, послушай: хочешь, метнемъ банчикъ? Я поставлю всѣхъ умершихъ на карту, шарманку тоже. — Чичиковъ не рѣшился. Карты, бывшія въ рукахъ Ноздрева, показались покупщику мертвыхъ душъ искусственными, и самый край глядѣлъ весьма подозрительно. Порфирій принесъ бутылку. Но Чичиковъ отказался рѣшительно какъ играть такъ и пить. — Дрянь же ты! сказать хозяинъ. Что жъ дѣлать! такимъ Богъ создалъ! Остюкъ, просто! Я думалъ было прежде, что ты порядочный человекъ, а ты никакого не понимаешь обращенія. Съ тобой никакъ нельзя говорить какъ съ человекомъ близкимъ, никакого прямо-душія, никакой искренности! совершенный Собакевичъ, подлецъ такой! — За что же меня бранить? Продай мнѣ душъ оныхъ. — Черта лысого получишь! Хотя три царства давай, не отдамъ. Такой шильникъ, печникъ гадкій! Съ этихъ поръ съ тобою никакого дѣла не хочу имѣть. Порфирій, ступай, скажи конюху, чтобы не давалъ овса лошадымъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно. Остюкъ, да и только!...“

— Скажите, пожалуйста, сираниваете вы меня: что это значить, Остюкъ?... какое это слово?... Я затрудняюсь въ отвѣтъ... я заикаюсь... я краснѣю... какъ-бынь вамъ объяснить это странное слово? Ну да оно прекрасно объяснено въ выносѣ въ „нашей поэмѣ“. Я закрываю лицо книгой, и продолжаю: „Чичиковъ долженъ былъ провести ночь у Ноздрева, продолжать рассказчикъ. Какія-то насѣкомыя кусали его всю ночь востернимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по уязвленному мѣсту, приговаривая: — А чтобы васъ чертъ побралъ вмѣстѣ съ Ноздревымъ! — Хозяинъ спалъ не лучше гостя. На другой день поутру вышелъ къ нему, ничего не имѣя у себя, поцѣ халатомъ, кромѣ открытой груди, на которой росла такая-то борода. — Такая мерзость дѣлала всю ночь, что трудно рассказывать, говорилъ Ноздревъ, и во рту точно эскадронъ переночевалъ! — Они снова заговорили о продажѣ мертвыхъ душъ. Ноздревъ продать не хотѣлъ: это

„было-бы не поирітельски. Онъ не хотѣлъ снимать плеви съ *чорнаго значка* чего. Въ банчикъ другое дѣло! Но Чичиковъ не рѣшался съ нимъ въ карты. Поздревъ предложилъ въ шашки, и тотъ согласился. Съли играть. Хозяинъ рукавомъ двигалъ по двѣ шашки впередъ. Гость примѣтитъ это, смѣнать игру и отказался отъ партии. Хозяинъ всталъ и бросился бить своего гостя. — Порфирій! Павлушка! закричалъ онъ въ бѣшенствѣ. Гость хотѣлъ бѣжать изъ камнаты, но въ дверяхъ уже стояли два пожилыхъ крѣпостныхъ *дурака*. — А! ты не хочешь оканчивать партии, подлець! бейте его! кричалъ Поздревъ истинно Порфирію и Павлушкѣ, и самъ схватилъ въ руку черешневый чубукъ. Чичиковъ находился въ величайшей опасности, но былъ неожиданно спасенъ прїѣздомъ капитана-неправника: хозяинъ, по счастью, но впрочемъ несправедливо, былъ замѣнанъ въ исторіи по случаю нанесенія помѣщику Максимову личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ.“

— Этотъ типъ честности и гостепрїимства *безъ всякаго между нами*, говорите вы? сердито замѣчаетъ мнѣ почтеннѣйшій читатель. — Это говорю не я, а поэма, смиренно возражаю я. Отсюда Чичиковъ поѣхалъ къ Собакевичу и „къ запла-танному...“ „Сильно выражается русскій народъ!..“ то-есть, къ Плюшкину, богатымъ помѣщикамъ, которые живутъ точно такъ-же, какъ и эти господа, и еще хуже. Плюшкинъ, нечистый скряга, съ удовольствіемъ отдалъ бездѣежно все свои мертвыя души Чичикову, чтобы только не платить за нихъ податей. Собакевичъ, напротивъ, хотѣлъ содрать съ него по сту рублей за душу, но, наконецъ, послѣ долгаго и упорнаго торгу, отдалъ по два съ полтиною. Чичиковъ долженъ былъ оставить ему десять, „пятнадцать. итого двадцать пять рублей задатку. — Ну, такъ и быть, вотъ вамъ двадцать пять рублей. Пожа-луйте только расписку. На что жъ вамъ расписка? — Вы знаете, все-таки лучше. Не ровень часъ, все можетъ случиться. — Хорошо, дайте же сюда деньги. Вотъ онѣ у меня въ рукѣ. Какъ только напишете расписку, въ эту же минуту возьмите деньги. — Да позвольте, какъ же

„писать расписку?... надо видѣть деньги! — Чичиковъ выпустилъ изъ рукъ бумажки Собакевичу, который приблизившись къ столу, накрылъ ихъ пальцами лѣвой руки, а правою написалъ на лоскутѣ бумаги, что задатокъ, двадцать пять рублей государственными ассигнаціями получень сполна. Написавъ расписку, онъ пересмотрѣлъ еще разъ ассигнаціи. — Бумажка-то старенькая! произнесъ онъ, рассматривая одну изъ нихъ передъ свѣтомъ, немножко разорвана!...

— Фуи, фуи! кричите вы, я слышу, съ ужаснымъ негодованіемъ. Какіе люди! Какія понятія! И это, по вашему, картина правды и характеровъ Россіи, поэма изъ русской жизни, цвѣтки ея поэзіи?

Все типы, все концы съ натуры, все созданія по словамъ „нашей поэмы“, почтеннѣйшіи читатели! важно отвѣчаю я. Вы, разумеется, этого не понимаете. Писать съ натуры—великое искусство! Послушайте сознанія самаго поэта.

„Счастливъ писатель, который мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человека, который изъ великаго омута ежесекундно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, которые не измѣняли ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не *искускался* съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ, и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ негъ и возвеличенные образы. Вѣковѣ завиденъ прекраснымъ удѣлъ его: онъ среди нихъ какъ въ родной семьѣ, а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава.

„Онъ *огоргалъ* утонченнымъ *курсомъ* людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человека. Все, рукоплещая, несется за нимъ, и мчится вѣдѣ за торжественной его колесницей. Великимъ, всемірнымъ востомъ именуютъ его. „парящимъ высоко надъ всѣми *орудіями* гениями міра, какъ

„тора дюйма ширины! — восклицаніе почтеннѣйшаго читателя) Не признасть *эго* современныи суть, и все обратить въ упреки и поношеніе *непризнанному* писателю; безъ раздѣленія, безъ отвѣта, безъ участія, какъ безсемеинныи путникъ останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

„И долго еще опредѣлено мнѣ *чуждой властью* идти объ-руку съ моими страшными героями, озирать всю *грохадно-несущуюся* жизнь, озирать ее сквозь видныи міру смѣхъ и незримыи, невѣдомыи ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ *ключомъ грозныи слога вдохновенія* подыметъ изъ *облеченной въ седлый дрессъ и въ блестяще-главы*, и почувють въ смущенномъ трепетѣ величавыи громъ другихъ рѣчен... Въ дорогу! въ дорогу! прочь набѣжавшая на *чело* морщина и строгіи сумракъ лица! Разомъ и вдругъ *окупемся въ жизнь* со всеи ея *беззвучной* трескотней и *бубелечниками*, и посмотримъ что дѣлаетъ *Чичиковъ*.

— Бѣдный писатель! говорите вы съ печальнымъ вздохомъ.

Онъ Чичикова принимаетъ за *жизнь*! Онъ *делаетъ* такія *созданія*! О, *беззвучная трескотня*! Бѣдный!... тысячу разъ бѣдный!.. Чѣмъ это окончится!.. О, тщеславіе! о, самолюбіе!.. Неужели же эту дѣтскую риторику вы принимаете за мысли? спрашиваете вы меня.

Да! Во мнѣ эта беззвучно-трескотная тирада производить совсѣмъ другое впечатлѣніе. Я восклицаю съ торжественною важною: Да! это, рѣшительно, первый современныи поэтъ! эта поэма, рѣшительно, самое глубоко-мысленное его твореніе! Какая сила мысли!.. Но я не стану утомлять васъ, почтеннѣйшіи читатель, дальнѣйшими подробностями знаменитой поэмы нашего знаменитаго поэта. Долго еще описывать онъ подобныи похождения своего героя, все тѣмъ же чудеснымъ слогомъ, тѣмъ же образованнымъ языкомъ, отъ котораго, какъ вы изволите говорить, надо заткнуть уши и — *больше ничего!* и однажды то того забывается въ своихъ вдохновеніяхъ, что самъ вскрикиваетъ. „Виновать! кажется изъ устъ нашего героя изле-

„тѣло словно, подмѣченное на улицѣ. Что жъ дѣлать? та-
 „ково на Руси похождение писателя. Впрочемъ, если слово
 „изъ улицы попало въ поэму, не поэтъ виновать, виноваты
 „читатели, и прежде всего читатели высшего общества: отъ
 „нихъ первыхъ не услышишь ни одного *порядочнаго* рус-
 „скаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими
 „они, пожалуй надѣлать въ такомъ количествѣ, *что и не*
 „*захочешь*, и надѣлать даже съ сохраненіемъ всѣхъ воз-
 „можныхъ произношеній, по-французски въ носъ картавя,
 „по англійски произнесутъ, *какъ слѣдуетъ* иттии, и даже
 „физиономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ
 „тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физиономіи; а вотъ
 „только русскимъ ничѣмъ не надѣлать, развѣ изъ патріо-
 „тизма выстроить для себя на дачѣ избу въ русскомъ вку-
 „сѣ. Вотъ каковы читатели высшего сословія, а за ними
 „и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между
 „тѣмъ какая взыскательность, хотять, непременно, чтобы
 „все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ
 „и благороднымъ; словомъ, хотять, чтобы русскій языкъ
 „самъ собою спустился вдругъ съ облаковъ, обработанный
 „какъ слѣдуетъ, и *тогда бы намъ прямо на языкъ, а мы*
 „*бы больше ничего, какъ только разинуть ротъ, да выста-*
 „*вить его*“.

Послѣ этого вы рѣшительно объявляете мнѣ, что не хо-
 тите больше слушать „нашей поэмы“. Вы утверждаете,
 что это просто ужасъ, *больше ничего*. Вы доказываете,
 что для писателя, съ истиннымъ и прекраснымъ дарова-
 ніемъ, такія грубоности—неизгладимое пятно, *больше ничего*.
 Вы говорите, что, сколько вамъ извѣстно, въ Россіи су-
 ществуютъ многія книги, писанныя языкомъ изящнымъ,
 благороднымъ, очищеннымъ: слѣдовательно, если такой пи-
 сатель не умѣетъ выражаться такъ же вѣжливо и опрятно,
 какъ выражалась другіе, то виною этого не Русскіе и не
 ихъ языкъ, а то, что онъ безвкусица, *больше ничего*. И
 я, право, не знаю, что отвѣчать вамъ. Въ короткихъ сло-
 вахъ опишу вамъ остальные похождения нашего героя: вы,
 можетъ быть, еще перемѣните свое невыгодное мнѣніе.

Чичиковъ, накупивъ до четырехъ сотъ несуществующихъ душъ у разныхъ помѣщиковъ, возвращается въ городъ, изъ котораго выѣхалъ. Тутъ объ немъ вдругъ пролетаетъ молва, будто онъ богатъ, и въ городѣ начинается страшная суматоха, точное повтореніе той, какую вы видѣли въ пѣкатори комедіи подъ заглавіемъ „Ревизоръ“. Какъ Хлестаковъ у всѣхъ и каждого занимаетъ деньги, даже по двуривенному, такъ Чичиковъ ко всѣмъ и каждому ѣздитъ обѣдать и покупать послѣ обѣда мертвыя души. Для довершенія сходства, у него есть и слуга, такой же, какъ у Хлестакова, съ тою только разницею, что слуга Чичикова, какъ вы сами видѣли, еще гризѣе: но вы не видали даже и десятой части той, какъ вы называете, тошноты, которую онъ всегда навонитъ своимъ появленіемъ. За Чичиковымъ начинаютъ ухаживать: городъ и предмѣстья хотятъ выиграть за него замужъ; онъ производитъ впечатлѣнія, несмотря на свой брусниковый фракъ. Вотъ у губернатора балъ. Чичиковъ — въ числѣ приглашенныхъ; губерніскія дамы пѣшакуются къ нему на шую: одна изъ нихъ, еще за нѣсколько дней до бала, прислала ему любовное письмо, и онъ старается угадать которая. Между тѣмъ въ числѣ гостей находился и Поздrevъ: какъ вы думаете, почтеннѣйшій читатель, что онъ тамъ дѣлаетъ?.. онъ садится на полъ и ловитъ за ноги танцующихъ тамъ... у губернатора. Вотъ поэзія! Вотъ изобрѣтеніе! Выше этого я ничего не знаю въ чудесахъ общественной жизни, облеченныхъ въ „перлъ дѣланнаго *созданія*“. Наконецъ, въ городѣ узнали, что Чичиковъ скунаетъ мертвыя души. Коробочка прискакала изъ деревни, справилась въ городѣ, по чемъ ходятъ мертвыя души, и не обмануль ли ея Чичиковъ. Начались толки. Герои замѣтили опасность своего положенія, и уѣхали какъ „Ревизоръ“. Тѣмъ оканчивается первая часть поэмы. — А знаете ли остальное? спрашиваете вы меня. — Не знаю, почтеннѣйшій читатель! смѣренно отвѣчаю я. Откуда мнѣ знать будущее! Да и какъ можно угадать полетъ гения!

Такъ я вамъ скажу. Чичиковъ, во второй части, требуетъ выдачи себѣ своихъ покупки отъ тѣхъ, которые

продали ему мертвые души, не упоминая въ купчихъ о томъ, что онѣ уже умерли. Онъ заведетъ съ ними процессъ, возьметъ съ нихъ по двѣ тысячи рублей за каждую душу, или заставитъ ихъ выдать себѣ взаменъ четыреста живыхъ и здоровыхъ крестьянъ. Анекдотъ старинный и весьма извѣстный. Вся разница между нимъ и вашей поэмой та, что, по словамъ анекдота, эта продѣлка случилась съ однимъ только помѣщикомъ, тупымъ и недалекимъ человѣкомъ, который, будто бы, въ нетрезвомъ видѣ, позволилъ кому-то обмануть себя такъ грубо и несбыточно, а здѣсь, въ вашей поэмѣ, герои находятъ цѣлую дюжину такихъ непостижимыхъ глупцовъ, и съ каждымъ повторяетъ одну и ту же продѣлку до утомленія. — Но согласитесь, почтеннѣйшій читатель, говорю я: что, несмотря на все ваши замѣчанія, которыя, можетъ быть, и основательны, это удивительная поэма, поэма, названная поэмой *совѣтъ не для шутки*, первая поэма въ мірѣ! Вы не читали визита Чичикова къ Собакевичу и Плюшкину. Чудо, какъ это остроумно и смѣшно! Настоящій лирическій смѣхъ! Поэма въ полномъ смыслѣ слова!

— Я соглашусь, говорите вы мнѣ, не прежде какъ услышавъ ваши отвѣты на вопросы, которые намѣренъ я предложить вамъ. Я хочу разсуждать съ вашимъ необдуманымъ или поддѣльнымъ восторгомъ сократически. Читали-ль вы „творенія“ Поль-де-Кока? — Имѣть честь. — Какіе сюжеты служатъ имъ основаніемъ? — Сюжеты того же роду, какъ и сюжетъ нашей великой поэмы, какъ, вообще, сюжеты „твореній“ нашего поэта. — Какіе герои дѣйствуютъ у Поль-де-Кока? — Такіе же, какъ и у величайшаго изъ современныхъ поэтовъ. — Такіе же грязные, хотите вы сказать. Но не такіе силовитые плуты и глупцы. Не правда ли? — Не смѣю вамъ противорѣчить, почтеннѣйшій читатель. Въ самомъ дѣлѣ, почти все герои Поль-де-Кока только смѣшные оригиналы: они, вообще, добряки, честные и чувствительные.

— И, слѣдовательно, болѣе занимательные, чѣмъ это скопище отъявленныхъ глупцовъ и плутовъ. Такъ ли? —

Согласенъ. Они сверхъ того очень разнообразны. Приключенія ихъ всегда натуральны и почти всегда замысловаты. Многіе женскіе характеры чрезвычайно мѣлы и трогательны. Нерѣдко добродѣтель сіяетъ какъ алмазь въ этой кучѣ всякаго сору. При всей испорченности воображенія, при всей неблагопристойности сценъ, направленіе романа у Поль-де-Кока болѣею частью бываетъ нравственное. Въ его твореніяхъ вообще много сильнаго интересу. Въ твореніяхъ же вашего поэта вы не покажете мнѣ ничего подобнаго: они состоятъ изъ набора каррикатуръ и гротесковъ, часто набросанныхъ съ большимъ юморомъ, но безъ связи между собою и безъ интересу для читателя. — Согласенъ. Что правда, то правда! — Но только, къ сожалѣнію, все, что движется у Поль-де-Кока, говоритъ точно такимъ же языкомъ, какъ герои вашей поэмы. — О' на это я никакъ не согласенъ. У Поль-де-Кока герои обыкновенно изъясняются одною только начальною буквою слова, послѣ которой они ставятъ десятокъ точекъ. У нашего поэта, напротивъ, всѣ дѣйствующія лица говорятъ и бранятся полною прописью, не выпуская ни одной буквы, и еще съ примѣчаніями внизу страницы. Это гораздо яснѣе! — Положимъ, что это составляетъ особенное и неподражаемое преимущество вашего поэта. Теперь позвольте спросить васъ объ одномъ весьма важномъ въ словесности предметѣ: какимъ слогомъ писаны творенія Поль-де-Кока относительно къ французскому языку?

— Ужаснымъ. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія! — Думаете ли вы, что слогъ твореній Поль-де-Кока ужаснѣе въ отношеніи къ французскому языку, чѣмъ слогъ этой поэмы въ отношеніи къ русскому? — Нѣтъ, не думаю. Я полагаю, что отношенія ихъ равны.

— Такъ скажите же мнѣ теперь, почему Поль-де-Кокъ при равной съ вашимъ авторомъ мѣрѣ неопытности и безвкусія, но обладая удачнѣйшимъ изобрѣтеніемъ, сильнѣйшимъ интересомъ и, вообще, большимъ талантомъ, никогда не вздумалъ называть своихъ нечистоплотныхъ твореній

поэмами? Почему никогда не пускается онъ въ эти смѣшныя риторическія тирады о своемъ литературномъ величій?

— О! это совсѣмъ другой вопросъ, почтеннѣйшій читатель! Поль-де-Кокъ живетъ въ старинномъ, огромномъ и опытной литературѣ, видитъ все ничтожество дѣлъ текущей словесности, всю суетность славы, добываемой второстепенными талантами, трудящимися въ „низкомъ и ничтожномъ родѣ“, и онъ знаетъ свое мѣсто въ числѣ писателей. Да ему и нельзя не знать своего мѣста, потому что это мѣсто все знаютъ. Тутъ ужъ ни себя ни другихъ не увѣришь, что, написавъ поль-де-коковскій романъ поль-де-коковою прозою, вы написали „поэму“, и заняли мѣсто между Гомеромъ и лордомъ Байрономъ. Въ литературѣ, обладающей опытностію, это невозможно. Въ молодой и неопытной — дѣло другое.

— Вы, кажется, хотите сказать этимъ, что въ молодой и неопытной литературѣ всякій бредъ напыщеннаго тщеславія имѣетъ себѣ полный просторъ, и нѣтъ такой нелѣпости, въ которой бы, съ помощью смѣлости, нельзя было увѣрить меня, благосклоннаго читателя?—Нѣтъ, этого я не говорю. Какъ можно!.. сохрани Господи! — Слѣдовательно, вы полагаете, что въ нашей начинающей литературѣ даже и такой писатель какъ Поль-де-Кокъ, но еще съ меньшимъ долею таланта, можетъ безъ зазрѣнія совѣсти провозгласить себя *поэтомъ*? что даже и такой романъ, какъ поль-де-коковскій имѣетъ полное право прослыть у насъ *поэмою*? Вы, рѣшительно, это полагаете! — Неужели я такъ полагаю?—Да!.. это неизбежно! — Вотъ этого я никакъ не думаю! Но если я такъ полагаю, то позвольте мнѣ замѣтить, что вы слишкомъ унижаете родъ и творенія Поль-де-Кока. Правда, онъ романовъ своихъ не называетъ *поэмами*, но чѣмъ же они не поэмы! Кто запретитъ намъ назвать ихъ поэмами? Я говорю, что все романы Поль-де-Кока — чудесныя поэмы, совершенно такія же поэмы, какъ „наша поэма“, и вы не увѣрите меня въ противномъ всею вашей діалектикой.

— О! если вы съ этой стороны смотрите на вещи, отвѣ-
Зелівскій, Критика о Гоголѣ.

чаще вы мнѣ въ замѣшательствѣ: то мы очень скоро согласимся съ вами. Назовемъ Илиаду романомъ Поль-де-Кока, а „Иана“ поэмою Гомера, и весь споръ рѣшится. Скажу вамъ болѣе: романы Поль-де-Кока, какъ книги, стоятъ выше всѣхъ возможныхъ поэмъ. Посмотрите, съ какою жадностью пожираютъ эту литературную нечистоту все классы читателей! какимъ лирическимъ смѣхомъ сопровождается это чтеніе въ кухняхъ и переднихъ! какое любовитство возбуждаютъ эти соблазнительныя сцены въ молодой скромной женщинѣ и въ старомъ несчастливомъ философѣ! Отъ мелочной лавки до ученаго кабинета, отъ лакейской до будуара, поискавъ хорошенько, вездѣ найдете творенія Поль-де-Кока, вездѣ ихъ ждуть, читаютъ, хоть и прячутся съ ними. „Похожденіямъ Чичикова“ я претеска-зываю такой же успѣхъ. Объ нихъ явно будутъ говорить съ глѣвомъ, но между тѣмъ будутъ читать ихъ съ таиннымъ наслажденіемъ. Я не исключаяю и себя изъ числа такихъ читателей. Для писателей, не разбирающихъ средствъ къ успѣху, больше, кажется, и не нужно. Ваша „поэма“ достигнетъ своей цѣли. Объясните мнѣ только, отчего люди такъ нацки на книги, которыя сами же они порицаютъ?—Ахъ, Боже мой, почтеннѣйшій читатель! вскрикиваю я въ отчаяніи: вы совершенно запутываете меня своими вопросами! Я вижу, къ чему вы меня ведете. Вы хотите разочаровать меня, убить мой восторгъ, уничтожить мечту мою. Остановитесь, умоляю васъ! Не суньте о книгѣ по ея первому тому. Подождите двухъ остальныхъ частей. Тогда-то, тогда-то докажу я вамъ, что это — поэма, назван-
ная поэмой не въ шутку!

Слава Богу! почтеннѣйшій читатель согласился на мое предложеніе. Дѣло остается перѣнесеннымъ до выхода остальныхъ томовъ.

О. Сенковский.

*) — Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ.

Какихъ ни вымышляй дружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться;
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И петина должна открыться!

Державинъ.

„А! это вы? насилу - то мы съ вами встрѣтились! Ну, что, какъ? Здоровы-ли? что новаго?“.. Такъ одинъ молодой человѣкъ, давно уже сидѣвшій въ книжной лавкѣ, съ книжкою „Библіотеки для чтенія“ въ рукахъ, привѣтствовалъ другого, только-что вошедшаго въ лавку, съ живостью бросившись къ нему навстрѣчу и съ жаромъ пожимая ему руку. Этотъ молодой человѣкъ давно уже поглядывалъ на меня, съ явнымъ желаніемъ заговорить со мною. — должно быть о статьѣ, которую читалъ. Эта статья, казалось, живо занимала его, потому что онъ и улыбался и смѣялся; по временамъ съ устъ его слетали неопредѣленные восклицанія. Онъ даже заговорилъ со мною о погодѣ; но я, не любя заводить знакомствъ (пбо у насъ на Руси размѣняться съ незнакомымъ человѣкомъ двумя - тремя фразами о погодѣ, значитъ иногда нажать пріятеля и „моншера“), отдѣлался отъ него неопредѣленнымъ „да“ и т. п. Тѣмъ живѣе была радость молодого человѣка, при видѣ знакомаго, съ которымъ онъ давно не видался, и которому могъ излить ощущенія, возбужденныя въ немъ статьею. У нихъ сейчасъ же завязался живой разговоръ, который мнѣ показался столь интереснымъ, что я почелъ не лишнимъ довести его до свѣдѣнія публики. Описаніе наружности и характера обоихъ персонажей этой маленькой сцены нисколько не послужило бы къ ея уясненію, и потому замѣтимъ только слегка, что молодой человѣкъ, встрѣтившій съ такою живостью своего знакомаго, былъ нѣсколько вертлявъ, говорилъ скоро и громко, какъ бы у себя дома, а лицо его казалось совершеннымъ выраженіемъ легкости и

*) „Отечественныя Записки“ 1842 г., № 9, т. 24, отд. VIII. Статья В. Бѣлинскаго.

добродушія; знакомый же его отличался отъ него какою-то холодною сажностью въ рѣчи и въ манерахъ. Чтобъ лучше слѣдить за ихъ разговоромъ, назовемъ перваго господиномъ А., а другого господиномъ Б.

А. Что новаго? — Да вѣдь вы знаете, что я всегда запасаюся имъ отъ васъ же. Вы, кажется, что-то читали въ „Библіотекѣ для Чтенія“?

Б. Ахъ, да! — статью о „Мертвыхъ Душахъ“. Чудо, прелесть! Въ иныхъ мѣстахъ хотя и вздоръ, но зато, какое во всемъ остроуміе! Такой статьи давно не бывало! Вотъ ужъ можно сказать: *писано жемчужно*...

А. Да, правда...

Б. Жанень! Рѣшительный Жанень!

А. Ну, ужъ вотъ этого - то я не скажу. Жанень — болтунъ; чрезвычайный успѣхъ его основанъ на легкости и на отсутствіи всякихъ твердыхъ и глубокихъ нравственныхъ началъ въ обществѣ, для котораго онъ болтаетъ пынче совѣмъ не то, что болталъ вчера, а завтра будетъ болтать совершенно противное тому, что болталъ вчера; но Жанень все-таки болтунъ остроумный, и, при другомъ обществѣ, онъ могъ бы сдѣлать изъ своего таланта лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Но каковъ бы ни былъ Жанень и теперь, его болтовня всегда блещетъ умомъ и остроуміемъ, хоть и совершенно внѣшними, и отличается *тономъ периодическихъ лжеден*. Остроуміе Жанена заключается совѣмъ не въ томъ, чтобъ, выписавъ изъ разбираемаго романа нѣсколько фразъ, плоскихъ потому именно, что онъ вложены авторомъ въ уста изображаемаго имъ чело- вѣка дурного тона, принисать эти фразы самому автору и воскликнуть: *такие периоды настоящіе сатиры*! Истинное остроуміе, хотя бы и легкое и мелкое, не искажаетъ умышленно предмета, чтобъ возбудить во что бы то ни стало грубый смѣхъ площадной толпы: оно находитъ смѣшное въ своей манерѣ видѣть предметы, не уродуя ихъ.

Б. Это, пожалуй, и такъ; да вѣдь дѣло - то въ успѣхѣ, и bien gira qui gira le dernier! Осуждать такое остроуміе

могутъ многіе съ большою основательностью; а острить такъ сами едва-ли могли-бы, если-бъ и хотѣли.

А. По крайней мѣрѣ, пужна для этого большая рѣшительность. Попробуйте выдумать на кого угодно смѣшную невинцу — всѣ расхохочутся, и никто не захочетъ паводить справки, правду вы сказали, или ложь. Повторяйте такія выдумки чаще и насчетъ всѣхъ и каждого: всѣ будутъ презирать, а слушать и смѣяться не перестанутъ. Но всему есть мѣра и границы. Одно и то же надоѣдаетъ, а выдумывать цѣлую жизнь разнообразныя литературныя лжи невозможно, и какъ скоро замѣтятъ, что вы повторяете самого себя, то перестанутъ смѣяться, начнутъ звать. Это я говорю не по отношенію къ журналу, а какъ общую истину, которая удобно прилагается ко многимъ житейскимъ дѣламъ.

Б. Такъ вы совершенно отказываете въ остроуміи рецензіямъ „Б. для Ч.“?

А. Несколько. Когда она не увлекается пристрастіемъ, а главное острить надъ тѣмъ, что дѣйствительно ей подъ силу, и о чемъ серьезно не стоитъ сказать и двухъ словъ, ея рецензіи бываютъ очень забавны. Такъ, напр., нельзя было не улыбнуться, читая въ „Б. для Ч.“ разборъ, или лучше сказать, надгробную рѣчь надъ прахомъ умершихъ прежде своего рожденія стихотвореній какого-то Бочарова. Но когда *такое-же* остроуміе прилагается ею къ предметамъ высшаго значенія, которые почему-то всегда не по сердцу этому журналу, тогда оно по необходимости становится плоскимъ и скучнымъ. Важное само-по-себѣ нельзя сдѣлать смѣшнымъ.

Б. Но что вы говорите, а въ статьѣ о „Мертвыхъ Душахъ“ много ѣдкости...

А. Прибавьте — безсильной, для предмета, слишкомъ высоко въ отношеніи къ ней стоящаго. Я не вижу ровно ничего остроумнаго ни въ сближеніи плохихъ стихотвореній площаднаго писака съ поэмою Гоголя, ни въ томъ, что рецензентъ называетъ „поэмами“ разныя медицинскія сочиненія. Все это мнѣ кажется очень — плоскимъ. Разбе-

рите-ка этотъ разборъ съ начала до конца, по порядку. Что это такое? — Послушайте: „Вы видите меня въ такомъ восторѣ, въ какомъ еще не видали. Я *пыхчу*, трещу, прыгаю отъ восхищенія“... Пока довольно; остановимся на „пыхтѣнн“ рецензента. „Пыхчу“ есть настоящее время глагола „пыхтѣть“, который значить то же, что „тяжело дышать“. Но послѣднее выраженіе употребляется въ отношеніи къ людямъ, а первое—въ отношеніи къ лошадямъ и коровамъ. Видите-ли: явное незнаніе русскаго языка?... Если же слово „пыхтѣть“ и употребляется въ отношеніи къ людямъ, то не иначе, какъ въ уничижительно-комическомъ тонѣ, для выраженія волненія крови и желчи, производимаго страстями, какъ-то: пристрастіемъ, и т. п... Итакъ, что же хорошаго въ рецензін, которая почти началась словомъ „пыхчу“?

— Но будемъ слѣдить далѣе за „пыхтѣньемъ“ аристарха. Ему не понравилось, что Гоголь называлъ свое сочиненіе „поэмою“—и вотъ онъ заставляетъ своихъ читателей „свидѣтелей его бѣшеннаго восторгу“, спрашивать у него, пыхтящаго рецензенту, какимъ размѣромъ писана поэма, давая тѣмъ знать, что онъ, въ своемъ эстетическомъ пыхтѣнн, написанной прозою поэмы, не признаетъ „поэмою“. Все это, дѣйствительно, очень забавно и возбуждаетъ смѣхъ, но только совсѣмъ не надъ авторомъ поэмы, а развѣ надъ пыхтящею рецензіею. И мнѣ кажется, что я уже слышу громкій хохотъ свидѣтелей ея бѣшеннаго восторгу, оттого, что въ поэмѣ нѣтъ никакого размѣру, а можетъ и отъ смѣшной претензін пыхтящаго рецензенту преобразовать правописаніе языку, который чуждъ ему, и котораго духу онъ совсѣмъ не знаетъ. Выписка первой страницы поэмы неполнопа пустыхъ придиорокъ къ слогу, изъ которыхъ главная состоитъ въ томъ, что Гоголь лучше его, пыхтящаго рецензенту, знаетъ употребленіе родительнаго падежу, и не хочетъ слѣдовать его нелѣпой орфографіи. „Поэтъ (восклицаетъ или „пыхтитъ“ рецензентъ), поэтъ—это существо всемірное: онъ выше времени, пространствъ и грамматики! Можетъ быть, это восклицаніе, или это „пыхтѣ-

ніе" и очень остроумно, а главное, очень ново и оригинально: но только оно подтверждаетъ мое убѣжденіе въ волневіи „В. для Ч.“: не она ли, вотъ уже ровно *десяти* годъ, ежемѣсячно смѣется надъ грамматикон и доказываетъ, что эта наука изобрѣтена педантами и дураками? А теперь ей пригодилась, видно, и грамматика: она теперь глубоко уважаетъ эту науку, такъ кетати подвернувшуюся ей подъ руку, чтобъ было чѣмъ швырнуть въ страмного для нея писателя, какъ пѣкоча, съ гораздо большимъ успѣхомъ, швырялъ сю г. Гречъ въ распорядителя „Библіотеки для Чтенія“. И вотъ, для доказательства своей силы въ русской грамматикѣ, рецензентъ снѣшнѣ употребитъ слово „занаховъ“, какъ онъ употребляетъ слово „мозги“, „мечтъ“ и т. п. Въ выраженіи Гоголя: „покажѣтъ слуги управлѣнсь и возилѣсь“, онъ подчеркиваетъ слово „возилѣсь“, давая тѣмъ знать, что оно, почему-то, будто-бы, не хорошо, а почему пменно, это пока секретъ рецензенту, который онъ, вѣроятно, когда-нибудь откроетъ „свидѣтелямъ его бѣшеннаго восторгу“. Впрочемъ, всѣхъ его *подчеркиваній* не перечесть: они многочисленны и разнообразны. Но вотъ слѣдуетъ самое убѣдительное доказательство, какъ сплець нашъ рецензентъ въ русскомъ языкѣ—послушайте: „Во всѣхъ славянскихъ языкахъ, какіе я знаю, *носѣ* имѣтъ въ родительномъ надежѣ *носа*, а *шумѣ*, *вѣтерѣ* и *дымѣ* имѣють *шуму*, *вѣтру*, *дыму*“. Скажите, Бога ради, что это такое: шутка, мистификація, или просто „пыхтънье“? Я не знаю, да и знать не хочу, какъ въ польскомъ или другомъ славянскомъ языкѣ склоняются въ родительномъ надежѣ слова: *носѣ*, *шумѣ*, *вѣтерѣ*, и *дымѣ*; но, какъ природный Русскій, знаю достовѣрно, что слова эти въ русскомъ языкѣ принимаютъ въ родительномъ надежѣ окончаніе равно и *а* и *у*, а когда второе именно, на это пѣтъ постоянного правила, но это слышитъ ухо природно-Русскаго, слышитъ—и никогда не обманывается. Всякій Русскій скажетъ, какъ у Гоголя: „Волосѣ, выльзшій изъ носу“, и ни одинъ Русскій не скажетъ: „Волосѣ, выльзшій изъ носа“. Точно также должно говорить *порывъ вѣтра*, а не

портале центрѣ. Итакъ знаніе другихъ языковъ не послужило рецензенту облегченіемъ въ знаніи языка русскаго. И онъ, съ горю, вздумалъ перекраивать русскій языкъ на свой ладъ, и, не зная его, принялся учить ему Русскихъ!..

Б. Однакожь, согласитесь, что языкъ у Гоголя часто грѣшитъ противъ грамматики.

А. Соглашаюсь; а вы, за это, согласитесь, что не рецензенту же „Б. для Чт.“ упрекать его въ этомъ. Я далеко отъ того, чтобъ ставить Гоголю въ защиту неправоильность языка, которая тѣмъ досаднѣе, что у него она явно происходитъ не отъ незнанія, а отъ небрежности, отъ нерасположенія потрудиться лишнюю четверть часа надъ написанной страницей. Но у Гоголя есть нѣчто такое, что заставляетъ не замѣчать небрежности его языка, — есть *слогъ*. Гоголь не пишетъ, а рисуетъ; его изображенія дышатъ живыми красками дѣйствительности. Видишь и слышишь ихъ. Каждое слово, каждая фраза рѣзко, опредѣленно, рельефно выражаетъ у него мысль, и тыцно бы хотѣли вы придумать другое слово или другую фразу для выраженія этой мысли. Это значитъ имѣть *слогъ*, который имѣютъ только великіе писатели, и о которомъ разсуждать также не дѣло „Б. для Чт.“, какъ и разсуждать о русскомъ языкѣ, котораго она не знаетъ, что можно доказать изъ каждой ея страницы, наполненной всяческими обмолвками противъ духа языка, ошибокъ противъ его грамматики, барбаризмовъ, солецизмовъ и, въ-особенности, полонизмовъ.

Б. Это совершенно правда: г. Гречъ давно это доказалъ въ своей брошюрѣ—помните? . Я вѣдь и самъ вижу, что грамматическія-то обвиненія все выдуманы; но рецензентъ такъ смѣло колетъ ими и такъ смѣшно умѣетъ ихъ выставить, что тѣмъ болѣе удивишься его неподражаемому остроумію... Впрочемъ, если грамматическія нападки рецензента для васъ и ложны, и пусты, и скучны, переставемъ говорить о нихъ, переедемъ къ другимъ пунктамъ обвиненій, которые, надѣюсь, будутъ по существу. Мнѣ любопытно узнать, что-то вы на нихъ скажете.

А. Да что уже и говорить мнѣ, если вся рецензія устремлена противъ слогу?..

Б. Итъ, не противъ одного слова, но и противъ дурного тона сочиненія, такъ некстати названнаго „поэмою“, противъ страшной претензіи автора видѣть представителей и героевъ русской жизни въ людяхъ низкихъ и глупыхъ; противъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ со стороны автора, который, по таланту, не можетъ стать на ряду даже съ Поль-де-Кокомъ... Что касается до меня, я со всѣмъ этимъ соглашаюсь только въ-половину, потому что такъ хочется „В. для Чт.“, а по моему мнѣнію, и Гоголь чего-нибудь да стоитъ. И потому, повторяю: я держусь середины...

А. Что рецензентъ насмѣхается надъ словомъ „поэма“ въ приложеніи къ „Мертвымъ Душамъ“, это происходитъ отъ того, что онъ не понимаетъ значенія слова „поэма“. Какъ видно изъ его намековъ, поэма непременно должна воспѣвать народъ въ лицѣ ея героевъ. Можетъ-быть, „Мертвыя Души“ и названы поэмою въ этомъ значеніи; но произнести какой-нибудь судъ надъ ними, въ этомъ отношеніи, можно только тогда, когда выйдутъ двѣ остальные части поэмы.

Б. Рецензентъ самъ говоритъ объ этомъ въ концѣ рецензіи...

А. Да, но сперва разругавъ за это поэму, въ началѣ и серединѣ рецензіи... Что касается до меня лично; я *пока* готовъ принять слово „поэма“, въ отношеніи къ „Мертвымъ Душамъ“, за равнозначительное слову „твореніе“. Въ этомъ значеніи, всякое произведеніе поэзіи есть поэма — и ода, и пѣсня, и трагедія, и комедія. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что, опираясь на словѣ „поэма“, стоящемъ въ заглавіи сочиненія Гоголя, рецензентъ очень-наивно и очень-невинно силится бросить на автора не совсѣмъ прохладную тѣнь неуваженія, будто-бы, къ русскому обществу, котораго репутація такъ дорога сердцу рецензенту, не знающаго русскаго языка и русской грамматики... Иначе, какъ-же вы поймете „тонкіе“ намеки рецензенту на то, что авторъ „Мертвыхъ Душъ“ будто-бы „при каждомъ *неблаго-*

сидиловъ случай наводитъ рѣчь на Русскихъ“. Какой же этотъ „неблаговидный случай“? — Авторъ проситъ у читателей извиненія за то, что знакомитъ ихъ съ Петрушкою и Селифаномъ, людьми Чичикова, „зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями“. Но чтобъ уяснить это съ умысломъ затемненное рецензентомъ дѣло, вотъ „Мертвые Души“ — я прочту вамъ изъ нихъ все это мѣсто, изъ котораго рецензентъ взялъ только то, что нужно было ему для его цѣли. Выслушайте:

„Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его выше, и шаночное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ, тѣ, Богъ вѣсть, можетъ быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на все, что ни пресмыкается у ногъ его, или что еще хуже, можетъ быть, проидутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ“.

И такъ, очевидно, что авторъ, съ собственнымъ ему юморомъ, и притомъ очень деликатно, кольнулъ слабость нашего общества къ знакомству съ чинами и отличіями, а не людьми. Во-первыхъ, это правда; во-вторыхъ, это особенно не унижаетъ Русскихъ передъ другими народами, особенно, напр., передъ Нѣмцами, которые отчаянно болѣе чиноманіемъ, хотя и далеко обогнали насъ въ цивилизаціи и просвѣщеніи; въ третьихъ, Петрушка и Селифанъ послужили для автора только предлогомъ къ нападеніямъ на чиноманію, и онъ совсѣмъ не думалъ упрекать русское общество за то, что оно не хочетъ знаться съ кучерами и лакеями. Судите же, послѣ этого, изъ какого *свѣтлаго* источника вытекло негодованіе незнающаго по-русски рецензента, негодованіе, которымъ такъ пренебрежены эти его строки:

„Помилуйте! вскрикиваетъ *почтеннѣйшій* (гостинодвор-

скій эпитетъ!) читателемъ, не отнимая пальца отъ своего почтеннѣйшаго носа (острота!), который онъ имѣетъ обыкновеніе зажимать отъ такихъ *создурговъ* (острота и грамматическая ошибка!): что вы это, съ вашимъ поэтомъ, при каждомъ неблаговидномъ случаѣ, наводите рѣчь на Русскихъ! Въ чемъ и за что бы безпрерывно ихъ обвиняете? Да они очень хорошо дѣлають, что не хотятъ знакомиться съ вашими нечистыми героями, отъ которыхъ я самъ принужденъ поминутно *закрывать носъ* и глаза рукою. Если порядочные Русскіе не охотно сближаются съ людьми низкаго сословія, причиною этого долженъ быть распространенный между ними благородный вкусъ къ изяществу, опрятности, образованнымъ ощущеніямъ, а не мнимый народный порокъ, не всеобщая сѣнь, не безразсудная гордость, *Надъ чѣмъ вы турѣтъ насмѣхаетесь? Куда нарываете свои эмиграцїи!* (не по-русски!). Страсть зазнаться!.. *Да чтобы по случаю Петрушки упрекать цѣлый народъ въ страсти зазнаваться* (у Гоголя: зазнаться съ тѣмъ, кто хотя однимъ чиномъ выше это рецензентомъ выключено, а глаголъ „зазнаться“ поворочень на глаголъ „зазнаваться“!!..), надо предположить, будто весь народъ ничѣмъ не лучше этого грубого и грязнаго человека и только понапрасну, изъ гордости не узнаетъ въ немъ себя равнаго! Но это не правда. Вы систематически унижаете русскихъ людей. Я (о!...) этого не люблю, и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши зловонныя картины поселяють во мнѣ отвращеніе“...

И такъ скажите же: гдѣ у Гоголя все это есть, и о томъ ли, то ли говорить онъ, на что возсталъ рецензентъ? Итъ, это уже не „пыхтѣнье“: это что-то въ родѣ придирокъ извѣстнаго рода...

Б. Оно такъ, я не скажу, чтобъ это было хорошо; но за то, какъ зло, какъ ловко, мастерски!..

А. Да, видно, что мастеръ своего дѣла. Но объ этомъ довольно: по одному судите и обо всемъ, тѣмъ болѣе, что нашъ рецензентъ умѣетъ быть вѣренъ себѣ.

Б. Ну, а насчетъ дурнаго тона, галыханскихъ картинъ, грязныхъ изображеній — что вы скажете на счетъ всего этого?

Право, „Мертвыя Души“ какъ будто писаны для сидѣльцевъ въ мучныхъ лавкахъ...

А. И однакожъ ихъ читаетъ и ими восхищается высшій свѣтъ и не находитъ въ нихъ дурного тона, плоскостей и сальности. Авторитетъ большого свѣта, въ этомъ случаѣ, безусловно неоспоримъ. Въ нападкѣ рецензента на дурной тонъ „Мертвыхъ Душъ“, я узнаю того же опытнаго мастера отбивать непріятныя ему литературныя репутаціи. Правда, къ этому орудію противъ Гоголя не разъ прибѣгали уже и другіе обожатели и знатоки хорошаго тона, еще за долго до появленія боитенно—„пыхтящей“ рецензіи. И хотя эти другіе ратовали съ тою цѣлю и вълѣдствіе тѣхъ же причинъ, однако они были искреннѣе въ своихъ нападкахъ на дурной тонъ, потому что, въ простотѣ мѣщанской свѣтскости, они не шутя считаютъ неприличнымъ то, что въ большомъ свѣтѣ нѣсколько не считается неприличнымъ. Но нашъ рецензентъ очень хорошо понимаетъ, что и для чего онъ дѣлаетъ. Хорошо зная невинную слабость среднихъ круговъ общества слишкомъ заботиться о приличіяхъ повѣдомаго и недоступнаго имъ большого свѣта, онъ не пропуститъ случая ухватиться за эту чувствительную струнку.

Б. Я вижу, что даже и поклонники Гоголя не чужды замашки нападать на цѣлое общество.

А. Нѣсколько. Франція, въ отношеніи къ свѣтской общественности, безъ всякаго сомнѣнія, первое государство въ мірѣ. Однакожъ, и тамъ центръ свѣтскости и высшаго тона находится въ Парижѣ, и именно, въ двухъ пунктахъ: въ послѣднемъ убѣжищѣ легитимизма, Сень-Иерменскомъ предмѣстіи, и въ новой мѣщанской аристократіи, при дворѣ. Всѣ прочіе слои общества суть только болѣе или менѣе вѣрныя отраженія этихъ первообразовъ свѣтской общественности. Смѣшно и нелѣзно было бы видѣть униженіе всего общества въ весьма обыкновенной и правдивой фразѣ, что *аппалый* хорошій тонъ царствуетъ въ вышемъ петербургскомъ кругу, и что средніе круги общества часто добровольно дѣлаются смѣшными, считая и себя „большимъ свѣ-

томъ“, и стараясь копировать съ образца, который они видятъ издали, на гуляньяхъ и въ каретахъ, проѣздомъ по улицѣ. Нѣтъ никакого униженія, когда вамъ скажутъ (если вы этого не знаете сами), что нигдѣ нѣтъ столько пустыхъ претензій, изысканности, чопорности, а слѣдовательно, и дурного тона, какъ въ этихъ среднихъ кругахъ, почему-то считающихъ себя въ какихъ-то отношеніяхъ съ „большимъ свѣтомъ“, который для нихъ есть истинная *terra incognita*. Такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего своего, то все чужое, которымъ дышатъ они, переходитъ у нихъ въ карриатуру: развязность и свобода высшаго общества—въ наглость, приличіе—въ чопорность, вѣжливость—въ церемонность, любезность въ гостинодворскій тонъ. Я именно говорю о среднихъ кругахъ. Если вы знаете хорошо нашихъ помѣщиковъ, согласитесь со мною, что между ними PERFECTO встрѣчаются прекрасныя исключенія: въ ихъ домахъ вы не найдете того, что называется „высшимъ свѣтомъ“, но найдете благородный тонъ, благородную простоту обращенія, истинную образованность, которая такъ рѣдка и въ „высшемъ свѣтѣ“. Въ нихъ есть *свое*, отъ-того они и не пародируютъ другихъ; они берутъ отъ большого свѣта свое, не принимая отъ него чуждаго имъ, или несоотвѣтствующаго ихъ средствамъ и положенію. Наше общество еще такъ молодо, такъ еще не установилось и не приняло общаго характера, что такія прекрасныя исключенія представляются только въ семействахъ, въ отдѣльныхъ домахъ, а не въ цѣломъ сословіи, нестромъ и разнохарактерномъ. И причина такихъ прекрасныхъ исключеній состоитъ именно въ томъ, что дома, о которыхъ я говорю, имѣютъ свое собственное значеніе и не принадлежать къ тому, что называется „средними кругами“: это аристократія нашихъ провинцій. Подъ среднимъ кругомъ должно разумѣть преимущественно чиновничество столицъ и губернскихъ городовъ—это плодородное поле, съ котораго даже низшіе таланты, чѣмъ талантъ Гоголя, собираютъ такую обильную жатву. Вотъ ихъ-то и имѣла въ виду рецензія. Но что же плоскаго и грязнаго находить рецензентъ у Гоголя?—Пор-

трети Петрушки и Селифана, захлам (говоря его не русскимъ языкомъ), описаніе двора Коробочки, въ которомъ свинья съ семействомъ, рывшаяся въ кучѣ сора и мимоходомъ заѣвшая цыпленка, особенно непріятно подѣйствовала на его свѣтскую разборчивость. Что же бы сказали оцъ, прочитавъ извѣстную басню Крылова, гдѣ свинья играетъ главную роль... „Грязь на грязи!“ восклицаетъ „почтеннѣйшій“, чистоплотный рецензентъ...

В. Однакожъ, вы, вѣрно, не находите изящными подобныя картины?

А. Напротивъ, именно нахожу изящною эту грязь, „возведенную въ перлъ созданія“, нахожу ее въ миллионъ разъ изящнѣе сусальной позолоты поэтовъ среднего круга общества, — поэтовъ чиновническихъ и губернскихъ. Картина была, дома и двора Коробочки — въ высшей степени художественная картина, гдѣ каждая черта свидѣтельствуетъ о гениальномъ взмахѣ творческой кисти, потому что каждая черта запечатлѣна чиническою вѣрностью дѣйствительности и живо, осязательно воспроизводитъ цѣлую сферу, цѣлымъ міръ жизни, во всей его полнотѣ.

В. Ну, хорошъ же этотъ міръ! Поздравляю съ такою жизнью!

А. Не выщете — тѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Поэзія есть воспроизведеніе дѣйствительности. Она не выдумываетъ ничего такого, что бы не было въ дѣйствительности; она только идеализируетъ явленія дѣйствительности, возводя ихъ къ общему значенію, что и значитъ „возводить въ перлъ созданія“. Всякая другая поэзія — пустое фантазерство, вздоръ и пустяки, способные забавлять людей ограниченныхъ и необразованныхъ. И потому мѣрка достоинства поэтического произведенія есть вѣрность его дѣйствительности.

В. Но неужели же въ русской дѣйствительности нѣтъ ничего лучше и благороднѣе Петрушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чичикова и тому подобныхъ героевъ и героинь?

А. Безъ всякаго сомнѣнія есть; и авторъ совсѣмъ не

думать своими „Мертвыми Душами“ утверждать противное. Онъ только взялъ себѣ известную сферу жизни, дѣйствительно существующую—вотъ и все. Упрекать его за это—все равно, что упрекать Лафонтена и Крылова, зачѣмъ они писали басни, а не оды, упрекать Мольера и Фон-визина, зачѣмъ они писали комедіи, а не трагедіи. Стекла (по прекрасному выраженію Гоголя) озирающія небесныя свѣтила и насѣкомыхъ равно велики. А какое же вы имѣете право упрекать естествоиспытателя, что онъ изучаетъ инфузоріи, какъ-будто въ природѣ нѣтъ твореній, болѣе благородныхъ? Сверхъ того, надо еще сказать, что, находя лица, изображенія Гоголемъ, особенно безправственными и глупыми, довольно ребячески преувеличиваютъ дѣло и грубо его понимаютъ. Эти лица дурны по воспитанію, по невлѣкственности, а не по натурѣ, и не ихъ вина, что со дня смерти Петра Великаго прошло только 116, а не 300 лѣтъ. Неужели въ иностранныхъ романахъ и повѣстяхъ вы встрѣчаете все героевъ добродѣтели и мудрости? Ничего не бывало! Тѣ же Чичиковы, только въ другомъ платьѣ: во Франціи и въ Англіи они не скупаютъ мертвыхъ душъ, а подкупаютъ живыя души на *свободныхъ* парламентскихъ выборахъ! Вся разница въ цивилизаціи, а не въ сущности. Парламентскій мерзавецъ образованнѣе какого-нибудь мерзавца пижняка земскаго суда; но въ сущности оба они не лучше другъ друга. Люди съ божественною искрою въ душѣ вездѣ рѣдки,—и я первый пламенно желаю, чтобъ Гоголь иногда дарилъ насъ изображеніями и такихъ личностей, тѣмъ болѣе желаю, что теперь только одинъ онъ и можетъ изображать ихъ. Но я не считаю себя вправе требовать, чтобъ онъ изображалъ то, а не это, или ставить ему въ вину, что онъ изображаетъ то, а не другое.

Б. Но воля ваша, а такія слова, какъ: *свинтусъ, скотинодъ, подлецъ, ветюкъ, чортъ знаетъ, нагадитъ* и тому подобныя—такія слова видѣть въ печати какъ-то странно.

А. А слышать, или самому говорить каждый день не странно?.. Но авторъ „Мертвыхъ Душъ“ нигдѣ не гово-

ритъ самъ, онъ только заставляетъ говорить своихъ героевъ, сообразно съ ихъ характерами. Чувствительный Маниловъ у него выражается языкомъ образованнаго въ мѣщанскомъ вкусѣ человѣка; а Поздrevъ—языкомъ *историческаго человѣка*, героя ярмарокъ, трактировъ, попоекъ, дракъ и картежныхъ продѣлокъ. Не заставитъ же ихъ было говорить языкомъ людей высшаго общества! Что же касается до слова „подлецъ“, авторъ употребляетъ его и отъ своего лица, какъ люди порядочнаго тона употребляютъ, кромѣ этого слова, слова: *воръ, разбойникъ, ищущъ, взяточникъ, казнокрадъ, заискиникъ, лжецъ, клеветникъ*, и т. п. И я, право, не понимаю, что неприличнаго въ словѣ *подлецъ* и чѣмъ оно непристойнѣе, напримѣръ, словъ *преступитель, незаконнорожденный*, и проч. Дѣло не въ словѣ, а въ *тонѣ*, въ какомъ это слово произносится. Иной любезникъ чиновническаго или гостинодворскаго кружка говорить все въжливости, одна другой тоньше и деликатнѣе, а все кажется, будто онъ отпускаетъ такія выраженія, за которыя выводять подъ руки изъ собраній: а порядочный человѣкъ выражается рѣзко, называетъ вещи ихъ настоящими словами—*солъ воровъ, подлецы, подлецомъ*, и между тѣмъ разговоръ его все-таки исполненъ благородства и достоинства, приличія и хорошаго тона.

Правда, Гоголь иногда касается такихъ сторонъ общечеловѣчности, которыя подъ перомъ иныхъ писателей были бы просто невыносимы и для обонянія, и для смѣха, и для взора; но какъ Гоголь не копируетъ дѣйствительности, а „возводитъ ее въ перлъ созданія“, какъ его юморъ спокоенъ, мягокъ и благороденъ, несмотря на свою силу, цѣльность и глубину, то въ его созданіяхъ никогда и ничего не бываетъ низкаго и тривіальнаго. Онъ влаѣетъ тѣмъ великаго таланта обращать въ чистое золото все, къ чему ни прикоснется. Скажите по совѣсти, встрѣчали ли вы въ его сочиненіяхъ хотя одну картину грубой чувственности, написанную съ желаніемъ самому налюбоваться ею и, возбужденіемъ нечистаго восторга, пріобрѣсти себѣ большее число читателей? Гдѣ, укажете, рисуется онъ грязь

для грязи, по страсти къ цинизму — замашка, довольно любимая, впрочемъ, добрымъ и талантливымъ Поль-де-Кокомъ, съ которымъ такъ не впопадъ, такъ пятапато, вздумала равнять Гоголя рецензія? Гоголь и Поль-де-Кока — это имена, между которыми столько же общаго, какъ между именами Вольтера и какого-нибудь барона Брамбеуса. Кстати: я знаю одного писателя, хоть и плохо по-русски пишущаго, но во многомъ походящаго на Поль-де-Кока, по крайней мѣрѣ, со стороны цинизма, если не со стороны знанія языка, таланта, сердечной теплоты. Это — баронъ Брамбеусъ... Вотъ его такъ можно обвинять въ дурномъ тонѣ, въ плоскостяхъ, въ сальностяхъ, въ явномъ незнаніи русскаго языка и русской грамматики, при талантѣ, котораго силу составляетъ смѣлость, да иногда блестящіе вышніяго, поверхностнаго ума. И подобное обвиненіе можно подкрѣпить фактами, противъ которыхъ нечего будетъ сказать ни вамъ, ни всякому другому, ни даже барону Брамбеусу. Если вы забыли его несчастныя „Фантастическія Путешествія“, какъ забыла ихъ русская публика, бросившаяся было на нихъ сначала слишкомъ горячо, по опрометчивости, столь свойственной всему молодому, — то вамъ стоитъ только перелистовать ихъ, чтобъ передъ вами возникла цѣлая галлерей картинъ, одна другой неумѣтѣ, одна другой спиртуознѣе, до того, что передъ ними всякіе другіе „запахи“ должны утратить свою рѣзкость. Да вотъ кстати — со мной одна изъ тетрадей литературныхъ матеріаловъ, которые я собираю для составленія исторіи русской литературы. Я вѣдь и зашелъ сюда именно потому, что мнѣ нужно навести кое-какія справки насчетъ критики „Б. для Ч.“ Я не буду вамъ разрывать всей этой кучи, чтобъ не заставить васъ зажимать, или, какъ выражается рецензія, „закрывать рукою“ вашъ „почтеннѣйшій“ носъ; и только напому вамъ бѣгло кое-что, и прежде всего то мѣсто, гдѣ баронъ проваливается черезъ Эту къ антиподамъ и попадаетъ прямо въ антриса танцовавшей губернаторши, которая жметъ его колѣнками, душитъ, а онъ, за это, кусаетъ за мягкую тяжесть, наполнившую его ротъ... Что.

хорошо? А его чистолютные рассказы о „тихомъ, рос-
 изшномъ, пуховомъ тѣльцѣ дѣвушекъ, въ коротенькихъ
 розовыхъ юбочкахъ“; о „свѣтлой похотливой кожѣ предан-
 ныхъ на жеріву жаднымъ взорамъ пухленькихъ грудей и
 плечъ“; о „постели двухъ юныхъ любовниковъ, только
 что оставленной ими по утру въ живомъ безпорядкѣ,
 еще дышащей вулканическою теплотою ихъ сердець, среди
 холодныхъ уже слѣдовъ перваго взрыва ихъ любви“; о
 душѣ пустытника, „забирающагося за пестрые прозрачные
 платочки его слушательницъ, чтобы играть съ ихъ бѣлень-
 кою грустью и щебѣть ихъ подъ сердцемъ“; о „бѣлой,
жирной кожѣ мандаринки, на которой влюбленный насѣ-
 комы (т.-е. блохи) угоняютъ въ небесномъ блаженствѣ“,
 и которыхъ мандаринка должна была „всякій вечеръ до-
 вить у себя подъ рубанкомъ“. Какъ вы думаете: вѣдь, пра-
 во, не дурно?.. Да то-ли еще есть у „почтеннѣшаго“ ба-
 рона! Вспомните его „Большой выходъ сатаны“, гдѣ чортъ
 сидитъ на воронкѣ, обороченной вверхъ острымъ концомъ
 и роскошно повертывается на этомъ эстетическомъ съда-
 лицѣ, вѣлѣвство оплеуки, данной ему сатаной... А то-нѣ,
 выраженія г. барона? О, это верхъ свѣтскости!.. Напри-
 мѣръ: „Если есть счастье на свѣтѣ, то не видѣть, какъ въ
 шароварахъ“; или: „иную бабу можно считать своею де-
 ревнею, которая приноситъ 150.000 годового дохода“; или:
 „если бѣ людей дѣлали немножко иначе, не такъ поспѣшно
 и съ должнымъ вниманіемъ, они были бы гораздо умнѣе“;
 или: „дѣтены, видя только *мудрѣ* души въ глазахъ сильныхъ
 людей не разбираютъ и добываютъ все, что имъ не вы-
 ставили“... Помните-ли его статью „Юная Словесность“,
 гдѣ *мудрѣ словесность* дѣлаетъ къ нашему барону въ домъ
 „шумить, *бесчинствовавши*, ломаетъ утварь, расхищаетъ всю
 собственность и принадлежность счастья?“ Баронъ объя-
 вляетъ читателямъ, что у него есть баронесса, „образую-
 щая вмѣстѣ съ нимъ широкую и плотную массу человѣче-
 ства“, которую онъ хочетъ спасти отъ нападеній „юной
 словесности“, для чего и „пробуетъ треснуть ее въ лобъ
 колодой картъ“. Юная словесность „стрѣляетъ раскален-

ными ядрами по бастиону супружества“; потомъ „бусурманка (т.-е. юная словесность) изранила взаимное довѣріе супруговъ“. Баронъ пыхтитъ и кричитъ: „Не поддадимся! о, коварная словесность! о, мерзкая словесность! Ахъ *распутница!*“ Баронесса „скрывается ночью съ постели“; „повалилась на землю, грызетъ въ бѣшенствѣ камень“, а *юная словесность* „вся запачканная кровью, *нысится* и качается въ своей грязной лужѣ“ и проч. Право, хорошо! Что-жъ не смѣетесь, не хотите, или, по крайней мѣрѣ, не пыхтите отъ восторгу?.. Что-жъ вы не восклицаете: „какіе свинтусы, какіе скотоводы эти нечистоплотные періоды, эти зловонныя картины“?.. Что такое исторія, какъ наука? — „Жеманная и придирная баба“... Что такое историческій романъ? — „Плодь соблазнительнаго прелюбоудія исторіи съ воображеніемъ“. Что такое сочинитель „Мазеши“ (плохого романа, теперь забытаго)? — „Наѣздникъ, который въ полночь лѣзетъ къ критику въ разбитое окно, вооруженный острымъ гусинымъ книжаломъ“. Теперь не угодно-ли полюбоваться философическими афоризмами столько-же глубокомысленнаго, сколько и эстетическаго барона? — „Воздухъ есть сухая вода“; „камень, гранитъ—тоже жидкость, по которой мы уже не можемъ укусить нашими зубами“; „земная планета атомъ произведеннаго въ броженіе теплотворомъ яичнаго желтка около перваго зародыша цыпленка“... „Что такое я самъ?“ спрашиваетъ баронъ, и тотчасъ весьма удовлетворительно рѣшаетъ этотъ вопросъ: „Я тоже жидкость, маленькая мѣра жидкости, сгущенной до извѣстной степени, вылитой по особенному образцу, зажженной внутри искрою божественнаго огня“... Не хотите-ли образчика баронскаго слогу? — „Эта бѣдная Венеція... Она просто жертва неопредѣленности нашего быта! Живая утопленница зыбкихъ ея формъ, окруженная неизбѣжною погибелю, еще борющаяся съ волнами страшнаго хаоса и въ *лицѣ погибели (?)* хватающаяся за подлинные утесы, которые обрушаются и дробятся въ ея рукахъ! Уже наша образованность обманула ее призракомъ супружескаго счастья; уже *сносила ея существованіе въ своей постели*, и

бросила его (?) безъ всякой досли въ омутъ домашняго насилія... Хорошо!.. Но довольно! Я боюсь васъ утомить чтеніемъ отрывковъ изъ моей тетрадки, которая, увѣряю васъ, очень любопытна, и если не ныхтитъ сама, то заставитъ порядкомъ ныхтѣть иныхъ романистовъ, критиковъ и рецензентовъ... Посудите сами о богатствѣ собранныхъ мною фактовъ: все, что я успѣлъ прочесть вамъ, ограничивается „Фантастическими Путешествіями“, „Новосельемъ“ и тремя первыми томами „Биб. для Чтенія“ за 1834 годъ... Слышите-ли: *только!* Сколько-же еще богатыхъ источниковъ! О, я надѣюсь написать прелюбопытную исторію русской литературы!...

Б. Вотъ эта книга по мнѣ! Страхъ люблю полемику! Даетъ пищу для споровъ и средство взглянуть на предметъ съ разныхъ сторонъ.

А. Это будетъ не полемика, а исторія... Но мы отклонились отъ предмета нашего разговора—ныхтящей рецензіи. Она очень ошиблась—не въ томъ, что вздумала равнять Гоголя съ Поль-де-Кокомъ, и даже унижать первого передъ послѣднимъ, но въ томъ, что могла думать, будто не найдется человека, который растолковалъ-бы ей, что у нея подъ рукою есть писатель, совершенно подходящій подъ ея обвиненія и болѣе годный для параллели съ Поль-де-Кокомъ... Хорошо понимая, что успѣха „Мертвыхъ Душъ“ не остановитъ ея, ныхтящая рецензія приписываетъ необычайный успѣхъ этого превосходнаго художественнаго произведенія грязи и сальности, смѣло и храбро навязаннымъ ею. Жалкія усилія, безсильные извороты! Этакъ можно объяснить развѣ только успѣхъ какого-нибудь барона Брамбеуса и какой-нибудь „Библіотеки для Чтенія“, которыхъ судьба вначалѣ была такъ блестяща, а теперь такъ печальна! Баронъ давно уже забытъ и тщетно пытался напоминать о себѣ публікѣ длиннымъ разглагольствованьемъ о „Дѣвѣ Чудной“ (публика отъ „Дѣвы“ заснула, а о баронѣ не вспомнила); а „Библіотека“ быстро подвигается, засыпая сама и усыпляя своихъ читателей, къ берегамъ томной Леты... Передъ смертью жизнь вспыхиваетъ ярче,

какъ огонь, готовый погаснуть въ лампадѣ: и вотъ вамъ причина энергій пыхтищей рецензій... Въ самомъ дѣлѣ, баронъ трудился, пыхтѣлъ, написалъ новый романъ, попытался, напечатать его половиною, разманить имъ вниманіе публики, но, увы! — публика уже не та! Съ тѣхъ поръ, какъ „Б. для Ч.“ успѣла ей наскучить этою мудростью, которая по плечу толпѣ, этимъ скептицизмомъ, который унижаетъ и озадачиваетъ только слабоумныхъ и невѣждъ, этимъ остроуміемъ, которое поддерживается искаженіемъ истины и повторяетъ себя одиѣми и тѣми-же шуточками, — съ тѣхъ поръ публика прочла „Капитанскую Дочку“ и посмертныя произведенія Пушкина, познакомилась въ театрѣ съ „Ревизоромъ“, заучила наизусть стихи Лермонтова, и много разъ перечла его „Героя Нашего Времени“... Какой шагъ впередъ! Удивительно-ли, что эта публика даже не дочла до конца „Дѣвы Чудной“ и назвала ее „Дѣвою Скупною“?... Что дѣлать барону? — Тщетно „Библіотека для Чтенія“ громко провозгласила г. Кукольника гениемъ, великимъ поэтомъ, какъ провозглашала она нѣкогда г. Тимофеева и многія другія посредственности, не страшныя ни ей, ни барону Брамбесусу: ничто не помогло! Публика даже не стала читать ни „Эвелины де Вальероль“, ни „Двухъ Призраковъ“, ни „Альфа и Альдонъ“; а на расхватъ раскупила „Мертвыя Души“ — произведеніе писателя, о которомъ если „Б. для Ч.“ и упоминала, то всегда съ презрѣніемъ и насмѣшками... Такъ нѣкогда публика забыла „Большой Выходъ Сатаны“ и не прочла „Похожденія Одной Ревизской Души“, потому что сильно заинтересовалась какою-то повѣстью о ссорѣ *Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ*... Постой-же, мы его!.. И вотъ является пыхтищая рецензія, гдѣ превосходное художественное произведеніе названо „нечистоплотнымъ твореніемъ“, глубочайшій и могущественнѣйшій юморъ — плоскостью, благородное сознаніе поэта въ чувствѣ собственного значенія въ родной ему русской литературѣ — бредомъ напыщеннаго тщеславія, и гдѣ, къ довершенію всего, содержаніе, ходъ дѣйствія, словомъ, все представлено въ ложномъ изношенномъ видѣ,

умышленно перетолковано въ дурную сторону, подвержено мелкимъ придиркамъ мелочной критики, побирающей мелкими обмолвками противъ языка и грамматики... Посмотримъ, поможетъ ли горю эта *salto mortale* критической добросовѣстности и отчаянной отваги... Посмотримъ, чѣмъ кончится споръ, если онъ уже и не кончился... Гоголь, разумѣется, и не узнаетъ объ этихъ отчаянныхъ вылазкахъ на его поэтическую славу (онъ, кажется, человекъ совсѣмъ нелюбопытный до многого, что дѣлается въ русской литературѣ); поэтому естественно, онъ будетъ отвѣчать только новыми своими произведеніями, отъ которыхъ иные романисты-рецензенты запыхтятся на смерть...

Б. Я, впрочемъ, радъ этому разговору, я люблю видѣть вещи со всѣхъ сторонъ. Сегодня же пойду къ С... и къ А... и буду съ ними спорить противъ „Б. для Ч.“ за Гоголя. Это ихъ удивитъ, а мнѣ доставитъ много удовольствія. Впрочемъ, вы все-таки не убѣдили меня. Разговоръ не то, что статья. Говорить можно все, а вотъ если бъ вы напечатали статью, гдѣ бы также смѣло опровергали рецензію „Б. для Ч.“, какъ смѣло и рѣшительно она отдѣлала „Мертвыя Души“ и Гоголя: тогда другое дѣло! Однакожъ я теперь не совсѣмъ согласенъ и съ „Библіотекою“. Мнѣ кажется, что надо держаться середины...

А. Именно такъ. Срединна всего выгоднѣе, по крайней мѣрѣ, для успѣха такихъ литературныхъ произведеній и такихъ журналовъ, которые судьбою поставлены на средину. Побольше такихъ умѣренныхъ людей, какъ вы, — и они всегда будутъ процвѣтать, смѣняя другъ друга, умирая индивидуально, но не переводясь какъ роды и виды... Но, пора обѣдать. Прощайте.

В. Бѣлинскій.

*) **Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: *Погребенія Чичикова*, или *Мертвыя Души*.** Москва. 1842 г. Въ 8-ю д. л. 19 стр.

Мы ничего не хотѣли было говорить объ этой странной брошюрѣ; но насъ побудили къ этому слѣдующія въ ней строки:

„Мы знаемъ, многимъ покажутся странными слова наши, но мы просимъ въ нихъ выискнуть. Что касается до мнѣнія петербургскихъ журналовъ, очень извѣстно, что они подумаютъ (впрочемъ, исключая, можетъ быть, „Отеч. Зап.“, которая хвалитъ Гоголя); но не о петербургскихъ журналистахъ говоримъ мы; напротивъ, мы о нихъ и не говоримъ; развѣ въ Петербургѣ можетъ существовать кругъ ихъ дѣятельности!..“

Хоть мы и не имѣемъ никакихъ причинъ особенно горячиться за *всѣ* петербургскіе журналы; но все-таки долгъ справедливости требуетъ замѣнить автору брошюры, что кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ петербургскихъ журналовъ простирается не только на Петербургъ, но и на Москву, и на всѣ провинціи Россіи, куда выписываются они тысячами, и что, наоборотъ, кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ московскихъ журналовъ не простирается даже и на Москву, ибо ни найти ихъ тамъ, ни услышать о нихъ тамъ что-нибудь рѣшительно невозможно. Это фактъ, противъ котораго не устоитъ никакое умозрѣніе — ни нѣмецкое, ни московское.

Но и не это обстоятельство заставило насъ говорить о томъ, о чемъ легко можно было умолчать, а снисходительное выключеніе „Отеч. Записокъ“ изъ оцѣны, подъ которую поднали у строгаго автора петербургскіе журналы. Пожалуй — чего добраго! — найдутся люди, которые заключатъ изъ этого, что „Отеч. Записки“ раздѣляютъ мнѣніе автора брошюры о Гоголѣ и о „Мертвыхъ Душахъ“: вотъ этого-то мы никакъ не хотѣли бы, и желаніе отклонить отъ себя

---

*) „Отечественныя Записки“ 1842 г., т. 23 № 8, „Русская Литература“. Статья В. Бѣлинскаго.

незаслуженную честь участвовать въ ультра-умозрительныхъ московскихъ воззрѣнiяхъ на просто-понимаемое нами дѣло побудило насъ взяться за перо. Мысли автора брошюры о Гоголь и его творенiяхъ такъ оригинальны, такъ отважны, что едва ли кто-нибудь осмѣлился бы разделить съ нимъ славу ихъ изобрѣтенiя.

Итакъ, спѣшимъ объясниться.

„Передъ нами возникаетъ новый характеръ созданiя, является оправданiе цѣлой сферы поэзiи, сферы, давно унижаемой; древнiй эпосъ возстаетъ передъ нами“.

Вотъ что прежде всего видитъ авторъ брошюры въ „Мертвыхъ Душахъ“! Дѣло, видите ли, такого рода: перенесенный изъ Греции на западъ, древнiй эпосъ тлѣть постепенно, и наконецъ, совсѣмъ высохъ, *наизощрился* до романовъ, и наконецъ, до крайней степени своего униженiя—до французской повѣсти... Но Гоголь спасъ древнiй эпосъ—и мiръ имѣетъ теперь новую „Илiаду“, т.-е. „Мертвыя Души“, и новаго Гомера, т.-е. Гоголя!.. Бѣдный Гоголь!

Не поздравится отъ этакихъ похвалъ!..

Итакъ, эпосъ древнiй не есть исключительное выраженiе древняго мiросозерцанiя въ древней формѣ: напротивъ, онъ что-то вѣчное, неподвижно-стоящее, независимо отъ исторiи: онъ можетъ быть и у насъ, и мы его имѣемъ въ „Мертвыхъ Душахъ!..“

Итакъ, эпосъ не развивался исторически въ романъ, а *саиэволюціи* до романа!.. Поздравляемъ философское умозрѣнiе, плохо знающее фактическую исторiю!..

Итакъ, романъ есть не эпосъ нашего времени, въ которомъ выразилось созерцанiе жизни современнаго человечества и отразилась сама современная жизнь: нѣтъ, романъ есть искаженiе древняго эпоса!.. Ужъ и современное-то человечество не есть ли искаженная Греція?.. Именно такъ!..

Но, увы! какъ ни ясны умозрительные доводы автора брошюры, а мы, прозаическіе Петербургцы, все-таки остаемся при своихъ *историческихкихъ* убѣжденiяхъ, и думаемъ, что Гоголь такъ же похожъ на Гомера, а „Мертвыя Души“

на „Иліаду“, какъ сѣрое петербургское небо и сосновыя рощи петербургскихъ окрестностей на свѣтлое небо и лавровыя рощи Эллады. Далѣе, мы думаемъ, что Гоголь вышелъ совсѣмъ не изъ Гомера и не состоитъ съ нимъ ни въ близкомъ, ни въ дальнемъ родствѣ,—думаемъ, что онъ вышелъ изъ Вальтера-Скотта, изъ того Вальтера-Скотта, который могъ явиться самъ собою, независимо отъ Гоголя, но безъ котораго Гоголь никакъ не могъ бы явиться. Во французской повѣсти мы видимъ не краиннее униженіе древняго эпоса, а просто французскую повѣсть, выраженіе, зеркало французской жизни. Мы даже не видимъ ничего особенно позорнаго и въ нѣмецкихъ повѣстяхъ, часто отражающихъ въ себѣ не сферу дѣйствительной жизни, а химеры фантазій, испорченной пивомъ, кнастеромъ и филлстерствомъ. Что выражаетъ собою духъ всемірно-исторической націи, то не можетъ быть вздоромъ, и та философія, которая называетъ вздоромъ подобныя вещи, сама вздоръ, хотя она была и абсолютная...

Правда, авторъ брошюры, кажется, и самъ смекнулъ, что онъ ужъ слишкомъ занесся, и попышился замѣтить, что „Мертвыя Души“ не одно и тоже съ „Иліадою“, ибо-де „само содержаніе кладетъ здѣсь разницу“, но тутъ же, въ выноскѣ, замѣчаетъ онъ: „кто“ знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ“ (стр. 5). На это мы можемъ отвѣчать утвердительно, что какъ бы ни раскрылось оно, какой бы величавый, лирическій ходъ ни приняло оно, вмѣсто юмористическаго,—все таки „Иліада“ будетъ сама по себѣ, а „Мертвыя Души“ будутъ сами по себѣ. „Иліада“ выразила собою содержаніе положительное, дѣйствительное, общее, міровое и всемірно-историческое, слѣдовательно, вѣчное и неумирающее: „Мертвыя Души“, равно какъ и всякая другая русская поэма, пока еще не могутъ выразить подобнаго содержанія, потому что еще негдѣ его взять, а на „нѣтъ“ и суда нѣтъ. Авторъ брошюры видитъ у Гоголя „эпическое созерцаніе, древнее, истинное, то же, какое у „Гомера“: это показываетъ, что онъ совершенно не понялъ пафоса „Мертвыхъ Душъ“ и, обольстив-

шивъ умораѣніями собственнаго изобрѣтенія, навязать поэмѣ Гоголя значеніе, котораго въ ней вовсе нѣтъ. Напрасно онъ не выкинулъ въ эти глубоко-знаменательныя слова Гоголя: „И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти „обѣ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее *сквозь видный міру смыслъ и незримыя невидимыя ея слезы*“ („Мертвыя Души“, стр. 258). Въ этихъ немногихъ словахъ высказано все значеніе, все содержаніе поэмы, и намекнуто, почему она названа „поэмою“. Въ смыслѣ *поэмы*, „Мертвыя Души“ діаметрально-противоположны „Іліадѣ“. Въ „Іліадѣ“ жизнь возведена на апофеозъ: въ „Мертвыхъ Душахъ“ она разлагается и отрицается: паросъ „Іліады“ есть блаженное упоеніе, истекающее отъ созерцанія давно-божественнаго зрѣлища: паросъ „Мертвыхъ Душъ“ есть юмеръ, созерцающій жизнь *сквозь видный міру смыслъ и незримыя невидимыя ея слезы*. Что-же касается то эническаго спокойствія,—оно совсѣмъ не исключительное качество поэмы Гоголя: это—общее родовое качество эпоса. Романы Вальтера-Скотта и Купера, потому, также отличаются эническимъ спокойствіемъ.

Нельзя безъ улыбки читать 9-ой страничный брошюры, гдѣ авторъ заставляеть Ахилла новои „Іліады“, *портретнаго* Чичикова, сливаться съ субстанціональною стихіею русской жизни, въ чемъ бы вы думали? въ любви къ скорой ѣздѣ!.. Итакъ, любовь къ скорой почтовой ѣздѣ воть субстанція русскаго народа!.. Если такъ, то конечно почему жъ бы *Чичикову* и не быть Ахилломъ русской „Іліады“, Собакевичу — Аяксомъ пенсовымъ (особенно во время обѣда), Манцилову — Александромъ Парисомъ, Плюшкину — Несторомъ, Селифану — Автомедономъ, полицеймейстеру, отцу и благодѣтелю города — Агамемнономъ, а квартальному съ пріятнымъ румянцемъ и въ лакированныхъ ботфортахъ — Гермесомъ?.. Въ сравненіяхъ, разсѣянныхъ по поэмѣ Гоголя, авторъ брошюры особенно видитъ сродство его съ Гомеромъ. Но это сродство существуетъ также и между Пушкинымъ и Гомеромъ, что можно *фактически* доказать ссылками на

„Евгенія Онѣгина“ и другія поэмы Пушкина... Думаемъ, что съ этой стороны у Гомера довольно наберется родни.

Говоря о полнотѣ жизни, въ которой изображаетъ Гоголь свои лица, и которая дѣйствительно удивительна, авторъ брошюры не точно выразился, сказавъ, будто „Гоголь не лишаетъ лица, отмѣченное мелкостью, низостью, *ни одного* „человѣческаго движенія“: надо было сказать — иногда не лишаетъ какихъ-нибудь человѣческихъ движеній, или что-нибудь подобное. А то, чего добраго! окажется, что и дура Коробочка, и буйволъ Собакевичъ не лишены ни одного человѣческаго чувства и, потому, ничѣмъ не хуже любого великаго человѣка. Напрасно также авторъ брошюры вздумалъ смотрѣть съ участіемъ на глупую и сантиментальную размазню Манилова, когда тотъ идіотски мечтаетъ о томъ, какъ онъ съ Чичиковымъ пьетъ чай на бельведерѣ, съ котораго видна Москва, какъ они съ нимъ прѣзжаютъ въ какое-то общество въ хорошихъ каретахъ, обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и какъ само высшее начальство, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами... Признаемся, мы читали это со смѣхомъ и безъ всякаго участія къ личности Манилова, можетъ быть, потому именно, что не имѣемъ въ себѣ ничего рождественнаго съ такого рода „мечтательными“ личностями.

Далѣе, авторъ брошюры доказываетъ, что такой полноты сознанія, какова у Гоголя, не встрѣтить ни у кого, кромѣ какъ у Гомера и Шекспира. „Да“, говоритъ онъ: „только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ этою тайною искусствомъ“. — А Пушкинъ?... Да куда ужъ тутъ Пушкину, когда Гоголь заставилъ (впрочемъ, безъ всякаго съ своей стороны желанія — мы за это ручаемся) автора брошюры забыть даже о существованіи Сервантеса, Данта, Гете, Шиллера, Байрона, Вальтера Скотта, Купера, Беранже, Жоржа Занда!.. Всѣ они — насъ передъ Гоголемъ!.. Куда имъ до него! Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь — больше никого мы не хотимъ знать, что ни говори себѣ „неблагодарные“ люди! Однако жъ авторъ брошюры позволяетъ

Гомеру и Шекспиру стоять подлѣ Гоголя только по *акту созданія*, а по содержанію, онѣ ставятъ ихъ выше его. „Въ отношеніи къ акту творчества, въ отношеніи къ полнотѣ самаго созданія—Гомера и Шекспира, *и только* Гомера и Шекспира ставимъ мы рядомъ съ Гоголемъ“. Какіе счастливыцы эти Гомеръ и Шекспиръ! И какъ жаль, что Богъ не далъ имъ дожить до такого счастія! „Мы“, говоритъ авторъ брошюры: „далеки отъ того, чтобы унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но въ отношеніи къ акту творчества, *они ниже Гоголя*“ (стр. 15). Но говоря такъ авторъ брошюры жестоко проговаривается, самъ того не замѣчая, и даетъ намъ прекрасное средство его же орудіемъ сдѣлать построенные имъ карточные домики фантазерскихъ умозрѣній.

Развѣ не можетъ быть такъ, напримѣръ (продолжаетъ авторъ брошюры): поэтъ обладаетъ полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, но во всемъ его совершенствѣ, во всей свободѣ его жизни; другой создастъ великаго человѣка, влившіи большое содержаніе, но только помѣтитъ его общими чертами; велико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій тайною творчества“ (стр. 15).

Во-первыхъ, разсуждая о дѣлѣ творчества, нечего и говорить о поэтахъ *не* обладающихъ тайною творчества и заставлятъ ихъ намѣчать общими чертами идеалы великихъ людеи; надо великаго поэта противопоставлять великому же поэту. Въ такомъ случаѣ, мы не обинуясь скажемъ, что слегка-намѣченный идеалъ великаго человѣка будетъ болѣе великимъ созданіемъ, нежели во всей полнотѣ и во всей свободѣ жизни воспроизведенный цвѣтокъ. Двѣ стороны составляютъ великаго поэта: естественный талантъ и духъ, или содержаніе. Это-то содержаніе и должно быть мѣриломъ при сравненіи одного поэта съ другимъ. Только содержаніе дѣлаетъ поэта міровымъ:—высшая точка, зенитъ поэтической славы. Прежде, смотря на поэта больше со стороны естественнаго таланта и желая выразить однимъ

словомъ высшее его явленіе, мы думаемъ воспользоваться для этого эпитетомъ „мірового“; но скоро увидѣвъ, что черезъ это смѣшивается два различныя представленія, мы оставили безразличное употребленіе этого слова. Мировой поэтъ не можетъ не быть великимъ поэтомъ; но великій поэтъ еще можетъ быть и не міровымъ поэтомъ. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ предметѣ; но если вы хотите знать, что такое „міровой“ поэтъ, возьмите Байрона хоть въ прозаическомъ французскомъ переводѣ, и прочтите изъ него, что вамъ прежде попадется на глаза. Если вы не падете въ трепетъ предъ колоссальностію идеи этого страшнаго ученика Руссо, этого глубокаго субъективнаго духа, этого потомка мионическихъ титановъ, громоздившихъ горы на горы и осаждавшихъ Зевеса на его непреступномъ Олимпѣ, — тогда не понять вамъ, что такое „міровой“ поэтъ. Прочтите „Фауста“ и „Прометей“ Гете, прочтите трепещущія пафосомъ любви ко всему человѣческому созданія Шиллера, — и вы устыдитесь, что этихъ колоссовъ, идущихъ въ главѣ всемірно-историческаго движенія *цѣлаго* *человѣчества*, поставили вы ниже великаго *русскаго* поэта... Что же касается до вашего сравненія художественно-созданнаго цвѣтка съ слегка-наброшеннымъ идеаломъ великаго человѣка, мы укажемъ вамъ на примѣръ не изъ столь великой сферы.

„Бояринъ Орша“ — Лермонтова произведеніе не только слегка-напечатанное, но даже дѣтское, гдѣ большею частію ложны и нравы и костюмы: но просимъ васъ указать намъ на что-нибудь и побольше цвѣтка, что могло-бы сравниться съ этимъ гениальнымъ очеркомъ. Отчего это? — отъ того, что въ дѣтскомъ созданіи Лермонтова вѣетъ духъ, передъ которымъ потускнѣетъ не одно художественное произведеніе цвѣтокъ-ли то, или цѣлый цвѣтникъ...

„Итакъ, (продолжаетъ авторъ брошюры), этимъ сравненіемъ (хотя вообще сравненія обманываютъ не полно, но чтобы не писать длинной статьи) надѣемся мы пояснить наши слова: *въ отношеніи къ акту творчества*. Но Боже насъ сохрани, чтобы миниатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было

въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ созданій Гоголя; мы хотимъ только сказать, что онъ обладаетъ тою же тайною, какою обладали Шекспиръ и Гомеръ, и только они“...

„Итакъ, повторимъ наши слова, какъ бы они странны ни казались: только у Гомера и Шекспира можемъ мы встрѣтить такую полноту сознанія, какъ у Гоголя: только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ великою, одною и тою же тайною искусства (стр. 15—16).“

Положимъ, даже, что все это и такъ, но вотъ вопросъ: что же во всемъ этомъ и чему именно тутъ радоваться?.. Во - первыхъ, еще совѣмъ не доказанная истина, совѣмъ не аксіома, что Гоголь, по акту творчества, выше, хоть, напимѣрь, Пушкина, и позволяетъ стоять подлѣ себя только Гомеру и Шекспиру, и мы очень жалѣемъ, что авторъ брошюры не взялъ на себя трудъ доказать это, а ограничился нѣсколькими фразами, вродѣ оракульскихъ. Во - вторыхъ, акта творчества еще мало для поэта, чтобы имѣть его ставя на ряду съ именами Гомера и Шекспира“... Все это ужасно сбивается на риторику и фразы, все это такъ похоже на игру въ эстетическіе каламбуры. Запитіе, конечно, невинное, но и ни къ чему не ведущее, кромѣ профанации именно того, что составляетъ предметъ дѣтскаго удивленія. Гдѣ, укажите намъ, идѣ въѣтъ, въ созданіяхъ Гоголя, этотъ всемірно - историческій духъ, это равно общее для всѣхъ народовъ и вѣковъ содержаніе? Скажите намъ, что бы стало съ любимъмъ созданіемъ Гоголя, если бы оно было переведено на французскій, нѣмецкій или англійскій языкъ? Что интереснаго (не говоря уже о великомъ) было бы въ немъ для француза, нѣмца или англичанина? Гдѣ же права Гоголя стоять на ряду съ Гомеромъ и Шекспиромъ?— Знаете ли, что мы сказали бы на ушко всѣмъ умозрителямъ: когда развернешь Гомера, Шекспира, Байрона, Гете или Шиллера, такъ дѣлается какъ-то неловко при воспоминаніи о нашихъ Гомерахъ, Шекспирахъ, Байропахъ, и проч. Вальтеромъ-Скоттомъ тоже шутить нечего: этотъ человѣкъ далъ историческое и социальное направленіе повѣстному европейскому искусству.

II. однакожь, мы сами считаемъ Гоголя великимъ поэтомъ, а его „Мертвыя Души“ — великимъ произведеніемъ. Но въ первомъ случаѣ, мы разумѣемъ естественныи талантъ, по которому Гоголь, какъ и Пушкинъ, дѣйствительно напоминаютъ собою величайшія имена всѣхъ литературъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя дивиться его умѣнію оживлять все, къ чему ни прикоснется, въ поэтическія образы, его орлиному взгляду, которымъ онъ проникать въ глубину тѣхъ тонкихъ и для простаго взгляда не доступныхъ отношеній и причинъ, гдѣ только слѣбая огранченность видитъ мелочи и пустяки, не подозревая, что на этихъ мелочахъ и пустякахъ, вертится, увы! — цѣлая сфера жизни. Но Гоголь великій русскій поэтъ, не болѣе; „Мертвыя Души“ его тоже только для Россіи, и въ Россіи могутъ имѣть бесконечно-великое значеніе. Такова, пока, судьба всѣхъ русскихъ поэтовъ; такова судьба Пушкина. Никто не можетъ быть выше вѣка и страны: никакій поэтъ не усвоитъ себѣ содержанія, неприготовленнаго и не выработаннаго исторіей. Немногое, слишкомъ немногое изъ произведеній Пушкина можетъ быть передано на иностранныя языки, не утративъ съ формою своего субстанціональнаго достоинства; но изъ Гоголя — едва ли что-нибудь можетъ быть передано. II, однакожь, мы въ Гоголѣ видимъ болѣе важное значеніе для русскаго общества, чѣмъ въ Пушкинѣ: ибо Гоголь болѣе поэтъ социальный, слѣдовательно, болѣе поэтъ въ духъ времени; онъ также менѣе теряется въ разнообразіи создаваемыхъ имъ субъектовъ и болѣе даетъ чувствовать присутствіе своего субъективнаго духа, который долженъ быть солнцемъ, освѣщающимъ созданіе поэта нашего времени. Повторяемъ, чѣмъ выше достоинство Гоголя, какъ поэта, тѣмъ важнѣе его значеніе для русскаго общества, и тѣмъ менѣе онъ можетъ имѣть какое-либо значеніе внѣ Россіи. Но это-то самое и составляетъ его важность, его глубокое значеніе и его — скажемъ смѣло — колоссальное величіе для насъ, Русскихъ. Тутъ нечего и упоминать о Гомерѣ и Шекспирѣ, нечего и путать чужихъ въ свои семенные тайны. „Мертвыя Души“ стоятъ „Иліады“, но толь-

ко для Россіи: для всѣхъ же другихъ страхъ ихъ значеніе мертво и непонятно.

Было время, когда на Руси никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы русскіи умъ, русскій языкъ могли на что-нибудь годиться; всякая иностранная дрянь легко шла за гениальность на святой Руси, а въ свое русское, хотя бы и отличное высокою даровитостію, презиралось за то только, что оно русское. Время это, славу Бога, прошло, и теперь настало другое, когда намъ уже ни почему и Гомеры, и Шекспиры, и Байроны, потому что мы усѣбли уже позавестись своими, мы чужихъ ставимъ въ шеренги, словно солдатъ, заставляемъ ихъ маршировать и справа и слева, и взадъ и впередъ, благо бѣдняжки молчать и повинуются нашему гусиному перу и трюничной бумагѣ. Но пора кончиться и этому времени, пора бросить эти ребяческія фразы...

Юность не хочетъ и знать этого. Чуть взбредетъ ей въ голову какая-нибудь недоконченная мечта — тотчасъ ее на бумагу, съ тѣмъ наивнымъ убѣжденіемъ, что эта мечта — аксіома, что міру открыта великая истина, которой не хотятъ признать только невѣжды и завистники... А тамъ, что? Кому суждено возмужать, тотъ потихоньку забудетъ о томъ, о чемъ такъ громко говорилъ прежде, или будетъ самъ смѣяться надъ этимъ, какъ надъ грѣхомъ юности... Но есть люди, которые или навѣкъ остаются дѣтьми, или навѣкъ остаются юношами: ихъ убѣжденіе не слабѣетъ; они продолжаютъ высказывать его съ прежнимъ простодушіемъ, и новыя фантазіи, подобныя прежнимъ, тянутся у нихъ до гроба длинною вереницею, какъ мечты у Манилова, по отъѣздѣ Чичикова...

В. Бѣлинскій

* * *

*) Въ № 8 „Отечественныхъ Записокъ“ помѣщено возраженіе на брошюрку: **Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя и пр.** Эта брошюрка принадлежитъ мнѣ, и имя мое выстав-

*) „Московскія вѣсти“ 1842 г., часть V, № 9. Статья Константина Аксакова, подъ заглавіемъ: „Объясненіе“

влено въ концѣ, хотя „От. Записки“, неизвѣстно почему, его не упомянули. Мы не знаемъ, какъ и назвать возраженіе „От. Зап.“. — Впрочемъ, чтобы выразиться поучительнѣе, скажемъ, что рецензентъ поступилъ очень *страннымъ*, представивъ статью мою совершенно иначе, нежели какъ она написана; онъ употребилъ къ тому извѣстное въ журналахъ средство: вырывая мѣстами по нѣскольку строкъ и выраженій съ прибавленіемъ собственныхъ замѣчаній; такимъ образомъ возраженіе его можетъ назваться выдумками по случаю таков-то брошюрки. Мы не хотѣли пускаться съ „От. З.“ въ объясненіе смысла словъ нашихъ, ими умышленно или неумышленно искаженного; но види, что много можетъ быть опровергнуто почти одними выписками изъ самой брошюрки, рѣшились сдѣлать послѣднее, не для г. рецензента, а для тѣхъ, которые прочтутъ его возраженіе: хотя, конечно, безъ прочтенія всей брошюрки, это не будетъ имѣть надлежащей полноты. Рецензентъ говоритъ, что я называю Мертвыя Души Илиадою, а Гоголя Гомеромъ: это совершенная неправда. Я именно говорю, что М. Д. не Илиада, предупреждая слова рецензента и ему подобныхъ; говорю, что содержаніе уже кладетъ разницу, что, я думаю, очень важно. Странно то, что рецензентъ самъ замѣтилъ эти мои слова, и сумалъ уничтожить ихъ сдѣланной имъ выпиской моей фразы, помѣщенной въ выпискѣ: *кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе М. Д.* Но слова эти (жаль, что вынужденъ также толковать о томъ) не значатъ, что здѣсь вновь предстанетъ Греція или подобіе Греціи, но что содержаніе М. Д. можетъ быть велико, можетъ заключать въ себѣ многое, о чемъ большей части людей не входитъ въ голову, особенно тѣмъ, которые въ поэмѣ Гоголя видятъ только забавное или сатирическое. Итакъ, эти слова относятся только къ объему, а не къ характеру содержанія М. Д. Надобно было бы прочесть нѣсколько дальше, и тогда было бы видно, что Гомеромъ Гоголя я не называю, а говорю объ этическомъ созерцаніи; но не о предметѣ созерцанія, не о Греціи, а также не о томъ, такое ли чудо искусства совер-

шено съ помощью этого великаго созерцанія; однимъ словомъ, вотъ что говорю я: „Только неблагонамѣренныя люди могутъ сказать, что мы М. Д. называемъ Илиадою; мы не то говоримъ: мы видимъ разницу въ содержаніи поэмъ; въ Илиадѣ является Греція съ своимъ міромъ, со своею эпохою, и слѣдовательно содержаніе само уже кладетъ здѣсь разницу; конечно, Илиада, именно эпосъ, такъ исключительно нѣкогда обнявшій все, не можетъ повториться, но эпическое созерцаніе, это говоримъ мы прямо, эпическое содержаніе Гоголя — древнее, истинное, то же, какое и у Гомера, и только у одного Гоголя видимъ мы „это созерцаніе“ и проч... Но, или эти слова показались рецензенту слишкомъ неясными, или искушеніе вскрикнуть съ изумленіемъ: посмотрите, Гоголя называютъ Гомеромъ, — было такъ велико, что онъ именно сдѣлалъ то, что я устранилъ заранѣе въ той же самой брошюркѣ. И такъ, гдѣ же я называлъ М. Д. Илиадою, а Гоголя Гомеромъ? Я сказать, что эпическое созерцаніе то же, т. е. также оно просто, также видѣть все до послѣдней подробности, и также не лишаетъ предметъ никакой бездѣлицы, ни нескры жизни, какая въ немъ только можетъ находиться. Содержаніе созерцанія — другое: и вмѣстѣ съ тѣмъ та же творческая сила является въ наше время иначе, современно опредѣленною, нежели какъ она была въ другое особенно опредѣленное время. Рецензентъ пропускалъ слова мои, что М. Д. въ то же время явленіе въ высшей степени свободное и современное.

Но цѣль ли чего-нибудь далѣе, что дало право рецензенту приписать мнѣ не мои мнѣнія? Посмотримъ.

Далѣе, я ставлю Гомера, Шекспира и Гоголя вмѣстѣ, но *въ какомъ отношеніи?* — вотъ, что надо было замѣтить. Впрочемъ, я также предвидѣлъ недоразумѣніе и также старался отворотить его, сказавъ: *въ отношеніи къ акту творчества*. Наговорившись, изъяснивъ и изумленіе и ужасъ отъ такого дерзкаго мнѣнія, рецензентъ, подь конецъ, какъ будто разглядѣлъ сказанныя выше слова мои, и что же? — говорить: что обладать такимъ актомъ творчества

еще не много значить, что почему тутъ радоваться. — Съ этого и слѣдовало бы начать, и сказать въ началѣ, а не на концѣ, какъ онъ сдѣлалъ, что авторъ брошюры ставить Гомера, Шекспира и Гоголя въ отношеніи къ акту творчества (а не къ содержанію) паравиѣ, и что, если это еще и такъ, то, по мнѣнію рецензента, это даже и не много значить, ибо главное—содержаніе. Гдѣ же тогда все пугающее, отважное, возмущающее въ моемъ мнѣніи: все это уничтожается само собою. Рецензентъ можетъ предположить, что я самый актъ творчества, и слѣдовательно, средство въ отношеніи къ нему, ставлю гораздо выше, нежели онъ, и не ошибется, ибо здѣсь я вижу огромную силу, которая совершаетъ много и совершитъ еще болѣе, но не думаю, говоря это, нисколько унижать или уничтожать содержаніе: — я почитаю содержаніе существеннымъ условіемъ, если говорю про него, упоминая о другихъ поэтахъ; изъ всѣхъ словъ моихъ видно, что я понимаю его какъ необходимую основу, какъ необходимый элементъ, отъ котораго зависить объемъ творческой дѣятельности, но въ то же время знаю, что одно содержаніе, какъ бы всемірно и велико оно ни было, ничего не значить въ области искусства, точно такъ же, какъ и одинъ актъ творчества не составляетъ поэта. Если бы я сказалъ, что поэтъ весь состоитъ изъ самаго акта творчества, и уничтожилъ бы содержаніе, сказавъ, что до содержанія и дѣла нѣтъ, тогда могли бы От. З. провозгласить, что я просто только Гомера и Шекспира ставлю рядомъ съ Гоголемъ; но этого-то и не было сказано, и журналъ не имѣлъ права приписывать мнѣ не мое мнѣніе. Вотъ слова мои: „Мы далеки отъ того, чтобы унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но въ отношеніи къ акту созданія, они ниже Гоголя. Развѣ не можетъ быть такъ, напримѣръ: поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, другой создастъ великаго человѣка, велико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій тайною творчества“.

Итакъ, сказано ли здѣсь, что другіе поэты ниже Гоголя, какъ приписали мнѣ эти слова От. З.? какъ будто я не указалъ сейчасъ на отношеніе, въ которомъ, по моему мнѣнію, они его ниже, и которое сейчасъ уничтожаетъ всю рѣзкость и странность фразы. Я и не сравнивалъ ихъ даже, и сказалъ (и разумѣется, вновь повторяю), что того акта творчества, или выражаясь хотя и не точно, но попроще: той живописи образовъ, какая является у Гоголя (не говоря, какіе эти образы), я не встрѣчаю у другихъ поэтовъ, кромѣ Гомера и Шекспира; следовательно, я не просто сравниваю и равняю ихъ, какъ поэтовъ (какъ вздумали было выставить От. З.), а въ сказанномъ нами отношеніи, что выходитъ совсѣмъ не то. Великихъ поэтовъ я не забылъ; они, можетъ быть, близки мнѣ, какъ и всякому другому, я постоянно вижу всю огромность ихъ содержаній, великость задачъ и генин ихъ поэтической (только, конечно, Жюль Зандъ никакъ сюда не входить, ни безусловно, ни условно); но той полноты и конкретности образовъ, того безпристрастія художническаго у нихъ нѣтъ. Что касается до поэтической дѣятельности Гоголя, то, конечно, какъ я сказалъ, сравненіе съ цвѣткомъ не можетъ служить для него мѣриломъ; само содержаніе велико, но я этого только коснулся, и, конечно, не здѣсь распространюсь о томъ. Я обратилъ вниманіе и говорилъ собственно объ этой полнотѣ самаго созданія, объ этомъ чудѣ акта творчества, который встрѣчаю, кромѣ Гомера и Шекспира, только у Гоголя, — и вотъ слова мои: „И точно созерцаніе „Гоголя таково (не говоря вообще о его характерѣ), что предметъ является у него, не теряя нисколько ни одного изъ правъ своихъ, является съ тайною своей жизни, одному Гоголю доступною; его рука переноситъ въ міръ искусства предметъ, не измѣявъ его нисколько: нѣтъ, „свободно живетъ онъ тамъ, еще выше поставленный: не „видать на немъ слѣдовъ его перенесенн руки, и потому „узнаешь ее. Всякая вещь, которая существуетъ, уже по „этому самому имѣетъ жизнь, интересъ жизни, какъ бы „легка она ни была; но достиженіе этого доступно только

„такому художнику, какъ Гоголь; въ самомъ дѣлѣ все, и муха, падающая Чичикову, и собаки, и дождь, и лошади отъ заѣдателя до чубараго, и даже бричка. — все это со всею своею тайною жизни, имъ постигнуто и перенесено въ міръ некустства (разумѣется, творчески создано, а не описано, Боже сохрани: всякое описаніе скользитъ только по поверхности предмета) и опять, только у Гомера можно найти такое творчество.... Однимъ словомъ, „вездѣ у Гоголя такое совершенное отсутствіе всякой отвлеченности, такая всесторонность, истина, и вмѣстѣ такая полнота жизни, не теряющей ни малѣйшей частицы своей, отъ явленій природы: мухи, дождя, листьевъ до человека,—какая составляетъ тайну искусства, открывающаяся очень немногимъ“.

Относительно же акта творчества, скажемъ еще, что мы считаемъ его великою силою, основнымъ элементомъ поэта. и содержаніе, условливающее объемъ его (такъ послѣднее растеніе и человекъ равны въ отношеніи къ акту творчества, и разны въ отношеніи къ объему и содержанію), и развивающее его мощь, одно, безъ него ничего не значить, и будетъ похоже на надписи или титулъ на произведеніи, когда не воплотится въ него, не конкретизируется. Но объ этомъ мы совѣтовали бы прочесть Шплера *über die aesthetische Erziehung*, хоть во французскомъ переводѣ. Извѣстно, какъ истинны и какъ оправданы дальнѣйшимъ развитіемъ мышленія его эстетическіе взгляды: въ этомъ сочиненіи увидали бы, какъ великій поэтъ (нами несколько не позабытый) глубоко и вѣрно смотритъ на значеніе содержанія одного, и на значеніе его художественнаго воплощенія. Явленіе же такой полноты художественнаго воплощенія, такого совершенства созданія, какое находимъ у Гоголя, считаемъ мы важнымъ явленіемъ не только у насъ, но и вообще въ сферѣ искусства. Тѣмъ болѣе важно и велико послѣднее его произведеніе: тайна русской жизни, думаемъ мы, заключена въ немъ, и мы многое увидимъ и узнаемъ и почувствуемъ, чего не видали и не знали и не чувствовали. Но оно важно и въ другомъ

отношеній: это поэма, ибо въ ней я вижу эпическое созерцаніе и эпическое повѣствованіе; не анекдотъ и не интригу, но цѣлый, полный, опредѣленный міръ, разумѣется, съ лежащимъ въ немъ глубокимъ значеніемъ, строено представляющій—то, чего я не вижу въ романахъ и повѣстяхъ. Только не читавшій Гоголя не знаетъ, что у него есть юморъ, и что этого юмора нѣтъ у Гомера. Здѣсь объяснимъ мы слова, которыя такъ смутили рецензента. Юморъ, въ наше время есть то, что необходимо сопровождаетъ самое полное и спокойное созерцаніе поэта, и у Гоголя онъ находился съ самаго начала его дѣятельности: но это не тотъ юморъ, который выдаетъ, выставляетъ субъектъ, уничтожая дѣйствительность (чему примѣровъ можно много найти между знаменитыми произведеніями), но тотъ, который свѣдываетъ субъектъ и дѣйствительность, сохраняя и тотъ и другую, такъ что не мѣшаешь видѣть поэту все бездѣлицы до малѣйшей, и, сверхъ того, во всемъ ничтожномъ умѣть свободно находить живую сторону. Это умѣнье все видѣть и во всемъ находить живую сторону (чего мы не находимъ ни въ какихъ романахъ и повѣстяхъ) принадлежитъ собственно Гоголю, и явно свидѣтельствуетъ о характерѣ его созерцанія, эпического, древняго, истиннаго, но въ XIX вѣкѣ и въ Россіи, *свободнаго и современнаго* (какъ сказано у меня), и потому непремѣнно проникнутаго такимъ юморомъ, который нѣсколько его не стѣсняетъ. Почему въ Россіи возникло такое явленіе, которое (мы выше сказали яснѣе, въ какомъ отношеніи) важно въ самой сферѣ искусства, все это дальнѣйшее объясненіе отстранили мы и въ брошюркѣ, какъ очень обширный предметъ. Еще нѣсколько словъ о юморѣ. Отнимите у эпическаго созерцанія прекрасную жизнь, съ которою нѣкогда прямо соединялось оно, представьте предъ нимъ современную жизнь, уже не прекрасную, уже опустѣвшую: ибо перешагнули за нее, перешагнувъ за сферу художественной красоты, интересы человѣка, и глубокое созерцаніе поэта необходимо приметъ юморъ, то посредствующее, что одно можетъ соединять его еще съ жизнью

(безъ чего бы оно отвортилось и закрыло глаза, да позволено будетъ это выраженіе), приметъ юморъ, но *имѣетъ съ тѣмъ сознаніемъ въ себѣ свой характеръ бесидѣнія и, въ то же время, свою справедливость къ жизни, умиряя сею находить ее съвозъ юморъ*. Только при послѣднихъ условіяхъ этическое созерцаніе полно, истинно, и имѣть можетъ быть современно, ибо характеръ его не препятствуетъ современному опредѣленію, и мы въ такомъ видѣ находимъ его у Гоголя. Но рецензентъ, кажется, этого не замѣтилъ и не находитъ, изъ чего и ясно, что Маниловъ, лицо, въ которомъ, какъ и во всѣхъ лицахъ Гоголя (я указалъ въ брошюркѣ на многія) есть своя сторона жизни, произвелъ въ немъ только смѣхъ, ибо „онъ не имѣетъ въ себѣ ничего родственнаго съ такого рода мечтательными личностями“, и наоборотъ, изъ его же мнѣнія о Маниловѣ заключаемъ мы, что онъ не видитъ великаго достоинства Гоголя *вездѣ находить тѣшу жизни, въ какую бы грязь и тину она ни запрягалась*.

От. З. выводятъ изъ моихъ словъ (какъ? это имъ только извѣстно), что міръ есть искаженная Греція. Удивительно! Кажется, мысль о движеніи человечества впередъ уже не новость. От. З. говорятъ, что я романъ и повѣсть считаю искаженіемъ эпоса: но вотъ, что я говорю въ рысѣ, что поясняетъ удовлетворительно смутившія ихъ слова: „Романы и повѣсти имѣютъ свое значеніе, свое мѣсто въ исторіи искусства поэзіи; но предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ распространяться объ этомъ предметѣ и объяснить ихъ необходимое явленіе, и выѣстъ ихъ смыслъ и степень ихъ достоинства въ области поэзіи при ея историческомъ развитіи“. Сверхъ того, кажется, рецензентъ слово *эпосъ* смѣшалъ совершенно съ Илиадой.

Вотъ еще странное обвиненіе: рецензентъ говоритъ, что будто бы я любовь къ скорой издѣ называю субстанціею русскаго народа. Это буквально не правда: у меня есть выраженіе *субстанціальное чувство*, что, надѣюсь, не субстанція. Потомъ и здѣсь рецензентъ не хотѣлъ понять,

что я не просто о скорой ѣздѣ говорю; по желѣзной дороге ѣдешь скорѣе, но не это любить русскій челоуѣкъ. Онъ любитъ скорую ѣзду со всею ея обстановкою, какъ она у насъ бываетъ: русскую скорую ѣзду, то есть, тройку, „мехитрый дорожный снарядъ“, который „не желѣзнымъ схваченъ винтомъ ямщика, не въ нѣмецкихъ ботфортахъ, а который борода да рукавицы и сидитъ, чортъ знаетъ „на чемъ“: и такъ вотъ какую русскую скорую ѣзду, со всею ея живымъ образомъ, разумѣю я; и въ такомъ случаѣ, пускай страницы самого автора говорить за меня, пусть прочтутъ тамъ, что такое эта русская ѣзда и эта тройка. Есть одно страшное обстоятельство въ рецензии: тамъ выписываются изъ моей брошюрки, разумѣется, отрывочно, иногда такіа слова, которыя сами опровергаютъ рецензента; но не смущаясь, продолжаетъ онъ выводить далѣе, что ему угодно, такъ, что всякій подумаетъ, что вѣрно все остальное, имъ не выписанное, дастъ право ему такъ говорить. Вотъ примѣръ, довольно любопытный. Выписавъ слова мои, гдѣ я ставлю Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ въ отношеніи къ *акту творчества*, рецензентъ говоритъ, возражая мнѣ:

„Акта творчества еще мало для поэта, чтобы имя его „стало на ряду съ именами Гомера и Шекспира“. (О. 3. № 8, стр. 50). Но я именно говорю, что они стоятъ рядомъ только въ отношеніи къ акту творчества: и основываясь на этомъ, иду далѣе, ограничиваясь только актомъ творчества, который, по тому самому, что я въ отношеніи къ нему только ставлю Гоголя наравнѣ съ Гомеромъ и Шекспиромъ, — считаю я слѣдовательно недостойнымъ, чтобы имя перваго поставить на ряду съ именами послѣднихъ. Что жъ послѣ этого фраза рецензента? Куда она направлена? Первыми двумя словами выразилъ онъ всю мою мысль и говорить далѣе противъ вымышленнаго какого-то мнѣнія *).

*) Если бы рец. хотѣлъ въ одно и то же время сохранить смыслъ моего слова и обратъ своей фразы, онъ долженъ бы былъ сказать: Развѣ не съ Гомеромъ и Шекспиромъ въ отношеніи къ акту творчества не дастъ свое право ставить наравнѣ съ Гомеромъ и Шекспиромъ въ отношеніи къ акту творчества. Фраза уничтожается сама собою.

Кажется, рецензентъ здѣсь запутался немного и, кажется, замѣтилъ это, назвавъ слова мои похожими на игру въ эстетическіе каламбуры: ну, что касается до этого, то у всякаго свое мнѣніе; и мы не виноваты, что рецензентъ находитъ эстетическіе каламбуры тамъ, гдѣ другіе найдутъ другое. Мы, признаемся, съ любопытствомъ смотрѣли, какъ смѣло искажались и почти изобрѣтались намъ принципы-ваемыя мысли: какъ, несмотря на выписку, говорилось пменно то, что уничтожалось выпиской. Это показываетъ опытность въ журнальномъ дѣлѣ, которая во всякомъ случаѣ удивительна *).

Одно наше примѣчаніе, могущее бы очень во многомъ остановить рецензента, пропущено имъ, кажется, вовсе; вотъ оно: „Такіе тѣсные предѣлы не позволяютъ намъ „сказать о многомъ, развить многое, и дать заранее полныя объясненія на недоумѣнія и вопросы, могущіе возникнуть при чтеніи нашей статьи. Но надѣемся, что они „разрѣшатся сами собою“.

Но у рецензента не было ни недоумѣній ни вопросовъ; онъ сейчасъ рѣшительно не понялъ, въ чемъ дѣло. Сравненіе Чичикова съ Ахилломъ, полицейменстера съ Агамемнономъ и пр. принадлежать остроумію рецензента. Рецензентъ говоритъ: Русскій не можетъ быть теперь міровымъ поэтомъ. Этотъ вопросъ прямо соединяется съ другимъ: надобно говорить о значеніи Русской Исторіи, современномъ всемірно-историческомъ значеніи Россіи, о чемъ мы съ петербургскими журналами говорить, конечно, не будемъ, но относительно чего могутъ быть написаны цѣлыя сочиненія и книги, и тоже, конечно, ужъ не для петербургскихъ журналистовъ.

Довольно. Возраженіе наше не полно, но оно и такъ пространно, нежели мы хотѣли. Главное наше мнѣніе

* Впрочемъ, удивленіе наше разрѣшилось. Въ № 9 О. З. (стр. 33) прочли мы слѣдующее: „попробуйте выдумать на кого угодно смѣшную лѣтвицу—все расхохочутся, и никто не захочетъ наводить справки, правду вы сказали или лодъ“. О. З. замечаетъ на другіе журналы, но объясняютъ намъ въ то же время и самихъ себя.

сказано въ брошюркѣ (которую мы здѣсь вновь готовы повторить отъ слова до слова), думаемъ довольно понятно для тѣхъ, которые хотятъ или могутъ понять. — Брошюрка все брошюрка, не болѣе, и такъ мы оставляемъ все дальнѣйшія объясненія; если О. З. вздумаютъ (чего мы не предполагаемъ) возражать намъ еще, мы отвѣчать ничего ни въ какомъ случаѣ не будемъ.

Остальная часть рецензій состоитъ изъ однихъ остроумныхъ выходокъ, напр.: прибавленіе вносной русской частицы *de*, выраженія: *ошло, виднѣе, вотъ какъ было*, и пр. въ такомъ же родѣ.

Наконецъ, прибавимъ только одно: мы съ охотою выполнимъ желаніе О. З. и уничтожаемъ тѣ слова наши, въ которыхъ исключали ихъ изъ кучи петербургскихъ журналовъ. Напрасно, впрочемъ, такъ обидѣлись О. З.; мы никогда, да и здѣсь не отдѣляли ихъ вообще отъ другихъ петербургскихъ журналовъ, а сказали, что, *можетъ быть*, придется ихъ исключить въ настоящемъ случаѣ, и это исключеніе само собою уничтожается теперь. Скажемъ же ясно, что мы думаемъ и всегда думали о петербургскихъ журналахъ: все эти несогласія мнѣній, все эти брань и междоусобія, все это такъ, вишнее различіе, разнообразіе — въ сущности же духъ и свойство всехъ петербургскихъ журналовъ (не исключая, разумеется, О. З.) совершенно одни и тѣ же.

Константинъ Александровъ.

* * *

*) Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „Мертвыя Души“.

Изъ множества статей, написанныхъ въ послѣднее время о „Мертвыхъ Душахъ“, или по поводу „Мертвыхъ Душъ“, особенно замѣчательны четыре. Ихъ нельзя не раздѣлить на двѣ половины, попарно. Каждая изъ двухъ статей въ парѣ составляетъ рѣзкій контрастъ: на каждую можно смо-

) „Отечественныя Записки“ 1842 г., т. 25, № 11. Статья В. Бѣлинскаго.

трѣть, какъ на крайнюю противоположность другой парѣ. О первой изъ нихъ мы упоминали въ предыдущей книжкѣ „Отечеств. Записокъ“, какъ о единственной хорошей статьѣ изъ всѣхъ, написанныхъ по поводу поэмы Гоголя. Она напечатана въ третьей книжкѣ „Современника“. Эта статья умная и дѣльная сама-по-себѣ, безотносительно; но кто-то, вѣроятно, безъ всякаго умысла, а просто и невинно, сдѣлалъ рѣзче ея достоинство и выше ея цѣну, написавъ къ ней нѣчто въ родѣ антипода и назвавъ свое послѣднее писаніе *критикомъ* на „Мертвыя Души“. Смыслъ этой „критики“ находится въ обратномъ отношеніи къ смыслу статьи „Современника“. Боже мой, сколько курьезнаго въ этой „критикѣ“! Довольно сказать, что въ ней Селифанъ названъ представителемъ неспорченной русской натуры. Ахилломъ новои „Іліады“, на томъ основаніи, что онъ а) пріятельски разговариваетъ съ лошадьми, и б) напивается мертвецки со всякимъ хорошимъ, т. е. всегда готовымъ мертвецки напиться, человекомъ... По этому, можно судить и о прочемъ, чѣмъ такъ необыкновенно-замѣчательна „критика“, о которой мы говоримъ... Другую пару рѣзкихъ противоположностей составляютъ: статья въ „Библіотекѣ для Чтенія“ и московская брошюрка „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя. Похожденія Чичикова или „Мертвыя Души“. Статья „Биб. для Чтенія“ была неудачнымъ успѣхомъ втоптать въ грязь великое произведение натянутыми и умышленно-фальшивыми нападками на его, будто бы, безразмерность, грязность и эстетическое ничтожество. Вѣрнѣе извѣстно, что эта статья добилась совсѣмъ не тѣхъ результатовъ, о которыхъ хлопотала.

Брошюрка—антиподъ этой статьи—пошла отъ противоположной крайности: въ ней „Мертвыя Души“ являются вторымъ твореніемъ послѣ „Іліады“, а подлѣ Гоголя позволюется становиться только Гомеру и Шекспиру...

Но „Мертвыя Души“ и безъ всякихъ претензій становиться на ряду съ „Іліадою“ имѣютъ великое достоинство: отъ того-то онѣ устояли не только противъ статьи „Библ. для Чтенія“, но что было гораздо труднѣе—и противъ мо-

сковской брошюры... Къ поэмѣ Гоголя, стало-быть, нельзя примѣнить этихъ стиховъ Пушкина:

Враговъ имѣть въ мірѣ всякъ:
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мы друзья, друзья!
Объ нихъ не даромъ вспомнилъ я.

Мы раздѣлили эти четыре статьи на двѣ пары, основываясь на противоположности ихъ достоинствъ и исходныхъ пунктовъ: теперь раздѣлимъ ихъ по тождеству достоинства и взглядовъ ихъ. По послѣднему раздѣленію, останутся только двѣ статьи, ибо статья „Современника“, въ такомъ случаѣ будетъ безъ пары, какъ статья умная и дѣльная; статья „Биб. для Чтенія“ тоже будетъ безъ пары, какъ протестація противъ огромнаго усіяха яркаго таланта. Итакъ, остаются только двѣ статьи: та, въ которой Селифанъ торжественно признаетъ представителемъ „ненепопорченной русской натуры“, и московская брошюрка: обѣ онѣ много имѣютъ между собою общаго и родственнаго. Но объ этомъ послѣ, а сперва замѣтимъ, мимоходомъ, что намъ много даютъ работы и бранища и хвалебныя статьи о „Мертвыхъ Душахъ“. Такъ какъ эти хвалебныя статьи больше оскорбляютъ людей безпристрастныхъ и благомыслящихъ, то ихъ-то мы и поставляемъ себѣ за обязанность преслѣдовать преимущественно передъ бранимыми.

Вслѣдствіе этого, въ 9-й книжкѣ „Отеч. Записокъ“ была высказана, прямо и опредѣлительно, горькая истина московской брошюры „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души“. Это крайне не понравилось автору ея, г. Константину Аксакову,—и вотъ онъ, въ 9-мъ № „Москвитянина“, напечаталъ противъ насъ возраженіе, въ которомъ силится доказать, что будто бы мы умышленно неказали смыслъ его брошюры и приписали ему такія мнѣнія, которыхъ онъ не можетъ признавать своими. Стоитъ только перечестъ или нашу рецензію или брошюру г. Константина Аксакова, чтобъ убѣдиться, что мы нисколько не переиначивали дѣла, но пред-

ставили его такимъ, какъ оно есть, и что оттого оно и приняло нѣсколько комическій характеръ. Возраженіе автора брошюры также можетъ служить нашимъ оправданіемъ, ибо въ немъ-то и перешагнуто дѣло: авторъ брошюры, замѣтивъ неловкость своего положенія, прибѣгнулъ къ обыкновенной, но неловой литературной уверткѣ. — отперся отъ части своихъ мыслей и много поговорилъ о томъ, что, по его мнѣнію, могло служить ему оправданіемъ, умолчавъ о немногомъ, составляющемъ сущность его брошюры и придавшемъ ей такой комическій характеръ. Объясняемся, не ради г. Константина Аксакова, котораго ни брошюра ни возраженіе не стоятъ большихъ хлопотъ; но ради важности предмета, подавшаго поводъ къ тому и другому. Впрочемъ, если наше объясненіе будетъ полезно и для г. Константина Аксакова, мы будемъ этому очень рады, ибо не имѣемъ никакихъ причинъ не желать добра ни ему ни кому другому.

Г. Константинъ Аксаковъ начинаетъ свое „Объясненіе“ тѣмъ, что брошюра (имя рекъ) принадлежитъ ему, и что въ концѣ ея выставлено его имя, которое, *неизвѣстно почему*, не упомянуто „Отеч. Записками“. Признаемъ справедливость претензій г. Константина Аксакова, и чтобы загладить нашу вину передъ нимъ, касательно умолчанія его имени, будемъ, въ этой статьѣ, какъ можно чаще употреблять его. Впрочемъ, не желая оставлять г. Константина Аксакова въ неизвѣстности о причинѣ умолчанія его имени въ рецензій, спѣшимъ объяснить, что мы не упомянули этого имени по чувству гуманной деликатности, будучи увѣрены, что имя человѣка и неудачная статья — не одно и то же, ибо и умныи, порядочныи человѣкъ можетъ написать (и даже напечатать) плохую брошюру. По тому же самому чувству гуманной деликатности, мы не хотѣли (хотя бы и слѣвовало это сдѣлать по требованію петины) замѣтить въ нашей рецензій, что брошюра г. Константина Аксакова вся состоитъ изъ сухихъ, абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и что, по-

этому, въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго, задушевнаго слова, которыми ознаменовываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей, и что, потому же, въ ея изложеніи видна какая-то вялость, расплывчатость, апатія, неопредѣленность и сбивчивость.

Главное обвиненіе г. Константина Аксакова противъ насъ состоитъ въ томъ, что, будто-бы мы заставили его называть „Мертвыя Души“ *Иліадою*, а Гоголя—*Гомеромъ*. Чтобъ отстранить отъ себя нашу улику, онъ ссылается на свою брошюру и дѣлаетъ изъ нея выписки; но все это несколько не поможетъ горю. Г. Константинъ Аксаковъ дѣйствительно не называетъ „Мертвыхъ Душъ“ *Иліадою*, а Гоголя—*Гомеромъ*; такихъ словъ нѣтъ въ его брошюрѣ; но онъ поставилъ „Мертвыя Души“ на одну доску съ „Иліадою“, а Гоголя на одну доску съ Гомеромъ: вотъ что правда, то правда! Ибо какъ же иначе, если не въ такомъ смыслѣ, можно понимать эти слова брошюры (о которыхъ г. Константинъ Аксаковъ какъ-будто и забылъ, и нате согласиться, что въ этомъ случаѣ память очень *кстати* измѣнила ему):

„Такъ глубоко значеніе, являющееся намъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ Гоголя! Передъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, *является оправданіе цѣлой сферы поэзіи*, сферы давно унижаемой; *брезвѣй эпосъ возстаетъ предъ нами*“.

Это значитъ ни больше ни меньше, какъ то, что давно унижаемый эпосъ Гомера вновь воскрешенъ Гоголемъ, и что „Мертвыя Души“, *слѣдовательно*, вторая „Иліада“!!!

Еще разъ спрашиваемъ: можно ли иначе понять эти слова г. Константина Аксакова? Онъ жалуется, что мы, по обыкновенію журналистовъ, имѣющихъ въ виду уронить непріятное вмѣ произведеніе, вырывали мѣстами по нѣскольку строкъ изъ его брошюры, прибавляя къ нимъ собственныя замѣчанія. Но неужели же мы должны были выписывать все? Это значило бы украсить нашъ журналъ брошюрою г. Константина Аксакова, на что мы не имѣли

ни права ни охоты. И такъ, мы выписали изъ брошюры только тѣ строки, въ которыхъ заключалась ея основныя положенія. Такъ сдѣлаемъ мы и теперь. Послѣ выписанныхъ строкъ, намъ надо было бы перепечатать теперь нѣсколько страницъ; но это было бы скучно и для насъ и для читателей. и потому мы только *перескажемъ* содержаніе этихъ нѣсколькихъ страницъ, непосредственно слѣдующихъ за выписанными нами строками. Сперва авторъ брошюры характеризуетъ древній эпосъ тѣмъ, что этотъ эпосъ „основанъ былъ на глубокомъ простомъ созерцаніи и обнималъ собою цѣлый опредѣленный міръ во всей неразрывной связи его явленій“, что въ немъ все на своемъ мѣстѣ, всякій предметъ переносится въ него съ его правами, съ танною его жизни, и т. п. Все это и не ново, и во всемъ этомъ нѣтъ никакой опредѣленности... Потомъ, авторъ брошюры говоритъ, что этотъ эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣлъ, мелѣлъ. „*снизошелъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія, до французской повѣсти*“. — И вдругъ, среди этого времени, возникаетъ древній эпосъ съ своею глубиною и простымъ величіемъ — является поэма Гоголя. Тотъ же глубокопроникающій и всевидящій эпическій взоръ, то же всеобъемлющее эпическое созерцаніе“. — „Въ поэмѣ Гоголя является намъ тотъ древній, гомеровскій эпосъ; въ ней возникаетъ вновь его важный характеръ, его достоинство и широко-объемлющій размѣръ“.

Теперь дѣло ясно: эпосъ есть что-то великое: онъ вполнѣ выразился въ созданіяхъ Гомера („Иліадъ“ и „Одиссея“); но со временъ Гомера до Гоголя (до 1842 года по Р. Хр.) все мелѣло и искажался: Гоголь же вновь воскресилъ его во всей его первобытной красотѣ и свѣжести...

Неужели и теперь г. Константинъ Аксаковъ *отонрется* отъ своихъ словъ, явно написанныхъ имъ сгоряча и необдуманно (пбо въ спокойномъ состояніи духа такихъ вещей не говорятъ) и будетъ стараться дать имъ другое значеніе? Нѣтъ, улыбка на лицо, и тутъ не помогутъ никакія увертки...

Правда, древне-эллинскій эпосъ, перенесенный на Западъ, точно мельтъ и искажался; но въ чемъ? — въ такъ называемыхъ эпическихъ поэмахъ — въ „Энеидѣ“, „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, „Потерянномъ Раѣ“, „Мессіадѣ“ и проч. *). Всѣ эти поэмы имѣютъ свои неотъемлемыя достоинства, но какъ частности и отдѣльныя мѣста, а не въ цѣломъ; ибо онѣ не самобытныя созданія, которымъ бы современное содержаніе дало и современную форму, а подражанія, явившіяся вслѣдствіе школьно-эстетическаго преданія объ „Иліадѣ“, преданія, гдѣ „Иліада“ была смѣшана и отождествлена съ родомъ поэзій, къ которому она принадлежитъ. И вотъ древне-эллинскій эпосъ, перенесенный на Западъ, дошелъ до крайняго своего униженія въ „Генріадахъ“, „Россиадахъ“, „Петріадахъ“, „Александродахъ“, и другихъ „идахъ“, „адахъ“, „ядахъ“; сюда же должно отнести и такія уродливыя произведенія, какъ „Телемакъ“ Фенелона, „Гонзальвъ Кортуанскій“ Флоріана, „Кадмъ и Гармонія“, и „Поллдоръ, сынъ Кадма и Гармоніи“ Хераскова и проч. Если бы г. Константинъ Аксаковъ это разумѣлъ подъ искаженіемъ на Западѣ древняго эпоса. — мы совершенно съ нимъ согласились бы, потому что это фактъ, историческій фактъ, противъ котораго нечего сказать. Но въ такомъ случаѣ, онъ долженъ бы былъ принять за основаніе, что древне-эллинскій эпосъ и не могъ не искажаться, будучи перенесенъ на Западъ, особенно въ позднѣйшія времена. Древне-эллинскій эпосъ могъ существовать только для древнихъ Эллинцевъ, какъ выраженіе *ицъ* жизни, *ицъ* содержанія въ *ицъ* формѣ. Для міра же новаго его нечего было и воскрешать, ибо у міра новаго есть своя жизнь, свое содержаніе и своя форма. слѣдовательно, и свои эпосъ. И эпосъ новаго міра явился преимущественно въ романѣ, котораго главное отличіе отъ древне-эллинскаго эпоса, кромѣ христіанскихъ и другихъ элементовъ повѣстнаго міра, составляетъ еще и *проза жизни*, вошед-

*) Изъ этихъ поэмъ должно исключить Divina Comedia Данте, какъ твореніе самобытное, совершенно въ духъ католической Европы среднихъ вѣковъ.

шая въ его содержаніе и чуждая древне-эллинскому эпосу. И потому романъ отнюдь не есть искаженіе древняго эпоса, но есть эпосъ повѣишаго міра, исторически возникнувшій и развившійся изъ самой жизни и сдѣлавшійся ея зеркаломъ, какъ „Иліада“ и „Одиссея“ были зеркаломъ древней жизни. Г. Константины Аксаковъ умалчать о романѣ, сказавъ только, и то въ выноскѣ, что конечно и романъ и повѣсть имѣютъ-де *свое* значеніе и *свое* мѣсто въ исторіи искусства поэзіи; но что предѣлы статьи его не позволяютъ ему распространяться о нихъ. Въ-первыхъ, эта выноска явно противорѣчитъ съ текстомъ, гдѣ опредѣлительно сказано, что древній эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣль, искажался, *снизошелъ* до романовъ и, наконецъ, *до крайней степени своего униженія*, до французской повѣсти: слѣдовательно, какое же *свое* значеніе, кромѣ искаженія древняго эпоса, могутъ имѣть романъ и повѣсть въ глазахъ г. Константина Аксакова? И при томъ, если говорить (особенно такія диковинки и такъ смѣло), то ужъ надо говорить все и при томъ опредѣленно, чтобъ не дать себя поймать на недоговоркахъ; или ничего не говорить; или, говоря, не противорѣчить себѣ ни въ текстѣ ни въ выноскахъ; или, наконецъ, *проговориться*, уметь смолчать. Въ противномъ случаѣ, это все равно, какъ если бы кто-нибудь, сказавъ такъ: „Байронъ плохой поэтъ“, а въ выноскѣ замѣтивъ: „вырочемъ и Байронъ имѣетъ *свое* значеніе, но мнѣ теперь некогда о немъ распространяться“, считалъ бы себя правымъ и подумалъ бы, что онъ все сказалъ, и сказалъ дѣло, а не пустяки. Г. Константины Аксаковъ ни однимъ словомъ не упомянулъ въ своей брошюрѣ ни о Сервантесѣ, ни о Вальтерѣ Скоттѣ, ни о Куперѣ, — чѣмъ и далъ право думать, что онъ и въ нихъ видитъ искаженіе эпоса, возстановленнаго Гоголемъ!!! Въ нашей рецензіи, мы это замѣтили г. Константину Аксакову, сказавъ при этомъ, что Вальтеръ Скоттъ есть истинный представитель современнаго эпоса, т. е. историческаго романа, что Вальтеръ Скоттъ могъ явиться (и явился) безъ Гоголя, но что Гоголя не было бы безъ Вальтера

Скотта; и, наконецъ, если Гоголя можно сблизать съ кѣмъ-нибудь, такъ ужъ, конечно, съ Вальтеромъ Скоттомъ, которому онъ, какъ и всѣ современные романисты, такъ много обязанъ, — а не съ Гомеромъ, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго. Но г. Константинъ Аксаковъ въ своемъ „Объясненіи“ промолчалъ объ этомъ: — изворотъ очень полезный для него, разумеется, но по отношенію къ намъ не совсѣмъ добросовѣстенъ... И это-то самое заставляетъ насъ повторить, что г. Константинъ Аксаковъ считаетъ романъ униженіемъ эпоса (ибо у него эпосъ *исключительно* до романа), а Вальтеръ Скоттъ просто ни за что не считаетъ (ибо не удостоиваетъ его и упоминаніемъ — вѣроятно, изъ опасенія унизить Гоголя какимъ бы то ни было сближеніемъ съ такимъ незначущимъ писателемъ, какъ Вальтеръ Скоттъ). Какъ называются такія умозрѣнія — предоставляемъ рѣшить читателямъ...

И такъ, романъ совершенно уничтоженъ г. Константиномъ Аксаковымъ: но современный эпосъ проявился не въ одномъ романѣ исключительно: въ повѣищенъ поэзіи есть особый родъ эпоса, который не допускаетъ прозы жизни, который схватываетъ только поэтическіе, идеальные моменты жизни, и содержаніе котораго составляютъ глубокашія міросозерцанія и нравственные вопросы современнаго человечества. Этотъ родъ эпоса одинокъ удержалъ за собою имя „поэмы“. Таковы всѣ поэмы Байрона, нѣкоторыя поэмы Пушкина (въ особенности „Цыгане“ и „Галубъ“), также Лермонтова „Демонъ“, „Мцыри“ и „Бояринъ Орша“. Если для г. Константина Аксакова поэмы Пушкина и Лермонтова, не составляютъ факта, то какъ же не упомянуть онъ ни слова о Байронѣ? Положимъ, что Байронъ, въ сравненіи съ Гоголемъ — ничто, а Чичиковы, Маниловы и Селифаны имѣютъ болѣе всемірно-историческое значеніе, чѣмъ титаническія, колоссальныя личности британскаго поэта; но, ничтожны въ сравненіи съ Гоголемъ, Байронъ все-таки долженъ же имѣть хоть какое-нибудь *свое* значеніе и *свое* мѣсто въ исторіи новѣйшаго искусства?... Почему же г. Константинъ Аксаковъ не удостоилъ упомянуть о

Байронѣ, ну, хоть однимъ презрительнымъ словомъ, хоть для того, чтобъ уничтожить его во имя „Мертвыхъ Душъ“? Неужели же, спросить насъ, г. Константинъ Аксаковъ не шутя и въ Байронѣ видитъ искаженіе эпоса? — Должно быть такъ: ибо настоящий, истинный эпосъ, послѣ Гомера, явился только въ „Мертвыхъ Душахъ“ — отвѣчаемъ мы... Да это (опять скажутъ намъ), это просто... нелѣпость, галиматья!.. Помилуйте, какъ это можно (отвѣчаемъ мы): это умозрѣнія, спекулятивные построенія, гоголевская философія — на замоскворѣцкій ладъ...

Что между Гоголемъ и Гомеромъ есть сходство — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но какое сходство? — такое, что и тотъ и другой поэты; другого нѣтъ и быть не можетъ. Однакожъ, такое сходство есть не только между Гомеромъ и французскимъ пѣснникомъ Беранже, но и между Шекспиромъ и русскимъ баснописцемъ Крыловымъ: всѣхъ ихъ дѣлаетъ сходными — *творчество*. Но думать, что въ наше время возможенъ древній эпосъ — это такъ же нелѣпо, какъ и думать, чтобъ въ наше время человѣчество могло сдѣлаться изъ взрослого человѣка ребенкомъ; а думать такъ — значитъ, быть чуждымъ всякаго историческаго созерцанія, и пустая фантазія празднаго воображенія выдавать за философскія истины...

И такъ повторяемъ: г. Константинъ Аксаковъ не называлъ Гоголя Гомеромъ, а „Мертвыя Души“ „Іліадою“, онъ только сказалъ, что, во-первыхъ, „древній эпосъ былъ унижаемъ на западѣ“, а мы прибавили (и имѣли на это право) отъ себя: Сервантесомъ, Вальтеромъ-Скоттомъ, Куперомъ, Байрономъ; — и что, во-вторыхъ, въ „Мертвыхъ Душахъ“ древній эпосъ возстаетъ передъ нами“, а мы прибавили отъ себя (и имѣли на то право) — ergo, „Мертвыя Души“ то же самое въ новомъ мірѣ, что „Іліада“ въ древнемъ, а Гоголь то же самое въ исторіи повѣщаго искусства, что Гомеръ въ исторіи древняго искусства.

Спрашиваемъ всѣхъ и у cadaго: была ли какая-нибудь возможность вывести другое заключеніе изъ положеній г. Константина Аксакова? или: была ли какая-нибудь возмож-

ность не вывести изъ положеній Константина Аксакова того заключенія, какое мы вывели? — И мы ли виноваты, что заключеніе это насмѣшило весь читающій по-русски міръ?

Правда, г. Константинъ Аксаковъ далѣе въ своей брошюрѣ замѣчаетъ, что самое содержаніе кладетъ разницу между „Иліадою“ и „Мертвыми Душами“: однакожь, эта оговорка у него не только не поясняетъ дѣла, а еще болѣе затемняетъ его, какъ противорѣчіе. Г. Константину Аксакову явно хотѣлось сказать что-то новое, неслыханное міромъ; и какъ у него не было ни силъ ни призванія сказать новой великой истины, то онъ и разсудилъ сказать великій... какъ бы это выразить? — ну хоть *парадоксъ*... Удивительно ли, что, развивая и доказывая этотъ парадоксъ, онъ наговорилъ много такого, въ чемъ онъ самъ запутался, и надъ чѣмъ другіе только добродушно посмѣялись!... Въ своемъ „объясненіи“, онъ особенно намекаетъ на то, что „эпическое созерцаніе Гоголя—древнѣе, истиннѣе, то же, какое и у Гомера“ и что „только у одного Гоголя видимъ мы это созерцаніе“. Хорошо; да гдѣ же доказательства этого? Да нигдѣ — доказательства никакихъ, кромѣ увѣреній г. Константина Аксакова: — бѣдное и непадежное ручательство! „Поэма Гоголя (говоритъ онъ) представляетъ вамъ цѣлую форму жизни, цѣлый міръ, гдѣ опять, *какъ у Гомера*, свободно шумятъ и блещутъ воды, восходитъ солнце, красуется вся природа и живетъ человѣкъ, — міръ, являющій намъ глубокое цѣлое, глубокое, внутри лежащее содержаніе *общей жизни*, связующій единымъ духомъ все свои явленія“. Вотъ все доказательства близкой родственности гомеровскаго эпоса съ гоголевскимъ; но, во-первыхъ, это столько же характеристика гоголевскаго эпоса, сколько и эпоса Вальтера-Скотта, съ тою только разницею, что эпосъ Вальтера-Скотта именно заключаетъ въ себѣ „содержаніе *общей жизни*“, тогда какъ у Гоголя эта „общая жизнь“ является только какъ намекъ, какъ задняя мысль, вызываемая *совершенною отсутствиемъ* общечеловѣческаго въ изображаемой имъ жизни. Противъ

этого нечего возразить: это ясно. Помилуйте: какая *общая жизнь* въ Чичиковыхъ, Селифанахъ, Маниловыхъ, Плюшкиныхъ, Собакевичахъ и во всемъ честномъ компанствѣ, занимающемъ свою пошлостью вниманіе читателя въ „Мертвыхъ Душахъ“? Гдѣ тутъ Гомеръ? Какой тутъ Гомеръ. Тутъ просто Гоголь—и больше ничего.

Говоря, что у Гоголя эпитическое созерцаніе чисто древнее, истинное, гомеровское, и что Гоголь все-таки совсѣмъ не Гомеръ, а „Мертвыя Души“ нисколько не „Иліада“, ибо—де само содержаніе уже кладетъ здѣсь разницу, — г. Константинъ Аксаковъ тотчасъ же прибавляетъ: „кто знаетъ, впрочемъ, такъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ?“ Именно такъ: *кто знаетъ это?* повторяемъ и мы. Глубоко уважая великій талантъ Гоголя, страстно любя его гениальныя сознанія, мы въ то же время отвѣчаемъ и ручаемся только за то, что уже написано имъ; а насчетъ того, что онъ еще напишетъ, мы можемъ сказать только: *кто знаетъ, впрочемъ, какъ*, и пр. Особенно часто повторяемъ мы про себя: кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ?“ И на повтореніе этого вопроса наводятъ насъ слѣдующія слова въ poemѣ Гоголя: „можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, прозвѣтъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или русская дѣвица, *какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ*, со всею дивною красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. *И мертвыми покажутся предъ нами все добродѣтельныя люди другихъ племенъ, какъ мертвая книга предъ живымъ словомъ.* (М. Д., стр. 130). „Да, эти слова творца „Мертвыхъ Душъ“ заставили насъ часто и часто повторять, въ тревожномъ раздумьи: „кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ“?... Именно, *кто знаетъ?* Много, слишкомъ много обѣщано, такъ много, что негдѣ и взять того, чѣмъ выполнить обѣщаніе, потому что того и нѣтъ еще на свѣтѣ: намъ какъ-то страшно, чтобъ первая часть, въ которой все комическое, не оста-

лась истинною трагедіею, а остальные двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими — по крайней мѣрѣ, въ патетическихъ мѣстахъ... Впрочемъ, опять-таки кто знаетъ... Но кто бы ни зналъ, вопросъ этотъ, заданный г. Константиномъ Аксаковымъ, ясно показываетъ, что если онъ г. Константинъ Аксаковъ, и видѣть въ первой части „Мертвыхъ Душъ“ разницу съ „Иліадою“, полагаемую уже самимъ содержаніемъ, — то все-таки крѣпко наѣбется, что въ двухъ послѣднихъ частяхъ „Мертвыхъ Душъ“ и эта разница сама собою уничтожится, и что, ergo, „Мертвая Душа“ — „Иліада“, а Гоголь — Гомеръ. Последняго онъ не сказалъ, но мы въ правѣ опять вывести это комическое заключеніе...

Главное доказательство мнимой родственности гоголевскаго эпоса съ гомеровскимъ состоитъ у г. Константина Аксакова въ любви къ сравненіямъ, въ обилии и сходствѣ этихъ сравненій у Гомера и у Гоголя. Странное и забавное доказательство! Объ этомъ сходствѣ упоминаетъ и еще другая критика — та самая, въ которой мы видимъ гораздо больше родственности и тождества съ брэнноркою г. Константиномъ Аксаковымъ, нежели сколько между Гомеромъ и Гоголемъ; но въ той критикѣ находятъ сходство Гоголя, по отношенію къ сравненіямъ, не съ однимъ Гомеромъ, но и съ Данте; а мы, съ своей стороны, беремся найти его съ добрымъ десяткомъ новѣйшихъ поэтовъ. Изъ одного Пушкина можно выписать тысячу сравненій, такъ же напоминающихъ собою сравненія Гомера, какъ напоминаютъ ихъ сравненія Гоголя. Но вотъ одно, которое побольше всѣхъ гоголевскихъ сравненій напоминаетъ собою гомеровскія:

Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ, смиренный, величавый.
Такъ точно дѣякъ, въ приказѣ посылный,
Спокойно зрѣтъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не въдавая ни жалости ни гнѣва.

Здѣсь также ни одно внѣшнее (какъ у Гоголя), но и вну-

тѣннее сходство съ Гомеромъ, заключающееся въ *наивно-простомъ, соединенной съ возвышенностью*; однако изъ этого еще не выйдетъ никакого тождества между Гомеромъ и Пушкинымъ. Правда, „Борисъ Годуновъ“ въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ „Мертвыя Души“, напоминаетъ собою Гомера *многими* многихъ своихъ страницъ, *тономъ наивно-простомъ и въ высшій возвышеннымъ*; но на это сходство Пушкинъ наведенъ былъ не особенностью его поэтической натуры, или ея родственностью съ Гомеромъ, а сущностью избранной имъ для своей трагедіи эпохи, гдѣ самыя высокія умы и сильныя характеры мыслили и говорили простоудушно, или простоудушно и возвышенно вмѣстѣ. Тутъ есть еще и другая причина: не смотря на свою драматическую форму, „Борисъ Годуновъ“ Пушкина есть, въ сущности, эпическое произведеніе, а зная съ эпосомъ всегдѣ имѣетъ большее или меньшее, ближайшее или отдаленнѣйшее сходство, какъ одинъ и тотъ же родъ поэзіи. Но это сходство уничтожается въ „Мертвыхъ Душахъ“ уже тѣмъ, что онѣ проникнуты насквозь юморомъ. Если Гомеръ сравниваетъ тѣснимаго въ битвѣ Троянами Аякса съ осломъ, — онъ сравниваетъ его *простоудушно*, безъ всякаго юмора, какъ сравнивали бы его со львомъ. Для Гомера, какъ и для всѣхъ Грековъ его времени, оселъ былъ животное почтенное и не возбуждалъ, какъ въ насъ, смѣха однимъ своимъ появленіемъ, или однимъ своимъ именемъ. У Гоголя же, напротивъ, сравненіе, напр., франтовъ, извивающихся около красавицъ, съ мухами, летящими на сахаръ, все насквозь проникнуто юморомъ. Следовательно, все сходство чисто внѣшнее, т. е. то, что и у Гомера есть сравненія и у Гоголя есть сравненія: но знакъ между Гомеромъ и Гоголемъ и еще можно найти большое сходство, именно то, что Гомеръ слагалъ свои возвышенно-наивныя созданія на греческомъ языкѣ, а Гоголь пишетъ по-русски; извѣстно же всѣмъ, что греческій и русскій языки происходятъ отъ одного корня, кромѣ уже того, что всѣ языки въ мірѣ, не смотря на ихъ различіе, основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ разума человѣческаго...

Не зная, *какъ, и прочесть, раскрыется содержаніе* „Мертвых Душ“, въ двухъ послѣднихъ частяхъ, мы еще не понимаемъ ясно, почему Гоголь назвалъ „поэмою“ свое произведеніе, и *пока* видимъ въ этомъ названіи тотъ же юморъ, какимъ растворено и проникнуто насквозь это произведеніе. Если же самъ поэтъ почитаетъ свое произведеніе „поэмою“, содержаніе и герои которой есть существія русскаго народа, — то мы, не обинуясь, скажемъ, что поэтъ сдѣлалъ великую ошибку: ибо, хотя эта „существія“ глубока и сильна, и громадна (что уже ярко проблескиваетъ и въ комическомъ опредѣленіи общественности, въ которомъ она пока проявляется, и которое Гоголь такъ гениально схватываетъ и воспроизводитъ въ „Мертвых Душахъ“), однако существія народа могутъ быть предметомъ поэмы только въ своемъ разумномъ опредѣленіи, когда она есть нѣчто положительное и дѣйствительное, а не гадательное и предположительное, когда она есть уже прошедшее и настоящее, а не будущее только... Въ творчествѣ великая для художника задача — выбирать предметъ и содержаніе для произведенія; этотъ предметъ и это содержаніе всегда должны быть осмысленно-опредѣленны; иначе, художественное произведеніе будетъ не полно, несовершенно, то что Французы называютъ *manqué*. И потому, великая ошибка для художника писать поэмѣ, которая можетъ быть возможна въ будущемъ.

И такъ, чѣмъ болѣе разсматриваемъ дѣло г. Константина Аксакова, тѣмъ болѣе сходство между Гомеромъ и Гоголемъ становится... какъ бы сказать? — забавнѣе и смѣшнѣе... Смысль, содержаніе и форма „Мертвых Душ“ есть — „созерцаніе данной сферы жизни сквозь видныи міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“. Въ этомъ и заключается трагическое значеніе комическаго произведенія Гоголя: это и выводитъ его изъ ряда обыкновенныхъ сатирическихъ сочиненій, и этого — то не могутъ понять ограниченные люди, которые видятъ въ „Мертвых Душахъ“ много смѣшного, *humoristique*, говоря ихъ простонароднымъ жаргономъ, по мѣстамъ черезчуръ — переутрирован-

наго. Всякое выстраданное произведеніе великаго таланта имѣетъ глубокое значеніе, — и мы первые признаемъ „Мертвыя Души“ Гоголя великимъ по самому себѣ произведеніемъ въ мірѣ искусства, для иностранцевъ лишеннымъ всякаго общаго содержанія, но для насъ тѣмъ болѣе важнымъ и драгоценнымъ. Еще не было доселѣ болѣе важнаго для русской общественности произведенія, — и только одинъ Гоголь можетъ дать другое, болѣе важное произведеніе, а дать ли въ самомъ дѣлѣ — кто, впрочемъ, знаетъ, судя по нѣкоторымъ основнымъ началамъ возрѣнія, которыя довольно неспрѣйно промелькиваютъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ и относятся къ нимъ, какъ крапинки и пятнышки въ картинѣ великаго мастера. — о чемъ мы поговоримъ въ свое время и подробнѣе и отчетливѣе...

Такимъ образомъ, если г. Константинъ Аксаковъ хочетъ оправдаться, а не отдѣлаться только отъ неосторожно высказанныхъ имъ странностей, — онъ долженъ сказать и доказать:

1) Почему древній эпосъ *сынзопелъ* (слѣд. уничился) до романовъ, и считаетъ ли онъ Сервантеса, Вальтера-Скотта, Купера, Байрона — сказителями эпоса, возстановленнаго и спасеннаго Гоголемъ? Последняя недомолвка очень подозрительна: изъ нея видно, что г. Константинъ Аксаковъ самъ испугался своихъ смѣлыхъ положеній.

2) Почему мы сошлись на него, говоря, что изъ его положеній прямо выводится то слѣдствіе, что „Мертвыя Души“ — „Иліада“, а Гоголь — Гомеръ нашего времени?

3) Почему во французской повѣсти эпосъ дошелъ до своего крайняго униженія?

Но г. Константинъ Аксаковъ рѣшился ничего болѣе не говорить объ этомъ, послѣ своего ничего не объяснившаго „Объясненія“: и хорошо сдѣлать — болѣе ему ничего и не остается; онъ высказалъ уже всю свою мудрость. За то, намъ еще много осталось кое-чего сказать.

Какъ, кромѣ частныхъ исторій отдѣльныхъ народовъ, есть еще исторія человѣчества, — точно такъ, кромѣ частныхъ исторій отдѣльныхъ литературъ (греческой, латин-

стон, французской и пр.), есть еще исторія всемірной литературы, предметъ которой развитіе человѣчества въ сферахъ искусства и литературы. Само собою разумѣется, что въ этой исторіи должна быть живая, внутренняя связь, что она должна претѣющимъ объяснить послѣдующее, ибо иначе она будетъ лѣтописью или перечнемъ фактовъ, а не исторіею. И потому, напримѣръ, романы Шотландца XIX вѣка, Вальтера-Скотта, непременно должны быть въ какой-нибудь связи съ поэмами Гомера. Эта связь именно состоитъ въ томъ, что романы В. Скотта суть необходимыми моментъ дальнѣйшаго развитія эпоса, котораго первымъ моментомъ развитія могутъ быть поэмы индійскія, а послѣдующимъ моментомъ — поэмы Гомера. Въ исторіи нѣтъ скачковъ. Слѣдовательно, греческій эпосъ не *снизогледъ* до романовъ, какъ мудрствуетъ г. Константины Аксаковъ, а *развился* въ романъ: ибо нелѣпо было бы предполагать, въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ, пробѣлѣ въ исторіи всемірной литературы, и отъ Гомера прыгнуть прямо къ Гоголю, который еще, въ добавокъ, и несколько не принадлежитъ ко всемірно-историческимъ поэмамъ... Вотъ почему мы основательно, а не наобумъ, исторически, а не фашистско-смагориически думаемъ и убѣждены, что, напримѣръ, какой-нибудь *Данте*, въ дѣлѣ эпоса, побольше значить Гоголя, что тутъ имѣютъ свое значеніе и Аріостъ, и что не только Сервантесъ, Вальтеръ-Скоттъ, Куперъ, какъ художники по преимуществу, но и Свифтъ, Стернъ, Вольтеръ (философскіе романы и повѣсти), Руссо („Новая Элоиза“), имѣютъ несравненно и неизмѣримо высшее значеніе во всемірно-исторической литературѣ, чѣмъ Гоголь, ибо въ нихъ совершилось развитіе эпоса и со стороны содержанія, и со стороны искусства, и со стороны содержанія и искусства вмѣстѣ. Говорить же, что Гоголь прямо вышелъ изъ Гомера, или продолжалъ собою Гомера мимо всѣхъ прочихъ, и старинныхъ и современныхъ поэтовъ Европы, значить, вмѣсто похвалы, оскорбить его, значить исключать его изъ историческаго развитія, выставить человекомъ, чуждымъ современности, чуждымъ знанію всего, что было до

него .. Что же касается до мысли о какой-то родственности гоголевскаго эпоса съ гомеровскимъ, —мы уже доказали, что эта мысль больше, чѣмъ неосновательна. При томъ же, если бы и такъ было, надобно бы было объяснить, въ чемъ тутъ заслуга со стороны Гоголя, тѣмъ болѣе, что авторъ брошюры говоритъ объ этомъ такимъ торжествующимъ тономъ, какъ будто ставить это въ величайшую заслугу Гоголю.

Теперь о крайнемъ искаженіи эпоса во французской повѣсти: это еще что за исторія? Г. Константинъ Аксаковъ видитъ во французской повѣсти—простой анекдотъ, роуэ шараны, гдѣ все дѣло въ сюжетѣ, т. е. въ снзетевини и расплетеніи событія (fable): да вольно же ему видѣть это, когда этого нѣтъ во французской повѣсти *), а есть совершенно другое, именно: характеры, дивное, однимъ только французамъ среднее искусство разсказа, социальныя и нравственные вопросы, воили и страданія современности? Если кто-нибудь зажмуритъ глаза и станетъ доказывать, что вѣтъ на свѣтѣ солнца и свѣта,—что ему на это скажутъ?—конечно, не другое что, какъ „открой глаза“; но онъ слышитъ отъ природы,—тогда что ему скажутъ?—вѣтъ что: „ты правъ, для тебя точно нѣтъ на свѣтѣ ни солнца ни свѣта“... А что, можетъ быть, г. Константинъ Аксаковъ не любитъ французскихъ повѣстей его воли, да только публикѣ-то что за дѣло, что любить и чего не любить Константинъ Аксаковъ? Французскія повѣсти читаются всѣмъ просвѣщеннымъ и образованнымъ міромъ, во всѣхъ няти частяхъ земного шара, французская повѣсть есть плодъ французской литературы, а французская литература имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Въ одномъ мѣстѣ своего „Объясненія“, г. Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ, въ скобкахъ, мимоходомъ, что въ разрядъ великихъ писателей Жюль Вернъ не входитъ ни безусловно ни условно,—и думаетъ, что этими словами онъ рѣшилъ дѣло и все

*) Не вѣдая, разумѣется, что нхъ повѣстей, которыя есть у всѣхъ народовъ, а иногда бываютъ у великихъ поэтовъ...

сказать; тогда какъ онъ этимъ сказать только, что онъ или совсѣмъ не читалъ Жоржа Занда, или читалъ, да не понималъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о Жоржѣ Зандѣ; скажемъ только, что Жоржъ Зандъ имѣетъ большое значеніе и во всемірно-исторической литературѣ, не въ одной французской, тогда какъ Гоголь, при всей несомнѣваемой великости его таланта, не имѣетъ *рѣшительно никакого* значенія во всемірно-исторической литературѣ, и великъ только въ одной русской, что, слѣдовательно, имя Жоржа Занда безусловно можетъ входить въ реестръ именъ европейскихъ поэтовъ, тогда какъ помѣщеніе рядомъ именъ Гоголя, Гомера и Шекспира оскорбляетъ и приличіе и здравый смыслъ... Въ послѣднемъ, кромѣ г. Константина Аксакова, никто въ мірѣ не усомнится, а насчетъ перваго можно представить сильныя доказательства...

Вдобавокъ къ вопросу о повѣсти, какъ крайнемъ униженіи эпоса, скажемъ, что если ужь вѣтъ это униженіе въ повѣсти, то, конечно, скорѣе въ нѣмецкой, чѣмъ во французской. Нѣмецкая повѣсть возникла и выросла на почвѣ отвлеченія, аскетизма, антинобщественности; она изображаетъ не общество, а отдѣльныя личности, которыхъ вся жизнь и вся повѣсть жизни состоитъ въ перебивкахъ внутреннихъ ощущеній, фантастическихъ и фантазерскихъ прѣзъ, и которыхъ все блаженство заключается не въ стремленіи къ идеалу дѣйствительной жизни и достиженіи его, а въ томъ, чтобы любоваться собственною внутреннею глубиною и пустою праздною жизнію ощущенія, вмѣсто дѣйствія. Но и нѣмецкая повѣсть, какъ мы это замѣтили уже и въ рецензіи, даже какъ и отклоненіе отъ нормы имѣетъ свое всемірно-историческое значеніе, объясняемое изъ національнаго духа Нѣмцевъ.

Теперь о равенствѣ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Г. Константинъ Аксаковъ говоритъ, будто мы ввели на него пребитцу, приписывая ему изобрѣтеніе равенства Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Онъ не отрицается отъ изобрѣтенія этого унижительнаго равенства, но ставитъ намъ въ вину, что мы не замѣтили *въ какомъ отно-*

тени разумѣть онъ это равенство; а разумѣть онъ его, изволите видѣть, *въ отношеніи къ акту творчества*. Подлинно, есть за что обвинять насъ: понимать г. Константина Аксакова такъ трудно, тѣмъ болѣе, что онъ, кажется, самъ себя не совсѣмъ понимаетъ. Брошюра его — это такая смѣсь несвязанныхъ между собою... не мыслей, а скорѣе — *недомысловъ*, что трудно разобрать, что онъ разумѣть тутъ, и какъ его понимать! Онъ говоритъ, что Гоголь равенъ Гомеру и Шекспиру по акту творчества, и что въ отношеніи къ акту творчества, только Гомеръ. Шекспиръ и Гоголь — величайшіе поэты; и въ то же время онъ, съ какою-то наивностію, увѣряетъ, что этимъ онъ несколько не унижаетъ великихъ европейскихъ поэтовъ, думая, вѣроятно, что для Данте, Сервантеса, Вальтера-Скотта, Купера, Байрона, Шиллера, Гёте — большая честь стоять въ почтительномъ отдаленіи отъ Гоголя, пріятельски обнявшагося съ Гомеромъ и Шекспиромъ! Да, милостивый государь, съ чего вы взяли, что Гоголь, и по акту творчества родной братъ Гомеру и Шекспиру, и выше всѣхъ другихъ великихъ европейскихъ поэтовъ? Съ чего вы взяли, что вамъ стоило только выговорить эту, положимъ изъ вѣжливости мысль, чтобъ ее всѣ, подобно вамъ, нашли непреложною и истинною? Гдѣ на это доказательства, гдѣ ваши доводы? Ваше убѣжденіе! — да публикѣ-то какое дѣло до вашихъ убѣжденій?.. Употребилъ оговорку по отношенію къ акту творчества, а не содержанію, г. Константинъ Аксаковъ думаетъ, — что онъ совершенно оправдался и сдѣлалъ насъ кругомъ виноватыми... Какая милая наивность, какая бѣноклическая невинность!.. Развивая свою мысль о равенствѣ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ (по отношенію къ акту творчества), г. Константинъ Аксаковъ говоритъ: „Мы далеки отъ того, чтобъ унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но въ отношеніи къ акту созданія, *они ниже Гоголя (sic...)*“. Развѣ „не можетъ быть такъ, напримѣръ: поэтъ, обладающій „полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, другой создастъ великаго человека; велико будетъ дѣло

„последняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той „полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій „тайною творчества“. Хорошо, но зачѣмъ брать ложныя сравненія, если не за тѣмъ, чтобъ оправдать натяжками ложныя мысли? Не лучше ли было бы сказать такъ, на-примѣръ: „Поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ; другой, обладающій такою же полнотою, создаетъ великаго человѣка: ничтожно будетъ дѣло перваго передъ дѣломъ второго, какъ ничтоженъ, въ ряду явленій жизни, цвѣтокъ передъ великимъ человѣкомъ?“ Какъ вы думаете объ этомъ, г. Константинъ Аксаковъ? Это не совсѣмъ выгодно для вашего идолопоклонства, зато ближе къ истинѣ—повѣрьте намъ, въ этомъ случаѣ, на слово, или спросите у зрѣлаго смысла—онъ за насъ!.. Но положимъ, что и такъ, положимъ, что вы ставите Гоголя выше колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ только по акту творчества, а не по содержанію; но зачѣмъ же вы прибавляете эти слова: „Но Боже насъ сохрани, чтобъ миниатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ созданій Гоголя!“ Какой смыслъ этихъ словъ—не этотъ ли: по акту творчества, Гоголь выше колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, кромѣ Гомера и Шекспира, съ которыми онъ равенъ, а по содержанію онъ не уступаетъ имъ, ergo съ Гомеромъ и Шекспиромъ онъ равенъ во всѣхъ отношеніяхъ, а съ другими европейскими поэтами онъ равенъ по содержанію и выше ихъ по акту творчества?.. Какъ вамъ угодно, а выходитъ такъ! Нашъ выводъ изъ вашихъ словъ, или вашихъ противорѣчій—все равно вѣренъ... Гдѣ же наши на васъ выдумки, лжи и клеветы?..

Актъ творчества дѣйствительно великая сила въ поэтѣ, какъ отвлеченная сообразительность въ математикѣ: противъ этого никто не споритъ и безъ ссылокъ на *über die aesthetische Erziehung* Шиллера, которое г. Константинъ Аксаковъ совѣтуетъ намъ прочесть хоть *во французскомъ переводѣ*, тонко намекая этимъ, что онъ знаетъ по-нѣмски, какъ будто для всякаго другого это рѣшитель-

ная невозможность. Безъ акта творчества нѣтъ поэта—это аксіома; но въ наше время мѣриломъ величія поэтовъ принимается не актъ творчества, а *идея*, вообще... Многія стихотворенія Гёне такъ хороши, что ихъ можно принять за Гётевскія, но Гёне, не смотря на то, все-таки ни́гдемъ передъ колоссальнымъ Гёте. Въ чемъ же ихъ разница? — въ идеѣ, въ содержаніи... „Иванъ Осодоровичъ Шпонька и его тетя“ по отношенію акта творчества, дѣйствительно не ниже шекспировскаго „Гамлета“; но не смотря на то, въ сравненіи съ „Гамлетомъ“ повѣсть Гоголя—абсолютное ничтожество, такъ, что даже есть что-то смѣшное въ какомъ бы то ни было сближеніи этихъ двухъ произведеній... Право такъ, г. Константинъ Аксаковъ!... Почти такъ же комически забавно и сближеніе „Мертвыхъ Душъ“ съ „Иліадою“... Дѣйствительно, Гоголь обладаетъ удивительною полнотою въ актѣ творчества, и эта полнота дѣйствительно можетъ служить ручательствомъ, что Гоголь могъ бы произвести колоссальныя созданія и со стороны содержанія, и несмотря на то, все-таки могъ бы не сравняться ни съ Гомеромъ ни съ Шекспиромъ, ни стать выше другихъ колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, если бы современная русская жизнь могла дать ему необходимое для такихъ созданій содержаніе... Мы именно въ томъ-то и видимъ великость и гениальность Гоголя, что онъ, своимъ артистическимъ инстинктомъ, вѣренъ дѣйствительности, и лучше хочетъ ограничиться, впрочемъ, великою задачею — объектировать современную дѣйствительность, внести свѣтъ въ мракъ ея, чѣмъ восхвалять на досугъ то, до чего никому, кромѣ художниковъ и дилетантовъ, нѣтъ никакого дѣла, или изображать русскую дѣйствительность такою, какой она никогда не бывала. Впрочемъ, кто знаетъ какъ еще раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ“... Намъ обѣщаютъ мужей и дѣвъ неслыханныхъ, какихъ еще не было въ мірѣ, и въ сравненіи съ которыми великіе нѣмецкіе люди (т. е. знаменитые европейцы) окажутся пустѣйшими людьми... Да; кто знаетъ, впрочемъ... можетъ быть, суда по этимъ обѣщаніямъ, г. Константинъ Аксаковъ и дождется

скоро оправданія нѣкоторыхъ изъ его фантазій... Тогда мы низко ему поклонимся и отъ души поздравимъ его... Но тутъ поръ—повторяемъ: въ томъ, что художническая дѣятельность Гоголя вѣрна дѣйствительности, мы видимъ черту геніальности.

Да, велика творческая сила фантазій Гоголя — мы въ этомъ согласны съ г. Константиномъ Аксаковымъ. Но почему она выше творческой силы фантазій великихъ европейскихъ поэтовъ — этого мы не понимаемъ. Мы даже имѣемъ дерзость думать, что непосредственность творчества у Гоголя имѣетъ свои границы, и что она иногда измѣняетъ ему, особенно тамъ, гдѣ въ немъ поэтъ сталкивается съ мыслителемъ, т. е. гдѣ дѣло касается идеи... Кстати: вѣдь эти идеи, кромѣ огромнаго таланта, или пожалуй, и генія, кромѣ естественной силы непосредственнаго творчества, требуютъ эрудиціи, интеллектуальнаго развитія, основаннаго на неслабomъ преслѣдованіи быстро-несущейся умственной жизни современнаго міра — именно того, чѣмъ такъ сильны и велики, наприм., Банронъ, Шиллеръ, Гёте, — эти идеи, заклятые враги безвыходно-замкнутой внутри себя жизни, враги умственного аскетизма, который заставляетъ поэтовъ закрывать глаза на все въ мірѣ, кромѣ самихъ себя... Что непосредственность творчества нерѣдко измѣняетъ Гоголю, или что Гоголь нерѣдко измѣняетъ непосредственность творчества, это ясно доказывается его повѣстями (еще въ „Вечерахъ на Хуторѣ“), „Вечеромъ наканунѣ Ивана Купала“ и „Страшною Местью“, изъ которыхъ ложное понятіе о народности въ искусствѣ сдѣлало какія-то уродливыя произведенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ превосходныхъ частныхъ, касающихся до проникнутаго юморомъ изображенія дѣйствительности. Но особенно это ясно изъ вполнѣ неудачной повѣсти „Портретъ“. Она была напечатана въ „Арабескахъ“ еще въ 1835 году; но, должно быть, чувствуя ея недостатки, Гоголь недавно передѣлалъ ее совсѣмъ. И что же вышло изъ этой передѣлки? Первая часть повѣсти, за немногими исключеніями, стала несравненно лучше, именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ изображе-

нии дѣйствительности (одна сцена квартальнаго, разсуждающаго о картинахъ Чарткова, сама-по-себѣ, отдѣльно взятая, есть уже гениальный эскизъ); но вся остальная половина повѣсти невыносимо дурна и со стороны главной мысли и со стороны подробностей. И что за мысль, напр., благонамѣренный, умный и благородный вельможа, жаркій патріотъ, дѣятельный покровитель искусствъ и наукъ въ отечествѣ, вдругъ, ни съ того ни съ сего, дѣлается обскурантомъ, злодѣемъ, гонителемъ просвѣщенія, отъ чего же? Отъ того, что взялъ денегъ займы у страшнаго ростовщика, у таинственнаго Грека!.. Дѣло какъ будто бы въ томъ, что займи этотъ вельможа у другого кого-нибудь, только бы не у этого Грека, онъ остался бы прежнимъ благороднымъ человѣкомъ... Итакъ, вотъ отъ какого фатализма зависитъ нравственность человѣка!.. Да помилуйте, такіа дѣтекія фантазмагоріи могли inflatъ и ужасать людей только въ невѣжественные средніе вѣка, а для насъ онѣ не занимательны и не страшны, просто смѣшны и скучны... И потомъ, что за подробности: на аукціонѣ художникъ Б. нашелъ мѣсто и время разсказывать исторію страшнаго портрета, и его всѣ заслушались, а портретъ между тѣмъ пропалъ... Итъ, *такое* исполненіе повѣсти не сдѣлало бы особенной чести самому незначительному дарованію. А мысль повѣсти была бы прекрасна, если бъ поэтъ понялъ ее въ *современномъ* духѣ. Въ Чартковѣ онъ хотѣлъ изобразить даровитаго художника, погубившаго свои таланты, а слѣдовательно и самого себя, жадностію къ деньгамъ и обаяніемъ мелкой извѣстности. И выполненіе этой мысли должно было бы быть просто, безъ фантастическихъ затѣй, на почвѣ ежедневной дѣйствительности: тогда Гоголь, съ своимъ талантомъ, создалъ бы нѣчто великое. Не нужно было бы приплетать тутъ и страшнаго портрета съ страшно-смотрящими живыми глазами (въ которомъ поэтъ, кажется, хотѣлъ выразить гибельныя слѣдствія копированія съ натуры, вмѣсто творческаго воспроизведенія съ натуры, и выразить черезчуръ затѣшливо, холодно и сухо-аллегорически); не нужно было бы ни ростовщика, ни аукціона,

ни многого, что поэтъ почелъ столь нужнымъ, именно отъ того, что отдаленъ отъ современнаго взгляда на жизнь и искусство. Это же доказываетъ и недавно напечатанная въ „Москвитинѣ“ статья „Римъ“, въ которой есть удивительно яркія и вѣрныя картины дѣйствительности, но въ которой есть и косые взгляды на Парижъ и близорукіе взгляды на Римъ, и — что всего неостыжимѣе въ Гоголь — есть фразы, папоминающія своею вычурною изысканностію языкъ Марлинскаго. Отчего это? Думаемъ, отъ того, что при богатствѣ современнаго содержанія и обыкновенный талантъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпнеть, а при одномъ актѣ творчества и гении наконецъ начинаетъ постепенно испускаться... Въ „Мертвыхъ Душахъ“, гдѣ Гоголь снова очутился на русской, а не на свронеиской почвѣ, и въ дѣйствительной, а не въ фантастической сферѣ, въ „Мертвыхъ Душахъ“ также есть, по крайней мѣрѣ, обмолвки противъ непосредственности творчества, и весьма важныя, хотя и не весьма многочисленныя: на стр. 261—266 поэтъ весьма неосновательно заставляеть Чичикова расфантазироваться о бытѣ простаго русскаго народа, при разсматриваніи реестра скупленныхъ имъ мертвыхъ душъ. Правда, это „фантазированіе“ есть одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы: оно исполнено глубины мысли и силы чувства, безконечной полноты и вмѣстѣ поразительной дѣйствительности: но тѣмъ менѣе идетъ оно къ Чичикову, человѣку гениальному въ смыслѣ плута-пріобрѣтателя, но совершенно пустому и ничтожному во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Здѣсь поэтъ явно отдалъ ему свои собственныя благороднѣйшія и чистѣйшія слезы, незримыя и невѣдомыя міру, свои глубокій, неполненный грустною любовью юморъ, и заставилъ его высказать то, что долженъ былъ выговорить отъ своего лица. Равнымъ образомъ, также мало идутъ къ Чичикову и его размышленія о Собакевичѣ, когда тотъ писалъ расписку: эти размышленія слишкомъ умны, благородны и гуманны; ихъ слѣдовало бы автору сказать отъ своего лица... Характеристика Британца съ его сердцеви́дѣніемъ и мудростію, Француза съ его недоуговѣч-

нымъ словомъ, также показываетъ только то, что авторъ не совсѣмъ хорошо знаетъ ни Британцевъ, ни Французовъ, ни Немцевъ, и что незнанію не поможетъ никакой актъ творчества. И между тѣмъ, Гоголь все-таки обладаетъ удивительною силою непосредственнаго творчества (въ смыслѣ способности воспроизводить каждый предметъ во всей полнотѣ его жизни, со всѣми его тончайшими особенностями); только эта сила у него имѣетъ свои границы и иногда измѣняетъ ему (чего *такими* образомъ, какъ у Гоголя, не случилось ни съ Гомеромъ, ни съ Шекспиромъ, ни съ Байрономъ, ни съ Шиллеромъ, ни даже съ Пушкинымъ, и что очень часто, и еще хуже, случалось съ Гёте въ слѣдствіе аскетическаго и антиобщественнаго духа этого поэта, съ которымъ все-таки нельзя смѣть равнять Гоголя). Но эта удивительная сила непосредственнаго творчества, которая составляетъ *пока еще* главную силу, высочайшее достоинство Гоголя, и посредствомъ которой, подобно волшебнику — властелину царства духовъ, вызывающему послушныя на голосъ его заклинанія безплотныя тѣни, — онъ неограниченный властелинъ царства прозрачной дѣйствительности самовластно вызываетъ передъ собой ея представителей, заставляя ихъ обнажить передъ нимъ такіе сокровенные изгибы ихъ натуръ, въ которыхъ они не сознались бы самимъ собою подъ страхомъ смертной казни, — эта то, говоримъ мы, удивительная сила непосредственнаго творчества, въ свою очередь, много вредитъ Гоголю. Она такъ сказать, *отводитъ ему* глаза отъ идей и нравственныхъ вопросовъ, которыми кипитъ современность, и заставляетъ его преимущественно устремлять вниманіе на факты и довольствоваться объективнымъ ихъ изображеніемъ. Въ „Отечеств. Запискахъ“ уже было замѣчено, что къ числу особенныхъ достоинствъ „Мертвыхъ Душъ“ принадлежитъ болѣе осязательное, чѣмъ въ прежнихъ сочиненіяхъ Гоголя, присутствіе субъективнаго начала, а слѣдовательно, и *рефлексіи*. Надо желать, чтобы это преобладаніе рефлексіи постепенно въ немъ усиливалось, хотя бы насчетъ акта творчества, изъ котораго такъ хлопочетъ г. Констан-

тинъ Аксаковъ. Гоголь въ своей эстетикѣ, въ особенную заслугу поставляетъ Шиллеру преобладаніе, въ его произведеніяхъ, рефлектирующаго элемента, называя это преобладаніе выраженіемъ духа новѣйшаго времени. Сравниваемъ г. Константину Аксакову прочесть это мѣсто въ подлинникѣ (мы вѣримъ его знанію нѣмецкаго языка) и поразмыслить о немъ. Безъ способности къ непосредственному творчеству, нѣтъ и быть не можетъ поэта—кто жъ этого не знаетъ? но когда человека называютъ поэтомъ, то уже необходимо предполагаютъ въ немъ эту способность, даже не говоря о ней, и обращая вниманіе на идею, на содержаніе. Если же эта способность въ поэтѣ слишкомъ сильна, то о ней тогда только толкуютъ и кричатъ, когда не видятъ въ немъ глубокаго содержанія. Говоря о Шекспирѣ, было бы странно восторгаться его умѣньемъ все представлять съ поразительною вѣрностью и истиною, вмѣсто того, чтобъ удивляться *значенію* и *смыслу*, которые его творческій разумъ даетъ образамъ его фантазіи. Въ живописцѣ, конечно, великое достоинство — умѣнье свободно владѣть кистью и повелѣвать красками, но это умѣнье еще не составляетъ великаго живописца. Идея, содержаніе, творческій разумъ—вотъ мѣрило для великихъ художниковъ.

Г. Константинъ Аксаковъ ставитъ въ великую заслугу Гоголю, что у него юморъ, выставя субъектъ, не уничтожающій дѣйствительности: да что же бы это быть за юморъ, если бы онъ уничтожалъ дѣйствительность? стоило ли бы тогда говорить о немъ? Г. Константинъ Аксаковъ говоритъ еще, что такого юмора онъ не нашелъ ни у кого, кромѣ Гоголя: вольно же было не поискать—авось либо и можно было найти. Не говоря уже о Шекспирѣ, напримѣръ, въ романѣ Сервантеса Донъ-Кихоть и Санчо Панса несколько не искажены: это лица живыя, дѣйствительныя; но, Боже мой! сколько юмору, и веселаго, и грустнаго, и спокойнаго, и ѣдкаго, въ изображеніи этихъ лицъ! Такихъ примѣровъ можно найти довольно. Что у Гоголя свой юморъ, и что этотъ юморъ составляетъ,

главную стихію его таланта, — это другое дѣло; противъ этого нельзя спорить.

Г. Константинъ Аксаковъ нашелъ, въ своей брошюрѣ, что Чичиковъ сливается съ субстанціей русскаго народа въ любви къ скорой ѣздѣ: мы надъ этимъ посмѣялись въ нашей рецензіи, и вотъ онъ опять упрекаетъ насъ въ искаженіи словъ его: онъ, видите, разумѣть не просто „скорую ѣзду“, но ѣзду на телѣгѣ и на тройкѣ лошадей. Виноваты — просмотрѣли, въ чемъ дѣло; но все-таки субстанціи русскаго народа не видимъ ни въ тройкѣ, ни въ телѣгѣ. Коляску четверней всѣ образованные Русскіе лучше любятъ, чѣмъ трясую телѣгу, на которой заставляютъ ѣздить только необходимость. Но желѣзную дорогу даже и необразованные Русскіе, т. е. мужички православные, теперь рѣшительно предпочитаютъ завитой телѣгѣ и тройкѣ: доказательство можно каждый день видѣть на царскосельской дорогѣ. Иначе и быть не можетъ: свѣтъ побѣдитъ тьму, просвѣщеніе побѣдитъ невежество, образованность побѣдитъ дикость, а желѣзными дорогами будутъ побѣждены телѣги и тройки. Пожалуй, иной субстанцію русскаго народа запрячетъ въ горшокъ со щами и кашею, или, вмѣсто бѣлужины, запечетъ ее въ кулебякѣ... Можно любить тяжелую, грубую, хотя и вкусную русскую кухню, — и однакожь не въ ней ощущать себя въ лонѣ русской національности... Г. Константинъ Аксаковъ отсылаетъ насъ къ страницамъ „Мертвыхъ Душъ“, гдѣ дѣйствительно, съ энтузіазмомъ описана тройка съ телѣгою: страницы эти мы читали не разъ; но онѣ намъ ничего не доказали, кромѣ ухарской, забубенной удалы и какой-то беззаботности простого русскаго народа въ дѣлѣ улучшеній... Ссылка на „Мертвыя Души“ еще не доказательство; мы сами глубоко уважаемъ, горячо любимъ великій талантъ Гоголя, но идолопоклонничать ни передъ кѣмъ не хотимъ; въ наше время идолопоклонство есть ребячество. г. Константинъ Аксаковъ!

Мы съ вами не ребята:

Зачѣмъ же мифыя чужія только святы!

Г. Константины Аксаковъ опять доказываетъ, что въ Маниловѣ есть своя сторона жизни: да кто же въ этомъ сомнѣвался, равно какъ и въ томъ, что и въ свинѣ, которая, роясь на дворѣ Коробочки, съѣла мимоходомъ цыпленка, есть своя сторона жизни? Она ѣсть и пьетъ—стало-быть живетъ; такъ можно ли думать, что не живетъ Маниловъ, который не только ѣсть и пьетъ, но еще и куритъ табакъ. и не только куритъ табакъ, но еще и фантазируетъ...

Вообще, видно, что сбившись съ прямого пути названіемъ „поэмы“, которое Гоголь далъ своему произведенію, г. Константины Аксаковъ готовъ находить прекрасными людьми всѣхъ изображенныхъ въ ней героевъ... Это, по его мнѣнію, значить понимать юморъ Гоголя... Что бы онъ ни говорилъ, но изъ тону и изъ всего въ его брошюрѣ видно, что онъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ видитъ русскую „Иліаду“. Это значить понять поэму Гоголя совершенно наизуворотъ. Всѣ эти Маниловы и подобные имъ забавны только въ книгѣ; въ дѣйствительности же избави Боже съ ними встрѣчаться.—а не встрѣчаться съ ними нельзя, потому что ихъ такъ довольно въ дѣйствительности, следовательно, они представители нѣкоторой ея части. Хороша же „Иліада“, героемъ которой дѣйствительность, имѣющая такихъ представителей!.. „Иліаду“ можетъ напоминать собою только такая поэма, содержаніемъ которой служить субстанціальная стихія національной жизни, со всѣмъ богатствомъ ея внутренняго содержанія, въ которой эта жизнь *полагается*, а не *отрицается*... Истинная критика „Мертвыхъ Душъ“ должна состоять не въ восторженныхъ крикахъ о Гомерѣ и Шекспирѣ, объ актѣ творчества, о достоинствахъ Манилова, о неиспорченной русской натурѣ Селифана, о тронкѣ и телѣхъ: нѣтъ, истинная критика должна раскрыть намъ поэму, которая состоитъ въ противорѣчій общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціальнымъ началомъ, доселѣ еще таинственнымъ, доселѣ еще неоткрывшимся собственному сознанію и неумовимымъ ни для какого опредѣленія. Потомъ критика

должна войти въ основы и причины этихъ формъ, должна рѣшить множество, повидному простыхъ, но въ сущности очень важныхъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: Отчего прекрасную блондинку разбранили до слезъ, когда она даже не понимала, за что ее бранить? Отчего весь губернский городъ N оказался и хорошо населеннымъ и люднымъ, когда сплетня насчетъ Чичикова получила свое начало отъ живого участія „пріятной во всѣхъ отношеніяхъ дамы“ и „просто — пріятной дамы?“ Отчего наружность Чичикова показалась „благонамѣренною“ губернатору и всѣмъ чиновникамъ города N? Что значить слово „благонамѣренный“ на чиновническомъ нарѣчій? Отчего авторъ поэмы необходимо принадлежностію длинной и скучной дороги почитаетъ не только холода (которые бываютъ на всякихъ дорогахъ), но и слякоть, грязь, починки, перебранки кузнецовъ и всякихъ дорожныхъ подлецовъ? Отчего Собакевичъ приписалъ Елизавету Воробья? Отчего прокурорскій кучеръ быть малый опытный, потому что правилъ одною рукою, а другую, засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина? Отчего сольвычегодскіе угостили на шире (а не въ лѣсу, при дорогѣ) устьемьсолескихъ на смерть, а сами отъ нихъ поехали крѣпкую ссадку на бока, подъ-микитки, и все это называли „пошлать немного?“ Много такихъ вопросовъ можно выставить. Знаемъ, что большинство почитетъ ихъ мелочными. Тѣмъ-то и велико созданіе „Мертвыя Души“, что въ немъ сокрыта и разанатомирована жизнь до мелочей, и мелочамъ этимъ придано общее значеніе. Конечно, какой-нибудь Иванъ Антоновичъ Кувшинное рыло, очень смѣшонъ въ книгѣ Гоголя и очень мелкое явленіе въ жизни, но если у васъ случится до него дѣло, такъ вы и смѣяться надъ нимъ потеряете охоту, да и мелкимъ его не наидете... Почему онъ такъ можетъ показаться важнымъ для васъ въ жизни — вотъ вопросъ!.. Гоголь гениально (пустяками и мелочами) пояснилъ танину, отчего изъ Чичикова вышелъ такого рода „пріобрѣтатель“; это-то и составляетъ его поэтическое величіе, а не мнимое сходство съ Гомерами и Шекспирами...

Г. Константинъ Аксаковъ ставить намъ въ вину, что мы вовсе пропустили слѣдующіи строки въ его брошюрѣ: „такіе тѣсные предѣлы не позволяютъ намъ сказать о многомъ, развить многое, и дать заранее полныя объясненія на недоумѣнія и вопросы, могущіе возникнуть при чтеніи нашей статьи. Но надѣемся, что они разрѣшатся сами собою“. Выписавъ эти строки, г. Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ: „Но у рецензента не было ни недоумѣній, ни вопросовъ; онъ сейчасъ рѣшительно не понималъ, въ чемъ дѣло“. Не правда, рѣшительная неправда, г. Константинъ Аксаковъ: брошюра ваша возбудила въ рецензентѣ сильное недоумѣніе касательно того, что въ ней говорится, возбудила вопросъ, какъ въ наше время могутъ являться въ свѣтъ подобныя фантазмагоріи празднаго воображенія и пустого философствованія; но онъ, рецензентъ, если не тотчасъ же, то очень скоро, понялъ въ чемъ дѣло, т. е., понялъ, что оно заключается только въ сильномъ желаніи отличиться чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ въ литературѣ... И такъ, надежда г. Константина Аксакова совершенно сбылась: дѣло его брошюры объяснилось само собою... А что тѣсные предѣлы статьи его не позволили ему много развить и заранее отвѣтить на вопросы (которые, видно, чуяло его сердце), — это уже не наша, а его вина. вольно же ему было избирать тѣсные предѣлы, вмѣсто обширныхъ...

Остальные пункты „объясненія“ г. Константина Аксакова состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Г. Константинъ Аксаковъ могъ бы доказать ясно, что „Отеч. Записки“ жестоко ошибаются, думая, что *пока* еще русскіи поэты не могутъ быть міровыми поэтами; но что онъ объ этомъ, *конечно*, съ петербургскими журналами говорить не будетъ; и что объ этомъ могутъ быть написаны цѣлыя сочиненія, книги, но тоже, *конечно*, ужь не для петербургскихъ журналовъ...

2. Возраженіе его, г. Константина Аксакова, не полно, однако пространнѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ; кто же хочетъ узнать дѣло лучше, тотъ можетъ снова прочесть брошюру,

которую онъ г. Константинъ Аксаковъ, готовъ (храбрая готовность!..) вновь повторить слово-отъ-слова. Затѣмъ онъ оставляетъ всѣ дальнѣйшія объясненія, не предполагая, чтобъ „Отечеств. Записки“ стали ему возражать (увы, не сбывшееся предположеніе!), и во всякомъ случаѣ отвѣчать болѣе не будетъ...

3. „Отечественныя Записки“, несмотря на ихъ несогласіе во мнѣніяхъ съ другими петербургскими журналами, въ сущности одно и то же съ ними...

Бѣдные петербургскіе журналы! погибли вы, погибли безвозвратно! Г. Константинъ Аксаковъ такъ глубоко презираетъ васъ, что и говорить съ вами не хочетъ... Великій Боже! за что же такая страшная кара на петербургскіе журналы?... Развѣ нельзя было опредѣлить менѣе тяжкаго наказанія!.. Но, позвольте; кто жъ онъ самъ, этотъ страшный, неумолимый г. Константинъ Аксаковъ, однимъ своимъ „да“ и „нѣтъ“ рѣшающій всѣ вопросы, на все и всему изрекающій приговоры? Неужели это тотъ самый г. Константинъ Аксаковъ, который въ разныхъ журналахъ, а въ числѣ ихъ и въ „Отечеств. Запискахъ“, напечаталъ нѣсколько переводовъ нѣмецкихъ стихотвореній, переводовъ частію довольно порядочныхъ, а частію и весьма плохихъ!.. Если такъ, то невольно спросишь: изъ какои же тучи этотъ громъ? да полно, изъ тучи ли еще онъ?..

Что же до нежеланія г. Константина Аксакова возражать далѣе, оно очень понятно: это ему теперь было бы и трудно, да и негдѣ (развѣ въ брошюрахъ): ибо какой же московскій журналъ захочетъ далѣе *принимать*, какъ говоритъ русская пословица, *въ чужомъ нору похмѣлье?*..

Что же, наконецъ, до тождества „Отеч. Записокъ“ съ другими петербургскими журналами: г. Константинъ Аксаковъ воленъ находить его. Можетъ быть, онъ это утверждаетъ и не съ досады, а по убѣжденію... Мы тоже, по глубокому убѣжденію, видимъ тождество между его брошюркою и знаменитою „критикою“ по поводу „Мертвыхъ Душъ“, въ которой Селифанъ сдѣланъ представителемъ испорченной русской натуры...

В. Бѣлинскій.

Всѣ литературные интересы, всѣ журнальные вопросы сосредоточены теперь на Гоголь. Можно сказать безъ преувеличенія, что „Мертвые Души“ оживили погруженную въ анацію современную русскую литературу. Большая часть журналовъ, по весьма понятнымъ причинамъ *сореволюціи* (ибо ихъ издатели сами романисты и повелители, словомъ „сочинители“), большая часть журналовъ, справедливо и основательно испугавшаяся успѣховъ поэмы Гоголя, употребляетъ всѣ среднія ей средства къ униженію перваго поэтического таланта въ современной русской литературѣ. Остальная часть журналовъ—или просто отдаетъ должную дань достоинству новаго творенія Гоголя, или, сверхъ того, принимаетъ на себя обязанность выводить на свѣжую воду нападателей. У насъ такъ немного журналовъ, что не нужно объяснять читателямъ, какой журналъ именно играетъ ту или другую роль въ отношеніи къ Гоголю, который, между тѣмъ, не читая русскихъ журналовъ, спокойно живетъ себѣ въ Римѣ, гдѣ была написана имъ первая часть „Мертвыхъ Душъ“ и гдѣ, вѣроятно, будетъ написано имъ еще не одно твореніе, долженствующее привести многихъ сочинителей въ совершенное отчаяніе, заранѣе возбуждающее самыя живыя опасенія за ихъ умственное здоровье. Въ предыдущей книжкѣ „Отеч. Записокъ“ мы говорили объ одной восторженной московской брошюрѣ, появившейся по поводу „Мертвыхъ Душъ“: кто знаетъ, не явится ли и еще нѣсколько брошюръ pro и contra? Таково свойство всего великаго, далеко выдающагося изъ - подъ уровня обыкновенности: оно производитъ движеніе, возбуждая и обожаніе и ненависть, восторженные рукоплесканія и ожесточенный крикъ, преувеличенныя похвалы и брань. И если что - нибудь можетъ вредить такому великому явленію въ литературѣ, такъ уже конечно исполненное дѣтскаго энтузіазма и дѣтской добродушной искренности удивленіе, виляющее въ твореніи не то великое, которое въ

*) „Отечественныя Записки“ 1842 г., т. 24, № 9 „Библиографическое извѣстіе“. Статья В. Бѣлинскаго.

немъ есть дѣйствительно, а то великое, котораго въ немъ совѣмъ нѣтъ. Что же касается до ожесточенной брани, — чѣмъ неосновательнѣе она, тѣмъ болѣе служить въ пользу и прославленію творенія, которое силится она унижить и загрязнить собою. „Герои Нашего Времени“ Лермонтова имѣлъ замѣчательный успѣхъ, какъ все что ни появляется въ Россіи, ознаменованное печатью высшаго таланта; но успѣхъ этого превосходнаго творенія былъ бы безъ сомнѣнія еще блестящѣе и прочнѣе, если бъ не имѣлъ несчастія нигдѣ не встрѣтить себѣ ожесточенныхъ нападокъ и если бъ не имѣлъ несчастія встрѣтить написанную слогомъ афинъ похвалу въ одномъ захолустьѣ газетной литературы, откуда бы и должны были раздаться хулительныя вопли оскорбленной самолюбивой посредственности. „Мертвыя Души“ избѣжали подобнаго несчастія, и зато успѣхъ ихъ напоминаетъ собою успѣхъ первыхъ произведеній Пушкина. Мы здѣсь разумѣемъ не матеріальный успѣхъ, хотя и достоверно знаемъ, что „Мертвыхъ Душъ“ скоро нельзя будетъ достать ни въ одной книжной лавкѣ, не смотря на то, что онѣ печатались въ большомъ числѣ экземпляровъ, — но успѣхъ нравственный, состоящій въ томъ, что „Мертвыя Души“ со дня па-денъ болѣе и болѣе раскрываются передъ глазами публики, во всей безконечности и глубокости ихъ идеальнаго значенія, со-дня на-день болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ себѣ почитателей приверженцевъ даже между людьми, не могшими оцѣнить ихъ сразу, при первомъ чтеніи и со-дня на-день болѣе и болѣе становятся живою новостію минуты, вмѣсто того, чтобъ постепенно отступать въ архивъ рѣшенныхъ дѣлъ и старыхъ, потерявшихъ свой интересъ новостей... Трудитесь же, почтенныя сочинители, пишите новыя брани на „Мертвыя Души“ и ихъ знаменитаго творца, чтобъ выше и выше еще становились они, и безъ васъ уже высоко ставшіе!..

Между тѣмъ, какъ „сочинители“ бранятъ „Мертвыя Души“ и Гоголя, а литераторы хвалятъ ихъ и спорятъ о нихъ, — что же дѣлаетъ русская читающая публика? — То же самое, что и всегда дѣлала она съ сочиненіями

Гоголя. Несмотря на незрѣлость образованія нашего общества, допускающую его иногда обольщаться и увлекаться мишурными явленіями, въ немъ есть какое-то чутье, которое замѣняетъ ему недостатокъ развитія, и которое составляетъ его окончательно становиться на сторонѣ только истинно-прекраснаго и великаго. „Вечеровъ на Хуторѣ“ разошлось два изданія; „Арабесокъ“ и „Миргорода“ уже нигдѣ нельзя достать; передъ выходомъ, весною нынѣшняго года, второго изданія „Ревизора“, за экземпляръ перваго желавшіе имѣть его платили по 25-ти рублей ассигнаціями. И теперь, чтобъ собрать все сочиненія Гоголя, такъ если бы можно было купить ихъ по объявленнымъ цѣнамъ, нужно заплатить *сорокъ три* рубля асс. („Вечера на Хуторѣ“, „Арабески“ и „Миргородъ“ — каждое сочиненіе по 12-ти рублей, и новое изданіе „Ревизора“ 7 рублей). Но и тутъ еще будете имѣть не все, если не приобрѣли того года „Современника“, въ которомъ напечатаны повѣсти „Носъ“ и „Коляска“, и драматическая сцена „Угро Дѣловаго Человѣка“, да „Москвитинина“ за нынѣшній годъ, гдѣ напечатанъ „Римъ“. — Итакъ, свѣдѣть русскую читающую публику, что это неудобство насчетъ приобретенія сочиненій ся любимаго писателя скоро будетъ устранено. Въ декабрѣ мѣсяцѣ текущаго года выйдетъ собраніе сочиненій Гоголя въ *четырехъ* томахъ, красиво и изящно изданныхъ. Въ *первомъ* томѣ войдутъ „Вечера на Хуторѣ“ въ двухъ частяхъ, съ предисловіемъ къ каждой, какъ было при второмъ ихъ изданіи. *Второй* томъ будетъ состоять изъ „Миргорода“, въ которомъ повѣсти: „Старосвѣтскіе Помѣщики“ и „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ напечатаны безъ всякихъ поправокъ и измѣненій; повѣсть „Внѣ“ съ исправленіями, а „Тарасъ Бульба“ совершенно переделанная, чуть не вдвое обширнѣе прежняго, ибо авторъ развилъ въ немъ многія подробности, о которыхъ въ первомъ изданіи только слегка было намекнуто, какъ, напримѣръ, любовь Андрея и прекрасной Польки и проч. Въ *третьемъ* томѣ, кромѣ повѣстей, помещенныхъ въ „Ара-

бескахъ“: — „Невскій Проспектъ“, „Записки Сумасшедшаго“ и „Портретъ“ (последняя совершенно передѣлана). — войдутъ помѣщенные въ „Современникѣ“ 1836 года повѣсти „Ночь“ и „Коляска“, напечатанныи въ „Москвитянинѣ“ эпизодическiи разсказъ „Римъ“ и новая еще нигдѣ не напечатанная повѣсть „Шинель“, одно изъ глубочайшихъ созданiй Гоголя. Въ *четырёхъ* томѣ помѣстятся: „Ревизоръ“, комедiя въ пяти актахъ, съ новыми противъ второго изданiя поправками автора и съ письмомъ его о первомъ представленiи этой пьесы; „Женитьба“, *новая комедiя* въ двухъ дѣйствiяхъ, нигдѣ не напечатанная; драматическiя сцены: „Утро Дѣловаго Человѣка“ (напечатанная въ „Современникѣ“), „Тяжба“, „Лакейская Сцена“, „Развѣздъ послѣ представленiя новой комедiи“, „Свѣтскiя Сцепы“, „Игроки“ (последнiя шесть еще нигдѣ не были напечатаны).

Всѣ изданiе заключить въ себѣ болѣе *ста* печатныхъ листовъ.

В. Бѣлинскiй.

Въ статьѣ „Взглядъ на современную русскую литературу (статья 2-я, сторона свѣтлая)“ С. Шевыревъ между прочимъ говоритъ о Гоголѣ:

*) Во главѣ молодого поколѣнiя прозаиковъ стоитъ *Гоголь*: также Малороссъ по происхожденiю, носящiи въ себѣ яркiе признаки южной природы, онъ отходитъ ото всѣхъ другихъ писателей незаемною оригинальностiю языка своего и становится рѣзкимъ особнякомъ между ними. У него тоже русская рѣчь прямо, не запинаясь, льется съ устъ на бумагу (видно, это особенный признакъ Малороссiянъ). Не ищите въ немъ качествъ отрицательныхъ слога. У него рѣчь слишкомъ покоряется могучей волѣ его воображенiя, и не любитъ узды грамматической. Но онъ довелъ ее до высшей степени колорита: Гоголь — нашъ первый живописецъ въ словѣ; его языкъ — кисть; его слова — безчисленныя яркiя краски на палитрѣ, то, чего вы никогда не ви-

*) „Москвитянинъ“ 1842 г., ч. 2-я, № 3. „Критика“.

таин, онъ изобразить вамъ словами такъ, что вы это какъ будто глазами увидите, а слѣпой могъ бы осязать и пальцами. Лицо ли человѣческое, одежда ли, ландшафтъ ли какого бы то ни было климата, небо ли съ его тысячеобразными отбѣнками, степь ли наша, тѣсная ли комнатка, цѣлый ли городъ, будь онъ нашъ вчерашній губернский, будь щегольской Парижъ, будь Римъ многовѣковный, покрытый темною пылью, на все у него есть краски, все и мелкое и великое забираетъ его всеобъемлющая, его широкая кисть. Не ищите, какъ мы сказали, правильнаго рисунка въ его слогахъ и даже періодъ: онъ рисуетъ прямо красками, какъ Венеціанецъ Тинторетто. Въ этой живописи Гоголева слога отзывается его природа южная. Не даромъ замѣчаютъ, что между живописцами нашими Малороссіяне особенно отличались колоритомъ. Не изъ этого ли свойства объясняется его неодолимое сочувствіе къ Италіи, которую полюбить онъ передъ всеми другими странами? Подъ ея благосклоннымъ небомъ живѣе горитъ воображеніе, яснѣе въ прозрачномъ воздухѣ самые дальніе образы, и кисть ярче схватываетъ все отбѣнки предметовъ.

Мы изобразили главный характеръ собственнаго Гоголева слога, но кромѣ того онъ владѣетъ еще чужимъ даромъ подслушивать устную рѣчь говорящаго русскаго человѣка и мѣнять ее по характеру, свойствамъ, мгновенному чувству лица, имъ выводимыхъ. Въ Ревизорѣ неистощима поэзія комическаго слога, вся эта яркая безмыслица увязной рѣчи, рисующей намъ какой-то безымянный городъ, получившій право дѣйствительнаго существованія посредствомъ Гоголевои кисти; Гоголь разговоромъ такъ же рисуетъ характеръ лица, какъ своимъ слогомъ предметы внѣшніе. Незваные критики осмѣливаются до сихъ поръ называть Ревизора фарсомъ, а фарсамъ дѣйствительнымъ даютъ хитрое имя милой и умной шутки. Никакой фарсъ не удержится долго на сценѣ, а то, что называютъ они шутками умныхъ людей, не должно и году существованія. Другіе критики, еще замысловатѣе, упрекаютъ Ревизора

въ неправильности слога: но, конечно, въ томъ виновать не Гоголь, что Городничій съ братією не читать еще грамматики Греча.

С. Шевыревъ.

*) **Ревизоръ**. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Соч. Н. Гоголя. Изд. 2-е, исправленное, съ приложеніями. М. въ тип. Н. Степанова. 1841 г. въ 8. 230 стран.

Сочинитель *Ревизора* представилъ намъ собою печальный примѣръ, какое зло могутъ причинить человѣку съ дарованіемъ духъ партій и хвалебные воли друзей, корыстныхъ прислужниковъ и той безмысленной толпы, которая является окрестъ людей съ дарованіемъ. Благодарить Бога надобно скорѣе за непріязнь, нежели за дружбу того народа, о которомъ говорилъ Пушкинъ:

Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!

Забавна, по. право, понятна молитва мусульманина, который ежедневно моляся: „О Магометъ! спаси меня отъ друзей моихъ, а съ непріятелями моими я и безъ тебя слажу!“

Никто не сомнѣвается въ дарованіи г. Гоголя и въ томъ, что у него есть свои безспорный участокъ въ области поэтическихъ созданій. Его участокъ — добродушная шутка; малороссійскій жаргъ, похожій нѣсколько на дарованіе г. Основьяненки, но отдѣльный и самобытный, хотя также заключающійся въ свойствахъ малороссіянъ. Въ шуткѣ своего рода, въ добродушномъ разсказѣ о Малороссіи, въ хитрой простотѣ взгляда на міръ и людей г. Гоголь превосходенъ, неподражаемъ. Какая прелесть его описаніе ссоры Ивана Ивановича, его „Старосвѣтскіе Помѣщики“, его изображеніе запорожскаго казацкаго быта въ Тарасѣ Бульбѣ (исключая тѣ мѣста, гдѣ запорожцы являются героями и смѣшаютъ каррикатурой на Донъ-Кихота), его исторія о носѣ, продажѣ коляски!

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1842 г., т. V, № 1, отд. III. „Критика“. Статья И. Полевого.

Такі и *Ревизоръ* его: фарсъ, который правится именно тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни развязки, ни опредѣленчыхъ характеровъ. Языкъ въ немъ неправильный, лица уродливые гротески, характеры китайскіи тѣни, происшествіе несбыточное и нелѣпое, по все вмѣстѣ уморительно смѣшно, какъ русская сказка о тѣжѣ ерша съ лецомъ, какъ повѣсть о Дурнѣ, какъ мало-россійская пѣсня:

Танцовала рыба съ ракомъ,
А петрушка съ постарнакомъ,
А цыбуля съ чеснокомъ...

Не подумайте, чтобы такіа созданія было легко писать, чтобы всякіи могъ писать ихъ. Для нихъ надобно дарованіе особенное, надобно родиться для нихъ, и притомъ еще часто то, что вамъ кажется произведеніемъ досуга, дѣломъ минуты, слѣдствіемъ веселаго расположенія духа, бываетъ трудомъ тяжелымъ, долговременнымъ, слѣдствіемъ грустнаго расположенія души, борьбою рѣзкихъ противоположностей.

Съ *Ревизоромъ* обошлись у насъ весьма несправедливо. Справедливо поступила только публика вообще, которая увлекается впечатлѣніемъ общимъ, безотчетнымъ, и почти никѣгда въ немъ не ошибается, но несправедливы были всѣ наши судьи и записные критики. Одни вздумали разбирать *Ревизора* по правиламъ драмы, чопорно оскорблѣлись его шутками и языкомъ, и сравнили его съ грязью. Другіе, напротивъ, минимые друзья автора, увидѣли въ *Ревизорѣ* что-то Шекспировское, превознесли его, прославили, и вышла та же исторія, какая была съ Озеровымъ. Досадно вспомнить, какія были при томъ побужденія къ неумѣреннымъ похваламъ, но если они были и искренны, за то ошибочны, и посмотрите, какое зло онѣ причинили: види осужденіе однихъ и похвалы другихъ, авторъ почелъ себя неумѣреннымъ гениемъ, не понялъ направленія своего дарованія, и вмѣсто того чтобы не браться за то, чего ему не дано, усилить дѣятельность въ томъ направленіи, которое пріобрѣло ему общее уваженіе и славу, вспомнить слова Сумарокова:

Слагай, къ чему тебя влечетъ твоя природа,
Лишь просвѣщеніе, писатель, дай уму,—

началь писать исторію, разсуждая о теоріи изящнаго, о художествахъ, принялся за фантастическіе, за патетическіе предметы, точно такъ, какъ Лафонтенъ и Бюффе доказывали, что онъ беретъ образцы у древнихъ классиковъ. Разумѣется, авторъ проигралъ свою тяжбу. Все, что здѣсь сказано, не выдумка наша и сказано не наобумъ: прочтите приложенное при первомъ изданіи *Ретизора* письмо автора, которое можно сохранить, какъ любопытную историческую черту и какъ матеріалъ для исторіи человѣческаго сердца. Развѣ Шекспиръ только могъ бы такъ писать о себѣ и о своихъ твореніяхъ, и такъ говорить о характерѣ своего Гамлета, какъ Гоголь говоритъ о характерѣ Хлестакова! И съ тѣмъ вмѣстѣ письмо это дышитъ такою добродушною поэтическою грустью...

Но скажутъ намъ, слѣдственно, чѣмъ же тутъ виноваты хвалители автора? Тѣмъ, что, не увлекли они самолюбія авторскаго въ ошибку, осужденія могли благотѣльно подействовать на автора и обратить его на прямой путь. Осужденія не губятъ никогда, а выхваленія часто и почти всегда губятъ насъ. Таковъ человѣкъ.

И какъ не имѣть столько уваженія къ самимъ себѣ, что изъ мелкаго расчета корысти не стыдился показать себя надувателями мыльных пузырей! Если же хваленія происходятъ отъ безотчетнаго увлеченія, какъ до такой степени не отдавать себѣ отчета въ своихъ понятіяхъ, не научиться изъ опытовъ прошлаго не повторять въ каждомъ поколѣніи одну и ту же *популярную* сказку!

Н. Полевой.

* * *

*) Трагедія или комедія, какъ и всякое художественное произведеніе, должна представлять собой особыя, замкну-

*) Изъ дѣлъ работы „Ретизора“, составляющихъ выдержку изъ критической статьи Валинскаго: „Горе отъ ума“ Комедія въ 4 дѣйствіяхъ.

тии въ самомъ себѣ міръ, т. е. должна имѣть единство дѣйствія, выходящее не изъ внѣшней формы, но изъ идеи, лежащей въ ея основаніи. Она не допускаетъ въ себя ни чуждыхъ своей идее элементовъ, ни внѣшнихъ толчковъ, которые бы помогали ходу дѣйствія, но развивается имманентно, т. е. изнутри самой себя, какъ дерево развивается изъ зерна. Поэтому всякая пьеса въ драматической формѣ, выполнѣ выражающая и выполнѣ исчерпывающая свою идею, цѣлая и оконченная въ художественномъ значеніи, т. е. представляющая собой отдѣльный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ, есть или трагедія, или комедія, смотря по сущности ея содержанія, но нисколько не смотря на ея объемъ и величину, хотя бы она простиралась не далѣе пяти страницъ. Такъ, напр., пьесы Пушкина: „Монархъ и Сальери“, „Скупой Рыцарь“, „Русалка“, „Борисъ Годуновъ“ и „Каменный Гость“—суть трагедіи во всемъ смыслѣ этого слова, какъ выражающія въ драматической формѣ идею торжества нравственнаго закона и представляющія, каждая въ отдѣльности, совершенно особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ комедія можетъ представлять собой особый замкнутый въ самомъ себѣ міръ, для чего бросимъ бѣлый взглядъ на высоко-художественное произведеніе въ этомъ родѣ, на комедію Гоголя „Ревизоръ“.

Въ основаніи „Ревизора“ лежитъ та же идея, что и въ „Ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“: въ томъ и другомъ произведеніи поэтъ выразилъ идею отрицанія жизни, идею призрачности, получившую подъ его художническимъ рѣзцомъ свою объективную дѣйствитель-

См. А. С. Гутъ-Воробъ, появившійся въ печати въ 1840 г. (см. „Отечеств. Записки“ 1840 г., № 1, стр. 1—36, отд. 5), и потому долженъ бы быть помѣщеннымъ въ первой части нашего сборника критическихъ статей о Н. В. Гоголѣ; но такъ какъ, при помѣщеніи первой части сборника, эта статья по недосмотру была пропущена, то, исправляя нашу ошибку, мы помѣстимъ ее въ настоящей книжкѣ, хотя этимъ нѣсколько и нарушимъ хронологическій порядокъ печатанія статей въ сборникѣ.

Примѣч. В. Зелинскаго.

ность. Разница между ними не въ основной идѣ, а въ индивидуальностяхъ и положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ второмъ произведеніи мы видимъ пустоту, лишённую всякой дѣятельности: въ „Ревизорѣ“ —пустоту, наполненную дѣятельностью мелкихъ страстей и мелкаго эгоизма. Чтобы произведенія его были художественны, т. е. представляли собой особыя, замкнутыя въ самомъ себѣ міры, онъ взялъ изъ жизни своихъ героевъ такой моментъ, въ которомъ сосредоточивалась вся цѣлостность ихъ жизни, ея значенія, сущность, идея, начало и конецъ: въ первомъ ссору двухъ пріятелей, во второмъ—ожиданіе и пріёмъ ревизора. Все чуждое этой ссорѣ и этому ожиданію и пріему ревизора не могло войти въ повѣсть и комедію, и та и другая начаты съ начала и кончены въ концѣ; намъ не нужно знать подробности цѣлства обоихъ друзей—враговъ, ни того, что было съ ними послѣ, какъ ихъ видѣлъ поэтъ: мы знаемъ это изъ повѣсти, потому что знаемъ этихъ героевъ съ головы до ногъ, знаемъ всю сущность ихъ жизни, вполне истощенную поэтомъ въ описаніи ихъ ссоры. Такъ точно, на что намъ знать подробности жизни горошничего до начала комедіи? Испо и безъ того, что онъ въ цѣлствѣ былъ ученъ на мѣдныя деньги, игралъ въ бабки, бѣгалъ по улицамъ, и какъ сталъ входить въ разумъ, то получилъ отъ отца уроки въ житейской мудрости, т. е. въ искусствѣ нагрѣвать руки и хоронить концы въ воду. Лишенный въ юности всякаго религіознаго, нравственнаго и общественнаго образованія, онъ получилъ въ наследство отъ отца и отъ окружающаго его міра слѣдующее правило вѣры и жизни: въ жизни надо быть счастливымъ, а для этого нужны деньги и чины, а для пріобрѣтенія ихъ — взяточничество, казнокрадство, низкопоклонничество и подличанье передъ властями, знатностью и богатствомъ, лманье и скотская грубость передъ низшими себя. Простая философія! Но замѣйте, что въ немъ это не развратъ, а его нравственное развитіе, его высшее понятіе о своихъ объективныхъ обязанностяхъ: онъ мужъ, слѣдовательно обязанъ прилично содержать жену; онъ отецъ, слѣдовательно долженъ дать хо-

реніе приданое за дочерью, чтобы доставить ей хорошую партію и тѣмъ, устроить ея благосостояніе, выполнить священныя долги отца. Онъ знаетъ, что средства его для достиженія этой цѣли грѣшны передъ Богомъ; но онъ знаетъ это отвлеченно, головою, а не сердцемъ, и онъ оправдываетъ себя простымъ правиломъ всѣхъ пошлыхъ людей: „не я первый, не я послѣдній, всѣ такъ дѣлаютъ“. Это практическое правило жизни такъ глубоко вкоренено въ немъ, что обратилось въ правило нравственности; онъ почелъ бы себя выскочкомъ, самолюбивымъ гордецомъ, еслибы, хотя позабывшись, повелъ себя честно въ продолженіе петѣли. Да оно и странно быть „выскочкой“: всѣ пальцы уставятся на васъ, всѣ голоса подымутся противъ васъ; нужна большая сила души и глубокіе корни нравственности, чтобы бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. И не Сквозинки-Дмухановскіе увлекаются могучимъ поворотомъ этой магической фразы „всѣ такъ дѣлаютъ“ и, какъ Молоху, приносятъ ей въ жертву и таланты, и силы души, и внѣшнее благосостояніе. Намъ городничинъ былъ не изъ бѣдныхъ отъ природы, и потому „всѣ такъ дѣлаютъ“ было слишкомъ достаточнымъ аргументомъ для успокоенія его мозолистою совѣсти; къ этому аргументу присоединился другой, еще сильнѣйшій для грубой и низкой души: „жена, дѣти, казеннаго жалованья не станетъ на чай и сахаръ“. Вотъ вамъ и весь Сквозинка-Дмухановскій до начала комедіи. Что касается до формъ, въ какихъ онъ выражался и проявлялся до того, онъ всѣ тѣ же, все его же, какъ и во время комедіи. Такъ же трудно понять, что съ нимъ было и по окончаніи комедіи, какъ онъ дожидъ свои вѣкъ. Художественная обрисовка характера въ томъ и состоитъ, что если онъ далъ вамъ познать въ извѣстныхъ моментъ своей жизни, вы уже сами можете разсказать всю его жизнь и до и послѣ этого момента. Конецъ „Ревизора“ сдѣланъ потому опять не произвольно, но вслѣдствіе самой разумной необходимости: онъ хотѣлъ показать намъ Сквозинка-Дмухановскаго всего, какъ онъ есть, и мы видѣли его всего, какъ онъ есть. Но тутъ скрывается еще другая, не менѣе

важная и глубокая причина, выходящая изъ сущности пьесы. Въ комедіи, какъ выраженіи случайностей, все должно выходить изъ идеи случайностей и призраковъ, и только чрезъ это получать свою необходимость; почтенный нашъ городничій жилъ и вращался въ мірѣ призраковъ, но какъ у него необходимо были свои понятія о дѣйствительности, хотя и отвлеченныя, и сверхъ того самый основательный страхъ дѣйствительности, извѣстный подъ именемъ уголовного суда, то и должно было выйти комическое столкновеніе, какъ ошибка естественнаго влеченія сердца къ воровству и плутнямъ съ страхомъ наказанія за воровство и плутни, страхомъ, который увеличивался еще и нѣкоторымъ безпокойствомъ совѣсти. У страха глаза велики, говоритъ мудрая русская пословица: удивительно ли, что глупый мальчишка, прометавшіеся въ дорогѣ, трактирные денди, были принять городничимъ за ревизора? Глубокая идея! Не грозная дѣйствительность, а призракъ, фантомъ или, лучше сказать, тѣнь отъ страха виновной совѣсти должны были наказать человѣка призраковъ. Городничій Гоголя не карикатура, не комическій фарсъ, не преувеличенная дѣйствительность и въ то же время нисколько не дуракъ, но по своему очень и очень умный человѣкъ, который въ своей сферѣ очень дѣйствителенъ, умѣетъ ловко взяться за дѣло—своровать и концы въ воду схоронить, подкупить взятку и задобрить опаснаго ему человѣка. Его приступы къ Хлестакову во второмъ актѣ — образецъ подъяческой дипломатіи. Итакъ конецъ комедіи долженъ совершиться тамъ, гдѣ городничій узнаетъ, что онъ былъ наказанъ призракомъ, и что ему еще предстоитъ наказаніе со стороны дѣйствительности, или, по крайней мѣрѣ, новыя хлопоты и убытки, чтобы увернуться отъ наказанія со стороны дѣйствительности. И потому приходъ жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прекрасно оканчиваетъ пьесу и сообщаетъ ей всю полноту и всю самостоятельность особаго, замкнутаго въ самомъ себѣ міра. Въ художественномъ произведеніи нѣтъ ничего произвольнаго и случайнаго, но все необходимо и логически вытекаетъ изъ его идеи. Каждое

лично въ немъ, способствуя развитію главной идеи, въ то же время есть и само себѣ цѣль, живетъ своею особой жизнью. Далѣе мы изъ „Ревизора“ разовьемъ подробно эту идею, а пока замѣтимъ мимоходомъ, что, вслѣдствіе этого взгляда на искусство, Мольеръ—такой же художникъ, какъ Гомеровъ Тирейсъ—красавецъ, и такъ же похожъ на Шекспира, какъ титулярный совѣтникъ Поприщинъ на Фердинанда VIII, короля испанскаго. Конечно, французы правы, что ставятъ Мольера выше Корнели и Расина: онъ дѣйствительно былъ человекъ съ большимъ талантомъ, съ неистощимой живостью и остротою французскаго ума; онъ истощилъ все богатство разнообразнаго французскаго языка, воспользовался всею его граціозною ирриностью для выраженія смѣшныхъ противорѣчій: онъ подмѣтилъ и вѣрно схватилъ многія черты своего времени. Но онъ великъ въ частностяхъ, а не въ цѣломъ: по его дѣйствующія лица не дѣйствительныя существа, а карикатуры, такъ же, какъ его произведенія—сатиры, а не комедіи, такъ же, какъ самъ онъ поэтъ мѣстами, а не художникъ, который, потому художникъ, что творитъ цѣлое, стройное знаніе, выросшее изъ одной идеи. Напримеръ, въ его „Скупомъ“, Гарпагонъ конечно хорошъ, какъ мастерски-написанная карикатура, но все прочія лица—резонеры, ходячія сентенціи о томъ, что скупость есть порокъ; ни одно изъ нихъ не живетъ своею жизнью и для самого себя, но все придуманы, чтобы лучше отбѣсить собой героя quasi-комедіи. То же и въ „Тартюфѣ“: все лица присочинены для главнаго, и самъ Тартюфъ такъ нехитеръ, что могъ обмануть только одного человека, и то потому, что этотъ одинъ—пошлый дуракъ. Завязка и развязка мнимыхъ комедій Мольера никогда не выходятъ изъ основной идеи и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ, но всега придумываются, какъ рама для картины, не создаются, какъ необходимая форма. Это оттого, что у него никогда не было идеи, и поэма для него никогда не была самою себѣ цѣль, но средство исправлять общество осмѣяніемъ пороковъ. Каконъ это художникъ!

Многіе находятъ странною натяжкой и фарсомъ ошибку

городничего, принявшаго Хлестакова за ревизора, тѣмъ болѣе, что городничій человекъ по своему очень уменъ, т. е. плутъ перваго разряда... Странное мнѣніе, или, лучше сказать, странная слѣпота, не допускающая видѣть очевидность! Причина этого заключается въ томъ, что у каждаго человека есть два зрѣнія—физическое, которому доступна только внѣшняя очевидность, и духовное, проникающее внутреннюю очевидность, какъ необходимость, вытекающую изъ сущности идеи. Вотъ, когда у человека есть только физическое зрѣніе, а онъ смотритъ имъ на внутреннюю очевидность, то и естественно, что ошибка городничаго ему кажется патыжкомъ и фарсомъ. Представьте себѣ ворышкучинчика такого, какимъ вы знаете почтеннаго Сквозника-Дмухановскаго: ему видѣлись во снѣ двѣ какія-то необыкновенныя крысы, какихъ онъ никогда не видывалъ, черныя, неестественной величины—пришли, пошухали и пошли прочь. Важность этого сна для послѣдующихъ событій была уже кѣмъ-то очень вѣрно замѣчена. Въ самомъ дѣлѣ, обратите на него все ваше вниманіе: имъ открывается цѣль призраковъ, составляющихъ дѣйствительность комедіи. Для человека съ такимъ образованіемъ, какъ нашъ городничій, сны—мистическая сторона жизни, и чѣмъ она несвязнѣе и безсмысленнѣе, тѣмъ для него имѣютъ большее и таинственнѣйшее значеніе. Если бы послѣ этого сна ничего важнаго не случилось, онъ могъ бы и забыть его; но какъ нарочно на другой день онъ получаетъ отъ пріятеля уведомленіе, что „отправился некогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ губерніи все, относящееся по части гражданскаго управленія“. Сонъ въ руку! Сувѣріе еще болѣе запугивается и безъ того запуганную совѣсть; совѣсть усиливаетъ сувѣріе. Обратите особенное вниманіе на слова „некогнито“ и „съ секретнымъ предписаніемъ“. Петербургъ есть таинственная страна для нашего городничаго, міръ фантастическій, котораго формъ онъ не можетъ и не умѣетъ себѣ представить. Нововведенія въ юридическую сферу, грозяція уголовнымъ судомъ и ссылкой за взяточничество и казно-

кратство, еще болѣе усугубляютъ для него фантастическую сторону Петербурга. Онъ уже допытывается у своего воображенія, какъ придетъ ревизоръ, чѣмъ онъ прикинется и какія нули онъ будетъ отливать, чтобы развѣдать правду. Слѣдуютъ толки у честной компаніи объ этомъ предметѣ. Судья-собачникъ, который беретъ взятки борзыми щенками, и потому не боится суда, который на своемъ вѣку прочелъ пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодумецъ, находятъ причину присылки ревизора достойную своего глубокомыслія и начитанности, говоря, что „Россія хочетъ вести войну, и потому министерія парочно отправляетъ чиновника, чтобы узнать, пѣтъ ли гдѣ измѣны“. Городничій понявъ нелѣпость этого предположенія и отвѣчаетъ: „Гдѣ нашему уѣздному городничь? Еслибъ онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ - нибудь возможно предположить, а то стоитъ чортъ знать гдѣ — въ глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не дойдешь“. За симъ онъ даетъ совѣтъ своимъ сослуживцамъ быть поосторожнѣе и быть готовыми къ пріѣзду ревизора; вооружается противъ мысли о грѣшкахъ, т. е. взяткахъ, говоря, что „пѣтъ человека, который бы не имѣлъ за собой какихъ - нибудь грѣховъ“, что „это уже такъ самимъ Богомъ устроено“, и что „вольтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ“; слѣдуетъ маленькая перебранка съ судьей о значеніи взятокъ; продолженіе совѣтовъ; ропотъ противъ проклятаго инкогнито. „Вдругъ заглазеть: а! вы здѣсь, голубчики! А кто скажетъ, здѣсь судья? — Тяпкинь-Іянкинь. А подать сюда Тяпкина - Іянкина! А кто понечитель богоугодныхъ заведеній? — Земляника. — А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!“... Въ самомъ дѣлѣ, худо! Входитъ наивный почтменстеръ, который любитъ распечатывать чужія письма, въ надеждѣ найти въ нихъ разныя этакіе пассажи... назидательные даже... лучше, нежели въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Городничій даетъ ему плутовскіе совѣты „немножко распечатывать и прочитывать всякое письмо, чтобы узнать — не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія, или просто перепiski“. Какая глубина въ изображеніи! Вы ду-

маете, что фраза „или просто переписки“ бессмыслица, или фарсъ со стороны поэта: нѣтъ, это неумѣніе городничаго выражаться, какъ скоро онъ хоть немного выходитъ изъ родныхъ сферъ своей жизни. И таковъ языкъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи! Наивный почтмейстеръ, не понимая въ чемъ дѣло, говоритъ, что онъ и такъ это дѣлаетъ. „И радъ, что вы это дѣлаете“, отвѣчаетъ плутъ-городничій простяку почтмейстеру: „это въ жизни хорошо“, и видя, что съ нимъ обиняками немного возьмешь, напрямки проситъ его — всякое извѣстіе доставлять къ нему, а жалобу или донесеніе просто задерживать. Судья потяуетъ его собаченко, но онъ отвѣчаетъ, что ему теперь не до собакъ и зайцевъ: „У меня въ ушахъ только и слышно, что никогнисто проклятое; такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ“...

И въ самомъ дѣлѣ, двери отворяются съ шумомъ, и вбѣгаютъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій и Добчинскій. Это городскіе шуты, уѣздные сплетники; ихъ всѣ знаютъ, какъ дураковъ, и обходятся съ ними или съ видомъ презрѣнія, или съ видомъ покровительства. Они безсознательно это чувствуютъ, и потому изъ всей мочи передъ всѣми подличаютъ, и чтобы только ихъ терпѣли, какъ собакъ и кошекъ въ комнатѣ, всѣмъ подслуживаются новостями и сплетнями, составляющими субъективную, объективную и абсолютную жизнь уѣздныхъ городковъ. Вообще съ ними обращаются безъ чиновъ, какъ съ собаками и кошками: надѣлать — выгоняютъ. Ихъ дни проходятъ въ шатаньи и собираньи новостей и сплетней. Обогащаясь подобной паходкой, они вдругъ вырастаютъ сознаниемъ своей важности и уже бѣгутъ къ знакомымъ смѣло, въ увѣренности хорошаго пріема.

„Чрезвычайное происшествіе!“ кричитъ Бобчинскій. „Неожиданное извѣстіе!“ восклицаетъ Добчинскій, вбѣгая въ комнату городничаго, гдѣ всѣ настроены на одинъ ладъ, а особливо самъ городничій весь сосредоточенъ на идее фике. „Что такое?“ — Приходитъ въ гостиницу — восклицаетъ Добчинскій. Приходимъ въ гостиницу — перебиваетъ его Бобчинскій. Начинается рассказъ самый обстоятельный,

самии подробнии, отъ начала до конца: зачѣмъ пошли въ гостиницу, гдѣ, какъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ, словомъ, по всемъ правиламъ тониковъ или общихъ мѣстъ старинныхъ реторикъ. Чужаки перебиваютъ другъ друга: каждому хочется насладиться своею важностью, быть центромъ общаго вниманія, а вмѣстѣ и занять себя, наполнить свою пустоту пустымъ содержаніемъ. Забавнѣе всего то, что имъ самимъ хочется какъ можно скорѣе добраться до эффектнаго конца, а между тѣмъ и хочется продолжить свое торжество и разсказать все сначала и подробнѣе. Бобчинскій овладѣваетъ разсказомъ, говоря, что у Добчинскаго „и зубъ со свистомъ, и слова такого нѣту“, и Добчинскому остается только помогать жестами разсказу счастливаго Бобчинскаго, нѣрѣдка обилать его нѣкоторыми фразами, которыя тотъ снова перехватываетъ и продолжаетъ свой разсказъ. Наконецъ дошли до „молодого человѣка педурной наружности въ партикулярномъ платьѣ“. Представьте себѣ, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ „молодой человѣкъ педурной наружности въ партикулярномъ платьѣ“ на воображеніе горошинчата, уже бѣдъ того настроенное ожиданіемъ проклятаго „никогнито“! И вотъ, наконецъ, Бобчинскій передаетъ повѣщеніе трактирника Власа: „Молодой человѣкъ, чиновникъ, флутинъ изъ Петербурга—Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли ѣздить, дальше не ѣдетъ, забирать все на счетъ и теперь хоть бы конѣлку заплатилъ“. Слѣдуетъ остроумная смѣлка провинцальнаго Бобчинскаго: съ какою стати силѣнъ ему зѣбрь, когда ему дорога лежить Божь знаетъ куда—въ Саратовскую губернію? Это вѣрно не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ“. Не естественъ ли послѣ этого ужасъ горошинчата?

Горошинчатъ. Что ты говоришь? не можетъ быть! Да нѣтъ, это такъ такъ показалось. Это кто-нибудь другой.

Бобчинскій. Помилуйте, какъ не оны! И денегъ не платилъ, и не ѣдетъ—кому же быть, какъ не ему? И съ какою стати жилъ бы оны зѣбрь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ.

Понимаете-ли вы хотя въ возможности эту чудную логику, эти резоны, эти доводы? на какихъ законахъ разума основаны они? Вотъ онъ — вотъ источникъ комическаго и смѣшнаго! Видите-ли вы, какая драма, какое столкновеніе противоположныхъ интересовъ, протекающихъ изъ характеровъ дѣствующихъ лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній, выразилось въ этихъ двухъ монологахъ! Городничій уже вѣрить страшному извѣстію, и какъ утопающій хватается за соломинку, такъ онъ пустымъ вопросомъ хочетъ какъ бы оттянуть на время сознаніе горькой истины, чтобы дать себѣ время опомниться; Бѣчинскій, напротивъ, всѣми силами старается поддержать и въ другихъ и въ самомъ себѣ увѣренность въ справедливости извѣстія, которое вдругъ приняло ему такую важность. Да, въ этой комедіи нѣтъ ни одного слова, строгой и непреклонной необходимости котораго нельзя бы было доказать изъ самой сущности идеи и дѣйствительности характеровъ. Но вотъ Бѣчинскій, по тѣмъ же причинамъ, какъ и его достойный другъ, и съ такою же основательностью и очевидностью подаетъ голось о несомнѣнности факта:

„Онъ, онъ! . ей-Богу, онъ! . Я ставлю Богъ знаетъ что. . Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ и по угламъ весть, и даже заглянулъ въ тарелки наши полюбопытствовать, чѣмъ тамъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани“...

Послѣ такого довода нѣтъ болѣе сомнѣнія! Такой наблюдательный, что даже въ тарелки заглядывать! Боже мой, да еслибы въ эту минуту бѣдному городничему сказали о наблюдательности его кучера, онъ принялъ бы его за ревизора, отличительнымъ признакомъ котораго въ его испуганномъ воображеніи непременно должна быть наблюдательность...

Видите ли, съ какимъ искусствомъ портъ умѣлъ завязать эту драматическую нитку въ душѣ человѣка, съ какою поразительной очевидностью умѣлъ онъ представить необходимость ошибки городничаго? Если и теперь не видите — перечтите комедію нашъ, что еще лучше — посмотрите ее на сценѣ; если и тутъ не увидите — такъ это уже вина

вашего зрѣнія, а мы не беремъ на себя трудной обязанности научить слѣпного безошибочно судить о цвѣтахъ. Если нужны еще показательства, не изъ сущности идеи произведенія почерпнутыя, а внѣшнія, практическія, разсудочныя и резонерскія, безъ которыхъ многіе люди ничего не понимаютъ, замѣтимъ имъ, что подобныя случаи часто бываютъ въ жизни: сосредоточьтесь на идеѣ, отъ которой зависитъ ваша участь, — вы начнете говорить о ней съ первымъ встрѣчнымъ на улицѣ, припавъ его за своего пріятеля, къ которому вы шли говорить о ней. Но крайней мѣрѣ, это очень возможно.

Пропускаемъ остальную половину перваго акта — отчаяніе городничаго при мысли, что ревизоръ въ полторы недѣли могъ узнать о невинно-высѣченной имъ унтеръ-офицерской женѣ, о покражѣ у арестантовъ провизіи, о нечистотѣ на улицахъ; его радость при мысли, что ревизоръ — молодой человѣкъ; его распоряженія: сцену съ квартальными; просьбу Добчинскаго взять его съ собой или хотя позволить „бѣжать за дрожками пѣтушкомъ, пѣтушкомъ“, чтобы только посмотреть въ щелочку: „такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ .. больше сущность и поступки его, а я ничего“; замѣчаніе городничаго квартальному, что онъ „не по чину берегъ“; сцену съ частнымъ приставомъ, дошедшимъ о квартальномъ Держимордѣ, который поѣхалъ, по случаю драки, для порядка, и воротился пьянъ; дальнѣйшія распоряженія городничаго; его животныя переходы отъ раскаянія къ ругательствамъ на купцовъ, не предлагавшихъ подарить ему новой шпаги, хотя и видѣли, что старая уже не годится; его обѣщаніе поставить такую свѣчу, какой никто еще не ставилъ, и угрозу „на каждаго бестіюкунца наложить по три пуда воска“, когда бѣда минетъ; сцену Анны Андреевны, разспрашивающей мужа за дверью о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; брань ея на дочь, которая своей кокетливостью при туалетѣ лишила ее возможности поскорѣе разузнать о ревизорѣ; эту шкировку съ дочерью, въ которой облеклая кокетка уѣзднаго города представляется какъ бы видящей въ молодомъ

дочери свою соперницу; скажемъ коротко, что во всемъ этомъ, какъ и въ предшествовавшимъ, поэтъ остался вѣрнъ своимъ идеѣ, не измѣнилъ ей ни словомъ ни чертою; что все это больше нежели портретъ или зеркало дѣйствительности, но болѣе походить на дѣйствительность, нежели дѣйствительность походить сама на себя, ибо все это художественная дѣйствительность, замыкающая въ себѣ всѣ частныя явленія подобной дѣйствительности...

Передъ вами Осипъ — герой лакезской природы, представитель цѣлаго рода безчисленныхъ явленій, изъ которыхъ онъ ни на что не похожъ, какъ двѣ капли воды, но изъ которыхъ каждое похоже на него, какъ двѣ капли воды. Въ своемъ большомъ монолוגѣ, гдѣ между прочимъ читаетъ онъ правоученіе самому себѣ для своего барина, онъ высказываетъ всего себя, свои отношенія къ барину и наконецъ самого барина. Вы видите деревенскаго слугу, который, проживъ въ Петербургѣ, постигъ достоинство столичной жизни и галантерейнаго обращенія, но, по слову вицѣ „сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ“, предпочитаетъ мирную деревенскую жизнь тревоженіямъ столицы, въ которой худо безъ денегъ, иной разъ славно набѣхся, а въ другой — чуть не лопнешь съ голода. Въ истинно-художественномъ произведеніи всегда видно, какъ взаимныя отношенія персонажей дѣйствуютъ на самыя ихъ характеры, и потому вамъ тотчасъ станетъ ясно, что Осипъ — грубіанъ столько же по натурѣ, сколько и по презрѣнію къ своему барину, котораго глупость онъ понимаетъ по своему. Этотъ баринъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустынными. Онъ — франтъ и щеголь, потому что дуракъ и столичный житель; глупы скорѣе всего перенимаютъ внѣшнія стороны высшей ихъ жизни. Отецъ содержитъ его прилично, но онъ мотаетъ батюшкины денежки, чтобы наполнить свою пустоту, занять свою праздность и удовлетворить мелкому тщеславію, а потомъ спускаетъ платье на рынокъ до новой присылки денегъ. „Онъ дѣйствуетъ и говоритъ безъ всякаго соображенія: не въ состояніи остановить постоянного вниманія

на какой-нибудь мысли; рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ совершенно неожиданно“. Онъ слышалъ, что есть на свѣтѣ вещь, которая называется литературою, и въ его пустой головѣ въ безпорядкѣ улеглись имена сочиненій и названіе журналовъ и сочинителей: Брамбеусъ и Смирдинъ, „Библіотека для Чтенія“ и „Сумбека“, „Юрій Милославскій“ и „Фанелла“. Онъ — денди не по одному модному платью, но и по манерамъ, денди трактирный, одна изъ тѣхъ фигуръ, которая красуется на вывѣскахъ московскихъ трактировъ, цирюленъ и портныхъ. Въ Пензѣ его обиграла начистую пѣхотнымъ капитанъ: онъ за это досадуетъ на случай и несчастье, но не на капитана, къ которому онъ благоговѣетъ, какъ дилетантъ къ художнику, потому что, „что ни говори, а удивительно, бестія, шtosъ срѣзываетъ: всего какихъ-нибудь четверть часа посиѣлъ и все обообразъ — славно играть!“ Великое достоинство въ его глазахъ!

Посмотрите, какъ робко и какими косвенными вопросами хочетъ онъ узнать отъ Осипа, есть ли у нихъ табакъ: о, онъ боится его правоученій и его грубости! Посмотрите, какъ онъ подличаетъ перестъ трактирнымъ прислужникомъ, спрашиваетъ о его здоровьи и о числѣ прѣзжающихъ въ ихъ трактиръ, и какъ ласково проситъ его поторопиться принести обѣдать! Какая сцена, какія положенія, какой языкъ! Гдѣ подсмотрѣлъ, гдѣ подслушалъ поэтъ сцены и этотъ языкъ? И почему только одинъ онъ такъ подсмотрѣлъ и такъ подслушалъ? Можетъ быть потому, что онъ подсматривалъ и подслушивалъ какъ и всѣ, то есть, не подсматривая и не подслушивая, да въ фантазіи то его это отразилось не такъ, какъ у всѣхъ. А всѣ и эти всѣ — тоже поэты и художники, и какъ блины пекутъ и трагедіи, и драмы, и оперы, и комедіи, и водевили...

Входитъ Осипъ и говоритъ барину, что „тамъ чего-то прѣѣхалъ городничій, освѣдомляется и спрашиваетъ о васъ“, — новое комическое столкновение! У Хлестакова воображеніе настроено на мысли о жалобѣ трактирщика, о тюрьмѣ... Онъ испугался тюрьмы, но утѣшился мыслью, что если

повесть его туда благороднымъ образомъ, то ничего; но мысль о двухъ купеческихъ дочеряхъ и офицерахъ, которыхъ онъ видѣлъ на улицѣ, снова приводитъ его въ отчаяніе... Можете представить, въ какой настроенности его воображенія входитъ къ нему городничій... Въ высшей степени комическое положеніе!.. Но мы пропускаемъ эту превосходную сцену—она говоритъ сама за себя, а для кого она нѣма, тѣмъ немного помогутъ наши толкованія. Скажемъ только, что въ этой сценѣ городничій является во всемъ своемъ блескѣ: съ одной стороны, какъ чуждый фантастическому для него понятію петербургскаго чиновника и весь сосредоточенный на мысли о „проклятомъ инкогнито“, онъ все глупости Хлестакова принимаетъ за тонкія шутки, а съ другой—предовко и прехитро выкидываетъ свои тонкія шутки и улаживаетъ дѣло.

Третье дѣйствіе, а Анна Андреевна все еще у окна съ своею дочерью, въ высшей степени комическая черта! Тутъ не одно праздное любопытство пустой женщины: ре-визоръ молодецъ, а она кокетка, если не больше... Дочь говоритъ, что кто-то идетъ—мать сердится: „Гдѣ идетъ? у тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи; ну, да, идетъ“. Потомъ вопросъ, кто идетъ: дочь говоритъ, что это Добчинскій—мать опять не соглашается и опять упрямается дочь ни въ чемъ: „Какой Добчинскій? тебѣ всегда вдругъ воображится какое-то! совсѣмъ не Добчинскій. Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!“ Наконецъ обѣ разглядываютъ; дочь говоритъ: „А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій!“ Мать отвѣчаетъ: „Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу изъ чего же ты споришь!“ Можно ли лучше поддержать достоинство матери, какъ не быть всегда правой передъ дочерью и не дѣлая всегда дочь виноватою предъ собою? Какая сложность элементовъ выражена въ этой сценѣ: уѣздная барыня, устарѣлая кокетка, смѣливая мать! Сколько отысковъ въ каждомъ ея словѣ, какъ значительно, необходимо каждое ея слово! Вотъ что значитъ проникать въ таинственную глубину организаціи предмета, и во внешность выводить то, что кроется въ самыхъ недоступныхъ для зрѣнія тка-

няхъ и первахъ внутренней организаціи! Поэтъ заставляетъ насъ сквозь видѣть эти характеры и внутри находить причины всего видимаго, являющагося. Сцена Анны Андреевны съ Добчинскимъ: та и другая является тутъ во всей своей призрачности. Она спрашиваетъ его, тотъ ли это ревизоръ, о которомъ уведомляли ея мужа. „Настоящій; я это первымъ открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ“. Потомъ онъ пересказываетъ свиданіе городничаго съ Хлестаковымъ такъ, какъ оно отразилось въ его понятіи и какъ должно было отразиться въ понятіи городничаго, и заключаетъ, что онъ тоже „перетрухнулъ немножко“. „Да вамъ то чего бояться — вѣдь вы не служите?“ спрашиваетъ она его. „..Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, то чувствуешь страхъ“, отвѣчалъ просто. На вопросъ городничихи о наружности ревизора, онъ его описываетъ такъ, какъ онъ отразился въ его узкой головѣ: Молодой, молодой человѣкъ: лѣтъ двадцати-трехъ; а говорить совершенно какъ старикъ. Извольте, говорить, я поѣду и туда, и туда . (размахиваетъ руками) такъ это все славно“. Видите ли въ этихъ безсмысленныхъ словахъ немощно-идіотское неумѣніе отнать себѣ отчетъ въ собственномъ впечатлѣніи и выразить его словомъ? Далѣе: „И, говорить, и написать, и почитать люблю, но мнѣ кажется, что въ комнатѣ, говорить, немножко темно“. Видите ли изъ этого, что чѣмъ Хлестаковъ былъ пошлѣе, безсвязнѣе въ своихъ фразахъ, трактирнѣе въ своихъ манерахъ, тѣмъ большее припадалъ онъ себѣ значеніе не только въ глазахъ Добчинскаго, но и самого городничаго? Есть люди, которые почитаютъ въ книгахъ глубокимъ и мудрымъ все, чего они не понимаютъ; привеште къ нимъ какого нибудь глупаго или ловкаго мистификатора, какъ автора этой умной книжки: чѣмъ нелѣпѣе онъ будетъ выражаться, тѣмъ больше они будутъ ему удивляться. Для городничаго ревизоръ былъ слишкомъ премудрой книгой. Потому уже только, что онъ ревизоръ съ этой точки зрѣнія его трудно было свинуть, и потому все, что Хлестаковъ ни прѣлъ постѣ къ ясной своей невыгодѣ, только еще

болѣе поддерживало городничаго въ его заблужденіи, вмѣсто того чтобы вывести изъ него и открыть ему глаза.

Сцена матери и дочери, совѣтующихся о туалетѣ, чтобы ихъ не осмѣяла какая-нибудь „столичная штучка“, и споръ о палевомъ платьѣ, которое, по мнѣнію матери, къ лицу ей, такъ какъ у ней самыя темныя глаза, потому что „она и гадасть всегда па трѣфовую даму“, и возраженіе дочери, „что къ ней не идетъ цвѣтное платье, потому что она больше червоная дама“ — эта сцена и этотъ споръ окончательно и рѣзкими чертами обрисовываетъ сущность, характеры и взаимныя отношенія матери и дочери, такъ что послѣдующее уже нисколько не удивляетъ въ нихъ васъ, какъ не удивляетъ сумма четырехъ, вышедшая изъ умноженія двухъ на два. Вотъ въ этомъ-то состоитъ типизмъ изображенія: поэтъ беретъ самыя рѣзкія, самыя характеристическія черты живописуемыхъ лицъ, выпуская все случайныя, которыя не способствуютъ къ отпѣшенію ихъ индивидуальности. Но онъ выбираетъ не по сортировкѣ, не по соображенію и сличенію болѣе годныхъ съ менѣе годными. Онъ даже и не думаетъ, не заботится объ этомъ. Но все это выходитъ у него само собою, потому что изображаемая имъ на бумагѣ лица прежде всего изобразились у него въ фантазій, и изобразились во всей полнотѣ своей и цѣлости, со всѣми родовыми примѣтами, отъ цвѣта волосъ до родимаго пятнышка на лицѣ, отъ звука голоса до покроя платья. Положить ихъ на бумагу — для него уже актъ второстепенный, почти механическій трудъ. И посмотрите, какъ легко у него все выходитъ: въ этой коротенькой, какъ бы слегка и небрежно наброшенной сценѣ вы видите прошедшее, настоящее и будущее, всю исторію двухъ женщинъ, а между тѣмъ она вся состоитъ изъ спора о платьѣ, и вся какъ бы мимоходомъ и печально вырвалась изъ-подъ пера поэта!..

Сценка явленія Хлестакова въ домъ городничаго въ сопровожденіи свиты изъ городского чиновничества и самого Сквозника-Дмухановскаго, представленіе Анны Андреевны и Марьи Антоновны, любезничанье и вранье Хлестакова

каждое слово, каждая черта во всемъ этомъ, общность и характеръ всего этого—торжество искусства, чудная картина, написанная великимъ мастеромъ, никогда нежданное, никѣмъ не подозрѣвавшееся изображеніе вѣрни видѣнаго, вѣрн знакомаго, и, несмотря на то, вѣрн удивившаго и поразившаго своей новостью и небывалостью!.. Здѣсь характеръ Хлестакова—этого второго лица комедіи развертывается вполнѣ, раскрывается до послѣдней видимости своей микроскопической мелкости и гигантской пошлости. Къ сожалѣнію, это лицо понятнo меньше прочихъ лицъ, и еще не нашло для себя достойнаго артиста на театрахъ обѣихъ столицъ. Многимъ характеръ Хлестакова кажется рѣзкомъ, утрированъ, если можно такъ выразится, его болтовня, напоминающая не любо, не слушай—врать не мѣшай, изысканно-неправдоподобна. Но это потому, что всѣхъ хочетъ видѣть, и слѣдовательно видятъ въ Хлестаковѣ свое понятіе о немъ, а не то, которое существенно заключается въ немъ. Хлестаковъ является къ городничему въ домъ послѣ внезапной перемены его судьбы: не забудьте, что онъ готовился идти въ тюрьму, а между тѣмъ нашеть денги, почетъ, угощеніе, что онъ, послѣ невольнаго и мучительнаго голода, набѣлся досыта, отчего и безъ вина можно прийти въ какое-то полупьяное расслабленіе, а онъ еще и попиить. Какъ и отчего произошла эта внезапная перемена въ его положеніи, отчего передъ нимъ стоять все навтыяжку—ему до этого нѣтъ дѣла: чтобы поить это, надо думать, а онъ не умѣетъ думать, онъ влечется, куда и какъ толкаютъ его обстоятельства. Въ его полупьяномъ головѣ, при обремененномъ желудкѣ, все передвинулось, все перевернулось и Смирнинъ съ Брамбеусомъ, и „Библиотека“ съ „Сумбокою“ и Маврушка съ посланниками. Слова вылетаютъ у него вдохновенно; оканчивая послѣднее слово фразы, онъ не помнитъ ея перваго слова. Когда онъ говорилъ о своей значительности, о связяхъ съ посланниками, онъ не зналъ, что онъ вретъ, и нисколько не думалъ обманывать: сказавъ первую фразу, онъ продолжалъ, какъ бы противъ воли, какъ камень, толкнутый съ горы,

кажется уже не посредствомъ силы, а собственной тяжестью. „Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ (зѣваетъ во всю глотку). О чемъ, биншъ, я говорилъ?“ Если бы ему сказали, что онъ говорилъ о томъ, какъ отецъ сѣкать его розгами, онъ навѣрное уцѣпился бы за эту мысль и началъ бы не говорить, а какъ будто продолжать, что это очень больно, что онъ всегда кричалъ, но что „при цытѣшнемъ образованіи этимъ ничево не возьмешь“.

Многіе почитаютъ Хлестакова героемъ комедіи, главнымъ ея лицомъ. Это несправедливо. Хлестаковъ является въ комедіи не самъ собою, а совершенно случайно, мимоходомъ, и притомъ не самимъ собою, а ревизоромъ. Но кто его сдѣлалъ ревизоромъ? страхъ городничаго, слѣдовательно онъ — созданіе испуганнаго воображенія городничаго, призракъ, тѣнь его совѣсти. Поэтому онъ является во второмъ дѣйствіи и исчезаетъ въ четвертомъ, — и никому нѣтъ нужды знать, куда онъ поѣхалъ и что съ нимъ стало: интересъ зрителя сосредоточенъ на тѣхъ, которыхъ страхъ создалъ этотъ фантомъ, и комедія была бы не кончена, еслибы окончилась четвертымъ актомъ. Герои комедіи — городничій, какъ представитель этого міра призраковъ.

Въ „Ревизорѣ“ нѣтъ сценъ лучшихъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно-образующія собою единое цѣлое, округленное внутреннимъ содержаніемъ, а не вѣншей формою, и потому представляющее собою особенныи и замкнутый въ самомъ себѣ міръ. Скрѣпя сердце, пропускаемъ VII, VIII, IX и X явленія третьяго акта и остановимся только на оцѣнѣнѣнн городничаго, какъ бы кто ударилъ его обухомъ по головѣ: „такъ совсѣмъ ошеломяло! страхъ такой напалъ: еще такого важнаго чоловіка никогда не видалъ (задумывается); съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чертъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ, какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ или тебѣ хотятъ повѣсить...“ Это говоритъ уѣздный чиновникъ, служака, начавшій службу по старинному, что называлось „тануть ляжку“:

а вотъ голосъ чиновницы новаго времени, которая всегда образованнѣе своего мужа: „А я никакъ совершенно не ощутила робости, я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и пужды нѣтъ“. Безподобна и эта выходка философствующаго городничаго: „Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькій, поджаристый такой. Никакъ не узнаешь, что онъ важная особа“. Это голосъ стараго чиновника, врасплохъ застигнутаго новымъ временемъ: онъ уже и прежде слышалъ, а теперь собственными глазами удостовѣрился, что нынче-де уже по головѣ, а не по брюху дѣлаются важными особами.

Въ первыхъ сценахъ четвертаго акта Хлестаковъ бесѣдуетъ съ самимъ собой и является все тѣмъ же, все самимъ же собой, и не измѣняетъ себѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Послѣ дневныхъ сценъ съ чиновниками города, у которыхъ онъ набралъ денегъ, онъ еще въ первый разъ догадывается, что его принимаютъ не за то, что онъ есть, а за великаго государственнаго человѣка. Причина этого явленія и могущія выйти изъ него слѣдствія не въ силахъ остановить на себѣ его вниманія. Это одна изъ тѣхъ головъ, которыя не въ состояніи переварить самаго простаго понятія и глотаютъ не жевавши. Онъ очень радъ, что его приняли за важную особу: „Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физиономіи точно есть что-то такое внушающее“... и не докончить, сколько потому, что эта фраза слышанная, а не своя, столько потому, что вдругъ перепрыгнулъ къ другому предмету... „Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать взаимы денегъ“. Видите ли: его приняли за важную особу—оттого, что „у него въ физиономіи есть что-то внушающее“; это должная дань его личнымъ достоинствамъ, а не другая, болѣе важная для чиновниковъ причина; что ему начавали денегъ, это не взятки, а заемъ, и онъ на ту минуту, какъ говорить, вполне убѣжденъ, что возвратитъ имъ свои долгъ. Но Осипъ умѣе своего барина: онъ все понимаетъ и ласково тоже, какъ

будто мимоходомъ, совѣтуе ему уѣхать, говоря: „Погуляли зѣсь два денька, ну и довольно; что съ ними связываться! плюньте на нихъ! неровенъ часъ: какой-нибудь другой падеть“, и обольщаетъ его тройкой лихихъ лошадей съ колокольчикомъ. Эта приманка, ровно какъ и мимоходомъ сказанное предостереженіе, что „батюшка будетъ гнѣваться за то, что такъ замѣшкались“, и рѣшила Хлестакова послѣдовать благоразумному совѣту. Слѣдуетъ сцена съ кунцами, въ которой вы видите, какъ на ладоши, это купечество уѣзнаго городка, которое выучилось кое-какъ зашибать деньгу, а еще не обрилось и не умылось, чтобы отъ его бородки не пахло капустою; которое плохо знаетъ грамоту и живетъ на „авось“, т. е. гдѣ выторговать, а гдѣ падуль, и съ которымъ по всему этому городничій обходился безъ чиновъ: „схватить за бороду, говорить, ахъ ты, татаринъ!“, которое наконецъ любить коли давать, такъ давать—возьми и подносишь, и головку сахара, и кулечекъ съ виномъ, и не триста.—что триста!—пятьсотъ, только дѣло сдѣлай. Языкъ неподражаемо вѣренъ. Хлестаковъ опять не измѣняетъ себѣ: беретъ взимы, о взяткахъ слышать не хочетъ, и если гдѣ приходится въ маленькое недоумѣніе, тамъ толкаетъ его Осипъ и заставляеть не быть безъ дѣйствія. Но вотъ входитъ Марья Антоновна: она въ комнатѣ чужого молодого человѣка ищетъ маменьки... Ея приходъ толкаетъ Хлестакова, т. е. заставляеть дѣлать то, чего онъ не думалъ дѣлать. Онъ—франтъ, она—„барышня“: слѣдовательно ему должно волочиться за нею. Что изъ этого выйдетъ—такая мысль не можетъ прійти въ его пустую и легкую голову, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ вѣшняго обстоятельства, подъ впечатлѣніемъ настоящей минуты. „Барышня“ глупа, пуста и пошла, но она уже прочла нѣсколько романовъ, и у ней есть альбомъ, въ который Хлестаковъ долженъ написать какіе-нибудь такіе повенскіе „стишки“. О, ему это ничего не стоитъ—онъ много знаетъ наизусть стиховъ, напр.: „О ты, что въ горести напрасно“, и пр. И вотъ онъ на колыняхъ передъ нею. Увиди она—онъ черезъ минуту забылъ бы объ этой сценѣ, какъ со-

всѣмъ не бывалон; но входитъ мать и толкаетъ его „просить руки“ Марьи Антоновны. Онъ уѣзжаетъ въ полной увѣренности, что онъ—женихъ и что все сдѣлалось какъ должно; но извозчикъ крикнулъ, колокольчикъ залился—и Хлестаковъ готовъ спросить себя: „На чемъ, бишь, я остановился?“

Первыя сцены пятого акта представляютъ намъ городничаго въ полнотѣ его грубаго блаженства животной натуры. Здѣсь поэтъ является глубокимъ анатомикомъ души человѣческой, проникаетъ въ самые недоступные тайники ея и выводитъ наружу все скрывшееся въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ пятомъ актѣ городничій является въ своемъ апофеозѣ, полнымъ опредѣленіемъ своей сущности, вполнѣ опредѣлившейся возможностью: все темное, грязное, низкое и грубое, что крылось въ его природѣ, развивалось воспитаніемъ и обстоятельствами, все это всплыло со дна наверхъ, изнутри явилось наружу, и явилось такъ добродушно, такъ комически, что вы невольно смѣетесь тамъ, гдѣ бы должны были ужасаться. „Что, говоритъ онъ женѣ, тебѣ и во снѣ не видѣлось: просто изъ какой-нибудь городничихи, и вдругъ... фу ты, канальство! Съ какимъ дьяволомъ породилась!“— „Какія мы съ тобой теперь птицы сдѣлались! А, Анна Андреевна! высокаго полета, чортъ побери!“ Изъ труса онъ дѣлается нахаломъ, мѣщаниномъ, который вдругъ попалъ въ знатные люди: страхъ Сибири прошелъ—онъ уже не обѣщаетъ Богу пудовон свѣчи, и грозитъ еще жить и обирать купцовъ; велитъ кричать о своемъ счастьи всему городу, „валять въ колокола: коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми!“ его дочь выходитъ замужъ за такого человѣка. „что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ“. Боже мой! къ лицу ли ему генеральство! А онъ въ неистовомъ восторгѣ, въ бѣшеннѣйшей комической страсти отъ мысли, что будетъ генераломъ... „Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! и тамъ, на станціяхъ никому не дадутъ, все до-

жидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усть не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ: стой городничій! Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!“

Такъ проявляются грубѣя страсти животной природы! Это страсть — и страсть бѣшеная: у нашего городничаго сверкаютъ глаза, въ голосѣ тонъ изступленія, движенія порывисты. Если не вѣрите — посмотрите на Щенкина въ этой роли. Въ комедіи есть свои страсти, источникъ которыхъ смѣшонъ, но результаты могутъ быть ужасны. По понятію нашего городничаго, быть генераломъ — значитъ видѣть предъ собою униженіе и подлость отъ низшихъ, гнѣсти всѣхъ не-генераловъ своимъ чванствомъ и надменностью; отнять лошадей у человѣка нечиновнаго или меньшаго чиномъ, по своей подорожной имѣющаго равное на нихъ право; говорить „братецъ“ и „ты“ тому, кто говоритъ ему „ваше превосходительство“ и „вы“, и проч. Сдѣлайся нашъ городничій генераломъ — и когда онъ живетъ въ уѣздномъ городѣ, горе маленькому человѣку, если онъ, считая себя „не имѣющимъ чести быть знакомымъ съ генераломъ“, не поклонится ему, или на балу не уступитъ мѣста, хотя бы этотъ маленькій человѣкъ готовился быть великимъ человѣкомъ!.. тогда изъ комедіи могла бы выйти трагедія для „маленькаго человѣка“...

Приходъ купцовъ усиливаетъ волненіе грубыхъ страстей городничаго; изъ животной радости онъ переходитъ въ животную злобу. Сначала хочетъ говорить тихо, съ сосредоточенной яростью и злобой пропіен; но животная натура не даетъ ему выдержать этой роли: власть надъ собою принадлежитъ только образованнымъ людямъ: онъ постепенно приходитъ въ большую и большую ярость и раздражается ругательствами. Онъ пересчитываетъ Абдулину свои благодѣянія, т. е. напоминаетъ случаи, гдѣ они вмѣстѣ казну обкрадывали... Купцы являются тѣми же купцами: они низко кланяются, низко подличаютъ. Великодушный городничій смягчается, но на условіи, чтобы „засушенные бороды, аршинники, самоварники, протоканаліи и архибестіи“ не думали

„отбоярится отъ него какимъ-нибудь балычкомъ или голонон сахара“, ибо-де „онъ выдастъ дочку свою не за какого-нибудь дворянина“...

Начинають собираться гости. Городничій снова въ своемъ пышущемъ величїи. Передъ нимъ все подличаютъ, какъ передъ знатной особой; поздравляютъ вслухъ „съ необыкновеннымъ благополучіемъ“ и ругаютъ вполголоса. Городничиха, какъ и съ самаго начала пятаго акта, играетъ роль случайной дамы, которая однако нисколько не удивлена своимъ счастьемъ какъ по праву принадлежащимъ ей достоинствамъ и какъ давно привычнымъ ей. Она показываетъ, что равнодушна къ нему. Но устарѣлая кокетка беретъ верхъ надъ знатной дамою: она почти ослепляетъ жениха у своей дочери. Входитъ простодушный почтменстеръ и пренанвно открываетъ всѣмъ глаза насчетъ мнимаго ревизора, доказавъ очевидно, что онъ „и не уполномоченный, и не особа“. Сцена чтенія письма Хлестакова — въ высшей степени комическая. Но что же нашъ городничій? Вы думаете, ему стыдно, мучительно-стыдно видѣть себя такъ жестоко одураченнымъ собственной ошибкой, такъ тяжело наказаннымъ за свои грѣхи? Какъ бы не такъ! Бездарность, посредственность или даже обыкновенный талантъ тотчасъ бы воспользовались случаемъ заставить городничаго раскаяться и исправиться; но талантъ необыкновенный глубже понимаетъ натуру вещей и творить не по своему произволу, а по закону разумной необходимости. Городничій пришелъ въ бѣшенство, что допустилъ обмануть себя мальчишкѣ, вертопраху, у котораго молоко на губахъ не обсохло, онъ, который „тридцать лѣтъ жить на службѣ“, котораго „ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести: мошенниковъ надъ мошенниками обманывать: проиохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовъ оборотать, поддѣлать на уду; трехъ губернаторовъ обмануть!“ — Вы думаете, ему совѣстно, мучительно-совѣстно смотрѣть на тѣхъ людей, передъ которыми онъ сейчасъ только такъ ломался, которые унижались и подличали передъ его мнимой знатностью? Ничего не бывало! Когда драганшая его

половина обнаруживаетъ всю свою глупость наивнымъ вопросомъ: „Какъ же?... вѣдь это не можетъ быть... онъ со-вѣмъ вѣдь обручился съ нашей Машенькой?“ онъ не только не старается замѣть позорнаго для нихъ обоихъ объясненія, но еще съ досадою на ея недогадливость очень ясно толкуетъ ей, въ чемъ дѣло: „А развѣ ты не видишь, что у него все это фу-фу? Пустьшій человѣкъ, чортъ бы побралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отнимаетъ разумъ. Ну, что въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человѣка, или вельможу? Пусть бы онъ имѣлъ что-нибудь внушающее уваженіе, а то чортъ знаетъ что? дрянъ, сосулька! Тоньше сѣрной спички!“ Затѣмъ обманутые чудаки бросаются съ ругательствомъ на Петровъ Ивановичей, какъ первыхъ вѣстовщиковъ о пріѣздѣ ревизора. Брань сыплется на нихъ градомъ; они сваливаютъ вину другъ на друга, какъ вдругъ явленіе жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прерываетъ эту комическую сцену и, какъ громъ, разразившійся у ихъ ногъ, заставляетъ ихъ окаменѣть отъ ужаса, и такимъ образомъ превосходно замыкаетъ собою цѣлость пьесы.

Все, сказанное нами о „Ревизорѣ“, отнюдь не есть разборъ этого превосходнаго произведенія искусства. Подробный разборъ хода пьесы, характеровъ ея дѣйствующихъ лицъ, ихъ взаимныя отношенія и ихъ взаимодѣйствія другъ на друга завели бы насъ далеко и отвлекли бы отъ главнаго предмета „Горе отъ ума“, а наша статья и безъ того вышла слишкомъ велика. Скрѣпя сердце и обуздывая руку, мы не показали подробно развитія дѣйствія, а наскоро пробѣжали его, не останавливаясь на отдѣльных лицахъ, но, такъ сказать, зацѣплялись за нихъ. Наша цѣль была — намекнуть на то, чѣмъ должна быть комедія, художественно-созданная. Для этого мы старались намекнуть на идею „Ревизора“, а влѣдствіе ея не только на естественность, но и на необходимость ошибки городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора, — ошибки, составляющей завязку, интригу и развязку комедіи, а чрезъ все это указать по возможности

на цѣлость (Totalität) пьесы, какъ особаго, въ самомъ себѣ замкнутаго міра.

Не намъ судить, до какой степени выполнили мы все это; по крайней мѣрѣ теперь читатели могутъ ясно видѣть наши требованія отъ искусства и нашъ критеріумъ для сужденія о комедіи.

В. Бѣлинскій

Алфавитный указатель

литературныхъ именъ и предметовъ, встрѣ-
чающихся на страницахъ второй части „Рус-
ской критической литературы о произведеніяхъ
Н. В. Гоголя“.

Аксаковъ, К. 128—138, 140—148, 150, 152—160, 164—168, 169. „Александрюда“. 144. „Альфъ и Альдона“. 117. „Арабески“. 29, 160, 172, 173. Аріостъ. 15, 18, 67, 73, 154. Байронъ. 67, 97, 123, 125, 126, 128, 145—147, 153, 157, 160, 163. Беранже. 123, 147. „Библіотека для Чтенія“. 67, 99—101, 103—105, 113, 116—118, 139, 140, 190, 194. „Большой выходъ сатаны“. 117. „Борисъ Годуновъ“, Пушкина. 151, 178. Бочаровъ. 101. „Бояринъ Орша“, Лермонтова. 125, 146. Брамбеусъ, бар. (псевд. Сенковскаго). 113, 116, 117, 190, 194. Бѣлинскій. 99—128, 138—173, 177—202. Вальтеръ-Скоттъ. 13, 19, 121—123, 126, 145—148, 153, 154, 157. „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. 14, 160, 172.	„Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“. 160. „Взглядъ на современную русскую литературу (статья 2-я, сторона свѣтлая)“, С. Шевырева. 173. Виргилій. 73. „Вій“. 29, 172. Вольтеръ. 2, 113, 154. „Галубъ“, Пушкина. 146. „Гамлетъ“. 159. Гейне. 159. „Генріада“. 144. „Герой нашего времени“, Лермонтова. 117, 171. Гёте. 29, 67, 123, 125, 136, 157, 159, 160. Гомеръ. 15, 16, 67, 73, 83, 97, 98, 120—124, 126—134, 136, 139, 142, 143, 146—154, 156—159, 163, 166, 167, 182. „Гонзаловъ Кордуанскій“, Флоріана. 144. „Горе отъ ума“, Грибоѣдова. 201. „Горе отъ ума“, ст. Бѣлинскаго. 177. Гофманъ. 29. Гречъ, Н. 33—40, 103, 104, 175. Грибоѣдовъ, А. С. 178.

- Дантъ. 15, 17, 18, 123, 144, 150, 154, 157.
 „Два Призрака“. 117.
 „Демонъ“, Лермонтова. 146.
 Державинъ. 99.
 „Divina Comedia“, Данта. 144.
 „Дѣва Чудвая“. 116, 117.
 „Евгеній Онегинъ“, Пушкина. 67, 123.
 Жаненъ. 100.
 Жанъ-Поль. 6, 29.
 „Жанъ“. 98.
 „Женитьба“. 173.
 Жоржъ-Зандъ. 123, 132, 155, 156.
 Жуковский. 67.
 Загоскинъ, М. Н. 49.
 „Записки Сумасшедшаго“. 173.
 „Иванъ Федоровичъ Шляонька и его тетушка“. 159.
 „Игроки“. 173.
 „Илиада“, Гомера. 98, 120—122, 127, 129, 130, 135, 139, 142—145, 147—150, 153, 159, 166.
 „Кадмъ и Гармонія“, Хераскова. 144.
 „Каменный Гость“, Пушкина. 178.
 „Капитанская Дочка“, Пушкина. 117.
 „Коляска“. 172, 173.
 Корнель. 182.
 Крыловъ. 20, 110, 111, 147.
 Кукольникъ. 117.
 Куперъ. 122, 123, 145, 147, 153, 154, 157.
 „Лакейская Сцена“. 173.
 Ланкастеръ. 47.
 Лафонтенъ. 111, 177.
 Лермонтовъ. 117, 125, 146, 171.
 Листъ. 41.
 „Мазепа“. 115.
 Марлинскій. 162.
 „Мертвыя Души“. 1—175.
 „Мессіада“. 144.
 Милътонъ. 73.
 „Миргородъ“. 172.
 Мольеръ. 111, 182.
 „Москвитянинъ“. 1, 128, 140, 162, 172, 173.
 „Московскія Вѣдомости“. 184.
 „Мопартъ и Сальери“, Пушкина. 178.
 „Мцырь“, Лермонтова. 146.
 „Невскій Проспектъ“. 173.
 „Недоросль“, Фонвизина. 34.
 „Новая Элопа“, Руссо. 154.
 „Новоселье“. 116.
 „Носъ“. 29, 172, 173.
 „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души“, ст. Бѣлинскаго. 119, 128, 139, 140.
 „Объясненіе“, ст. К. Авсакова. 128, 141, 146, 148, 155.
 „Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „Мертвыя Души“. 138.
 „Одиссея“, Гомера. 67, 143, 145.
 Озеровъ. 176.
 Орловскій. 2.
 „Освобожденный Иерусалимъ“. 144.
 Основьяненко. 175.
 „Отечественныя Записки“. 99, 119, 128, 129, 131, 132, 135—141, 163, 168—170, 178.
 Перуджино. 15.
 „Петріада“. 144.
 Петръ Великій. 111.
 Плетневъ. 40—67.
 Полевой, Н. 175—177.
 „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи“, Хераскова. 144.
 Поль-де-Кокъ. 40, 95—98, 105, 113, 116.
 „Портретъ“. 160, 173.
 „Потерянный Рай“. 144.

- „Похожденія одной ревизской души“. 117.
Пушкинъ. 27, 67, 117, 123, 126, 127, 140, 146, 150, 151, 163, 171, 175, 178.
„Прометей“, Гёте. 125.
„Разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи“. 173.
Расинъ. 182.
Рафаэль. 15.
„Ревизоръ“. 4, 6, 7, 12, 33, 94, 117, 172—202.
„Римъ“. 162, 172, 173.
„Россіада“. 144.
„Русалка“, Пушкина. 178.
„Русскій Вѣстникъ“. 175.
Руссо, 125, 154.
Свифтъ, 154.
„Свѣтскія Сцены“. 173.
Сенковскій, О. 67, 98.
Сервантесъ. 123, 145, 147, 153, 154, 157, 164.
„Скупой“, Мольера. 182.
„Скупой рыцарь“, Пушкина. 178.
„Словарь Россійской академіи“. 37.
Смирдинъ, 190, 194.
„Современникъ“. 29, 40, 67, 139, 140, 172, 173.
„Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“. 12, 117, 172, 175, 178.
„Старосвѣтскіе Помѣщики“. 12, 14, 172, 175.
Стерня. 154.
„Страшная месть“. 160.
Сумароковъ. 176.
„Сумбека“ 190, 194.
„Сѣверная Пчела“. 33, 40.
„Тарасъ Бульба“. 12—14, 172, 175.
„Тартюфъ“. 182.
Тассъ. 73.
„Телемакъ“, Фенелона. 144.
Теньеръ. 2.
Тимофеевъ. 117.
Тинторентто. 174.
„Тяжба“. 173.
„Утро дѣловаго человѣка“. 172, 173.
„Фанелла“. 190.
„Фантастическія Путешествія“, бар. Брамбеуса. 113, 116.
„Фаустъ“, Гёте. 67, 125.
Фенелонъ. 144.
Флоріанъ. 144.
Фонвизинъ, 49, 111.
Херасковъ. 144.
„Цыгане“, Пушкина. 146.
„Чайльдъ-Гарольдъ“, Байрона. 67.
Шевыревъ, С. 1—32, 173—175.
Шекспиръ. 13, 19, 21, 27, 123, 124, 126—128, 130—132, 136, 139, 147, 156—159, 163, 164, 166, 167, 177, 182.
Шиллеръ. 123, 125, 126, 133, 157, 158, 160, 163, 164.
„Шинель“. 173.
Щепкинъ (актеръ). 199.
„Эвелина де-Вальероль“. 117.
„Энеида“. 144.
„Юная Словесность“, бар. Брамбеуса. 114.
„Юрій Милославскій“. 190.

СПИСОКЪ КНИГЪ, СОСТАВЛЕННЫХЪ И ИЗДАНЫХЪ В. А. ЗЕЛИНСКИМЪ.

---

1. Пособія по изученію русскаго языка:

1. Справочникъ по русскому правописанію, съ приложеніемъ орфографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква **Ѣ**. Составленъ по „Руководству“ Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 9-е. Ц. 50 к.

2. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

3. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

4. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ IV. Правописание, словопроизведеніе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

5. Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 6-е. Ц. 25 к.

6. Вступительный курсъ зрительнаго диктанта. Книга для элементарныхъ орфографическихъ упражненій. (Готовится къ печати).

7. Зрительный диктантъ. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система практическаго самоизученія русскаго правописанія по методу списыванія и разрѣшенія орфографическихъ задачъ. Часть первая. Изд. 17-е. Ц. 50 к.

8. Зрительный диктантъ. Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 9-е. Ц. 40 к.

9. Подробный орфографическій словарь, заключающій въ себѣ: правильное начертаніе словъ, указаніе удареній и раздѣленіе каждаго слова на части, для правильнаго переноса ихъ изъ одной строки въ другую. Приложение къ „Зрительному диктанту“. Ц. 2 р.

10. Справочный словарь буквы **Ѣ**. Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ **Ѣ**. Изд. 4-е. Ц. 25 к.

11. Таблицы для письменнаго грамматическаго разбора № 1. Части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4. Глаголь. (Печатаются новымъ изданіемъ).

12. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ: „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію“. Изд. 2-е. Ц. 25 к.

13. Краткій алфавитный справочникъ по русскому правописанію. Опытъ группировки орфографическихъ правилъ въ порядкѣ русскаго алфавита. Ц. 25 к.

II. Руководства по преподаванію русскаго языка:

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку).

14. а) Обученіе грамотѣ по звуковому способу. Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній, приѣмовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію грамотѣ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изданіе 5-е. Цѣна 1 р.

15. б) Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 6-е. Ц. 1 р. Вмѣстѣ съ Хрестоматіей—1 р. 25 к.

16. в) Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 5-е. Ц. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія всѣ три предъидущія книги допущены въ учительскія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

17. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Три выпуска. Изд. 6-е. Цѣна каждому выпуску 2 р.

18. Критическій комментарий къ сочиненіямъ Ф. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Четыре части. Первые три части изданіе 4-е, а четвертая часть изданіе 3-е. Цѣна каждой части 2 р.

19. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Три части. Первая часть изд. 3-е, а 2-я и 3-я—изд. 2-е. Ц. по 1 р. за часть.

20. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-бібліографическихъ статей. Семь частей. Ц. по 1 р. за часть (1-я, 2-я, 3-я и 5-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а всѣ прочія части—2-мъ изданіемъ).

21. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-бібліографическихъ статей. Восемь частей. Ц. по 1 р. за часть. (1-я, 2-я, 3-я и 4-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а 5-я, 6-я и 7-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

22. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Го-
голя. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ ста-
тей. Три части. Первая и вторая части изданіе 4-ое, а третья
часть изд. 3-е. Ц. по 1 р. за часть.

23. Критическіе разборы романа Тургенева: „Отцы и Дѣти“.
Изд. 3-е. Ц. 50 к.

24. Критическіе разборы романа Л. Н. Толстого: „Война и
Миръ“. Ц. 3 р. (Оттискъ изъ „Русской критической литера-
туры о произведеніяхъ Л. Н. Толстого“).

25. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго.
Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей.
Пять частей. 1-я часть изд. 3-е, а остальн. части—2-е. Ц. по
1 р. за часть.

26. Критическіе разборы „Дворянскаго Гнѣзда“ и „Наканунъ“—
Тургенева. Перепечатано безъ измѣненій изъ „Собранія крити-
ческихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Турге-
нева“. Изд. 4-е. Ц. 80 к.

27. Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермон-
това. 2 части. Изд. 2-е. Каждая часть по 1 р.

28. А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго. Отдѣльный
оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ
А. С. Пушкина“. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

29. Критическіе разборы „Записокъ Охотника“—Тургенева. Изда-
ніе 3-е. Ц. 50 к.

30. Критическіе разборы романа „Новъ“—Тургенева. Ц. 70 к.

31. Критическіе разборы повѣсти „Рудинъ“—Тургенева. Изда-
ніе 2-е. Ц. 40 к.

32. Критическіе разборы романа „Дымъ“—Тургенева. Изданіе
2-е. Ц. 40 к.

33. Критическіе разборы романа Ф. М. Достоевскаго „Престу-
пленіе и Наказаніе“. Ц. 1 р.

34. Критическіе разборы „Записокъ изъ Мертваго Дома“—До-
стоевскаго. Ц. 40 к.

35. Критическіе разборы „Мертвыхъ Душъ“—Гоголя. Ц. 1 р.

36. И. С. Тургеневъ. Біографія, ходъ развитія его таланта и
общая оцѣнка его литературной дѣятельности. Оттискъ изъ „Со-
бранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній
И. С. Тургенева“. Ц. 50 к.

Складъ изданій В. ЗЕЛИНСКАГО: Москва, Патріаршіе пруды,
д. Михайлова.

Данныя книжки показаны безъ пересылки. Пересылка по дѣйствительной
почтовой таксъ. Выписывающіе книгъ на сумму отъ трехъ рублей за
пересылку не платятъ, исключая плату за переводъ денегъ при на-
ложеніи платежа.

БИБЛИОТЕКА
ЮМЕРСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО